

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

- Сокурова С.А.** Отражение экономических и социокультурных трансформаций на Северном Кавказе во второй половине XIX – нач. XX века в газете «Терские ведомости».....
- Тахушева И.С.** Цензура и кавказская тематика в «Отечественных записках» в 1840-1860-е гг. ....
- Рамазанов М.З., Далгатов АГ.** Исторические взгляды Гасана-Эфенди Алкадари.....
- Дохова З.Р.** Роль личности в истории: М.Т. Лорис-Меликов .....
- Абаева М.Ш.** Проблемы строительства колесной дороги в Чегемское общество во второй половине XIX века .....

II. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Макиев Б.В.** Батрадз-рыцарь, или о некоторых параллелях в образе нарта Батрадза и воинском этосе западноевропейского средневекового рыцарства.....
- Магомедов М.М., Далгатов А.Г.** Погребальные обряды и инвентарь каякентско-хорочоевской культуры .....
- Осмаева П.А.** Трансформация повседневной жизни чеченского села в первые десятилетия XXI в. (на примере с. Старые Атаги).....
- Сугайпова А.М., Сугайпова Р.А.** Историко-культурное наследие Чечни (на примере материальной культуры).....
- Тулашев Я.А., Магомадов А.И.** Традиционная культура ногайцев в период модернизации 20-30-х гг. XX века .....
- Абдулвахабова Б.Б.-А., Усманова Л.А.** Приобщение женщины-горянки к социалистическим преобразованиям в 20-30-е гг. XX века в Чечне.....
- Курбанов А.-Г.К., Исмаилов А.М.** Институт аталычества у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. формы и локальные особенности

III. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

- Баликоева Л.М., Гутиев А.Э.** К вопросу формирования городской системы управления (на примере г. Владикавказ).....
- Эскиев М.М., Абдулвахабова Б.Б.-А.** Театр Чеченской Республики в конце XX – начале XXI в. ....

СТУПЕНЬ В НАУКУ

Николова А. Осетинское посольство в Санкт-Петербурге.....
Джанаева Е. О героях былых времен.....

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

*****

I. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

С.А. Сокурова,
аспирант КБГУ им. Х.М. Беребекова
(г. Нальчик)

ОТРАЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧ. XX ВЕКА В ГАЗЕТЕ «ТЕРСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Противоречивые социально-экономические и общественно-культурные процессы, происходившие на Кавказе в XIX-начале XX века, находили отклик на страницах многочисленных периодических изданий. В этот период формируется новый облик Кавказа, который находился под властью российской администрации. Традиционный уклад жизни горцев вступал в противоборство с попытками реформирования и модернизации традиционного кавказского образа жизни. Среди источников периодической печати этого периода особое место занимает газета «Терские ведомости». Это издание являлось важнейшим источником по истории Терской области и народов, проживавших в ней. На страницах «Ведомостей» публиковались как материалы официального содержания (правительственные указы, акты, социально-экономическая статистика), так и имевшие культурное значение исторические статьи, этнографические заметки, художественные произведения.

Ключевые слова: периодическая печать, терские ведомости, исторический источник, модернизация.

The contradicting social and economic and social and cultural processes that took place in the Caucasus in the XIX – early XX century, found a response on the pages of numerous periodicals. During this period, a new image of Caucasus was formed, which was under the power of the new Russian Administration. The traditional way of life of the Highlanders came into conflict with attempts to reform and modernize the traditional Caucasian way of life. Among the sources of the periodical press of this period the newspaper "Terskie Vedomosti" occupies a special place. This edition was the most important source on the history of the Terek region and the peoples who lived in it. Not only official materials (government decrees, acts, social and economic statistics), but also materials with social and cultural significance (historical articles, ethnographic notes, and works of art) were published on the pages of Vedomosti.

Keywords: periodical press, Terskie Vedomosti, historical source, modernization.

Вступление человечества в цифровую эру повлекло за собой глобальные социокультурные трансформации. Повсеместное внедрение скоростного интернета привело к неизбежному кризису в сфере печатных изданий. Актуальную информацию мы теперь получаем не из бумажных газет и журналов, а с экранов различных гаджетов. Наиболее практичной и оперативной новостной площадкой становятся интернет-ресурсы, социальные сети или авторитетные блоги. Но достоверность этой быстрой информации по-прежнему остается под большим вопросом. Информационная война, фейковые новости стали привычными явлениями для современного человека. М.Ф. Румянцева называет эту ситуацию «постпостмодерном», и выдвигает концепцию перехода информационного века в век «манипуляционный» [1].

Эта формирующаяся реальность задает новые исследовательские вопросы и задачи. В этой связи актуализируется важнейшая научная проблема извлечения информации и способах критического анализа источников. Проблема исторического источника является важнейшей для научного сообщества. Историческая наука имеет дело не с самим прошлым, а с вещественными и письменными материалами. Все дошедшие до нас исторические памятники проходят несколько уровней субъективизации. Задача историка – изучить обстоятельства возникновения подобного источника и извлечь из него необходимую информацию.

Периодическая литература в корпусе исторических источников имеет несколько обособленный статус. Внешняя форма и внутреннее содержание печатных изданий отличались разнообразием. Множество дискуссионных вопросов связано с видовой классификацией этого источника. В. Рынков высказывает интересную мысль, о том что, периодика не является видом исторических источников, а, напротив, сама может содержать в себе все виды источников. Научная работа с подобным нарративом представляет

определенные сложности. Это связано со спорным статусом периодических изданий как формы фиксации исторических событий.

Особый научный интерес представляет период истории, когда печатное дело имело значимый общественный статус и являлось флагманом развития и прогресса. XIX век – один из самых примечательных периодов развития Российского государства. Выдающиеся деятели культуры – ученые, историки, публицисты и литераторы – оставили богатое интеллектуальное наследие по этому периоду. Исключительный духовный подъем русской культуры не мог не оставить заметного отпечатка на жизни народов Северного Кавказа, включенных в этот период в сферу социально-экономического влияния России. Одним из самых важных элементов прогресса и модернизации региона стало, помимо прочего, возвращение российской администрацией местной национальной интеллигенции. Сложные социально-экономические и общественно-культурные процессы, происходившие на Кавказе находили отклик на страницах многочисленных периодических изданий.

Среди них особое место занимает газета «Терские ведомости», которая выходила в свет с 1868 по 1917 года. Это издание является важнейшим источником по истории Терской области. На страницах «Ведомостей» публиковались как материалы официального содержания, так и имевшие общественно-культурное значение исторические статьи, этнографические заметки, художественные произведения. Газета состояла из официальной и так называемой неофициальной части.

В официальной части публиковались высочайшие указы, правительственные постановления и акты, т.е. документы, которые касались непосредственно социально-экономического устройства региона [2]. Многочисленные материалы, опубликованные за период существования газеты, могут стать источниками для исследования важных исторических

вопросов. К примеру, социокультурные последствия Кавказской войны для горских народов, противоречивый характер модернизации края, научно-просветительская деятельность первого редактора газеты А.Г. Кешева, содержание правительственных реформ, вопросы цензуры и политика печатных изданий, криминальная хроника и многое другое.

Источники этого периода весьма многочисленны, и многие из них остаются не отрефлексированными и не изученными в должной мере по сей день. Они представляют для исследователей большую источниковедческую и историографическую задачу. Есть множество обобщающих исследований, в которых систематизированы газеты, журналы и листовки, выходившие в этот период на Северном Кавказе. Но монографических работ с глубоким анализом содержания по периодике не так уж много.

Одним из самых интересных вопросов этого периода – тема просвещения и образования, а также формирование и развитие национальных интеллигенций. Личности горских просветителей, активно публиковавших свои литературные и научные произведения на страницах различных печатных изданий, являются ценнейшим источником по изучению истории Северного Кавказа. На Кавказе Россия столкнулась с непохожим на нее миром со своими особенностями, пугающими или привлекательными, с миром Иного. Познание этого мира, помимо основной своей функции – приращения знания о Кавказе, стало одним из способов самоидентификации российской культуры, ведь, только в подлинной коммуникации с Другим рождается наше подлинное существование. Познавая Другое, сравнивая его со своим бытованием, русская культура определяла как собственную социокультурную специфику, так и общие черты с Кавказом, без осознания которых невозможен продуктивный диалог [3].

Отличительной чертой подобного рода материалов является то, что они создаются в определенных социально-экономических условиях, с

конкретными практическими цели, и направлены на формирование общественного мнения. Очень важно учитывать условия и обстоятельства создания подобного вида источников.

Влиятельная газета «Терские ведомости» была, с одной стороны, основным источником социально-экономических и статистических сведений о регионе, с другой – важным источником информации историко-культурного и просветительского характера [4]. Страницы «Ведомостей» со временем превращаются в общественно-дискуссионную площадку для обсуждения злободневных вопросов. Невозможно отрицать взаимовлияние общества и государства на страницах периодических изданий этого периода. И это обстоятельство превращает «Терские ведомости» в настоящий социокультурный феномен. К. Хетагуров, который некоторое время сотрудничал с газетой, называл издание «Мерзкие ведомости». Критикуя реакционную политику царской администрации, он одновременно говорил о важности русского влияния на культуру и развитие народов Северного Кавказа, и о ее прогрессивной роли в судьбах горских народов.

С.А. Айларова относит периодическую печать к элементам формирующего гражданского общества и рассматривает «Терские ведомости» как площадку для выражения мнений различных слоев населения [5]. Но возможно ли правительственную газету с оформленной идеологией отнести к формам проявления гражданственности? Это проблема требует отдельного исследования.

Видный источниковед А.С. Лаппо-Данилевский особое значение придает телеологической интерпретации, т.е. пониманию исторического источника с точки зрения целеполагания его автора [6]. Этот подход может дать ответы на многие вопросы. Исследование темы должно включать в себя информацию об учреждении газеты, ее главном редакторе, цензурный устав, действовавший в этот период, кем являлись авторы статей.

В этой связи особенный интерес представляет личность редакторов разных лет и проводимая ими политика, вопросы цензуры, внутренняя структура газеты, тематика репортажей, стиль изложения материала [7].

История возникновения и становления периодической печати на Северном Кавказе имеет огромную ценность для исторической науки и для кавказологии в частности. Это необъятный пласт источников по этнографической, социально-экономической, культурно-общественной жизни народов Северного Кавказа. В этот период происходила борьба со старым укладом. Формируется новый облик Кавказа, который теперь называется российской административной властью. Традиционный уклад жизни горцев вступал в противоборство с попытками реформирования и модернизации. Периодическая печать отражала все эти важнейшие социокультурные процессы.

-
1. Румянцева М.Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в познавательном пространстве постпостмодерна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России., 2006.
  2. Айларова С.А. Хозяйственно - экономическая проблематика на страницах «Терских ведомостей» (60-70-е гг. XIX в.)
  3. Сокурова С.А., Коновалов А.А. Образ Другого и социокультурный диалог: Кавказская война в русской литературе XIX века // Известия СОИГСИ. 2019. С. 141.
  4. Масловский В. Заметка о хозяйстве горцев Кабардинского округа // Терские ведомости. Неофициальная часть. 1869. – С. 1-6.
  5. Айларова С.А. Периодическая печать как элемент гражданского общества в социально-экономической сфере Северного Кавказа в 60-70 –е гг. XIX века // Кавказология, 2019. – С.44.
  6. Лаппо-Данилевский А.С., Методология истории. т.1. 2010. – С. 61.

7. Чамокова Э.Т. Отражение социокультурных процессов в публицистике адыгского писателя-просветителя Адыль-Гирея Кешева // Человек и наука. Майкоп, 2006.

И.С. Тахушева
аспирант СКИ РАНХиГС
(г. Пятигорск)

ЦЕНзуРА И КАВКАЗСКАЯ ТЕМАТИКА В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ» В 1840-1860-Е ГГ.

В статье проанализирована проблема взаимоотношений цензурного ведомства и редакции журнала «Отечественные записки» в контексте публикации материалов по истории народов Кавказа. Освещена позиция цензурного комитета, который создал систему запретов, распространившихся на ведущие либерально-демократические журналы России. Автор исследует принципы освещения в «Отечественных записках» истории Кавказа в годы военного противостояния с имперским правительством.

Ключевые слова: цензура, цензурный комитет, «Отечественные записки», периодическая печать, журнал, Кавказ, Кавказская война.

The relationship between The Office of Censorship and The Editorial Office of The «Otechestvennye Zapiski» (“Patriotic Notes”) journal is analyzed in the article in the context of publishing materials on the history of Caucasus peoples. The article highlights the position of the censorship committee, which created a system of bans that extended to the leading liberal-democratic journals in Russia. The author explores the principles of coverage in the «Otechestvennye Zapiski» (“Patriotic Notes”) of the history of the Caucasus during the years of military confrontation with the imperial government.

Keywords: censorship, Censorship Committee, «Otechestvennye Zapiski» (“Patriotic Notes”), periodical press, journal, Caucasus, The Caucasian War.

История народов Северного Кавказа насыщена яркими и драматическими эпизодами. Переломным для горцев стал XIX век, когда Россия активно инкорпорировала Кавказский регион в имперскую административно-территориальную и политико-правовую систему. Эти события стали предметом широкого обсуждения дореволюционной российской и заграничной интеллигенции, дискутировавшей по кавказскому вопросу на страницах ведущих столичных периодических изданий. Однако

политическая конъюнктура XIX в. заставляла представителей различных идеологических течений высказываться об актуальных проблемах страны осторожно. Если консервативно-охранительные органы печати, например, «Московские ведомости» (1756–1917), «Русский вестник» (1856–1906), одобряли колонизаторские методы интеграции Кавказа и открыто поддерживали применение силы в регионе, то либерально-демократические журналы, в частности «Современник» (1836–1866) и «Отечественные записки» (1818–1884), отходившие от правительственных установок, вынуждены были латентно выражать политическую позицию по кавказскому вопросу.

В связи с этим, имперская власть установила жесткий контроль над публицистической деятельностью печатных СМИ, главных проводников оппозиционных идей. В особенности это проявилось в годы правления Николая I (1825–1855), когда из-за начавшейся активной фазы боевых действий на Кавказе усилился цензурный диктат. Любая острая фраза о политике России на Кавказе могла привести к административному преследованию редакторов журналов и даже к закрытию их печатных органов.

Строгие запреты для периодических изданий были установлены «чугунным» цензурным уставом 1826 г., разработанным министром просвещения, идеологом консервативных взглядов, адмиралом А.С. Шишковым. Устав не допускал критики правительства, внесения каких бы то ни было предложений о преобразованиях в стране. Цензор был вправе потребовать от автора произведения кардинальной переработки сюжета, отказа от принципиально важных выводов, любых перемен в тексте. Правительство боялось, что поддержка национально-освободительной борьбы горцев Кавказа периодическими изданиями и выступление в печати с осуждением действий российской власти в регионе может привести к

дезорганизации общества и волне недовольства. Учитывая, что общественное движение с годами только нарастало, опасения властей были вполне оправданы.

Издатели «Отечественных записок» – одного из самых востребованных столичных журналов России XIX в. – много внимания уделяли кавказскому вопросу, но старались не вызывать внимание цензоров. Во время действия цензурного устава острые и противоречивые высказывания авторов статей или членов редколлегии не допускались в печать. Несмотря на сложившуюся ситуацию, редакция не оставляла читателей без актуальных сведений о Кавказе. Запрет на публикацию политической информации восполнялся изданием статей по этнографии, археологии, истории горцев, а также рецензированием трудов по древней и новой истории Кавказа.

Весь комплекс статей о Кавказе, опубликованных в журнале 1820–1840-е гг., можно разделить на несколько тематических групп: 1) рецензии на кавказоведческие труды и периодику (например, произведения Н.Я. Данилевского [1], Н.И. Зряхова [2], газету «Кавказ» [3]); 2) статьи об экономическом освоении Кавказа (труды Ф. Герзи [4]); 3) литературно-художественные произведения (сочинения М.Ю. Лермонтова [5], Д.П. Ознобишина [6], С.И. Строилова [7]); 4) материалы по археологии Юга России [8]; 5) этнографические труды [9]. Таким образом, в пределах установленных цензурных рамок «Отечественные записки» знакомили читателей с прошлой и современной жизнью населения далекого Кавказа. Редколлегия учитывала требования властей и не позволяла корреспондентам и авторскому коллективу обсуждения в прессе политических новостей.

Однако в 1844 г. «Отечественные записки» допустили отступление от цензурных правил, что стало причиной шумного разбирательства и преследования журнала. П.Н. Кудрявцев, ученик В.Г. Белинского, ведущий

критик журнала, опубликовал теплую рецензию на роман русской писательницы Е.П. Лачиновой «Прodelки на Кавказе» [10, 67-72].

Е.П. Лачинова (псевдоним «Е. Хамар-Дабанов»), долгое время жившая в Ставрополе и Тифлисе, была очевидцем событий Кавказской войны. Роман она опубликовала в 1844 г. в Петербурге и в 1846 г. в Лейпциге на немецком языке под названием «Москвичи и черкесы». Лачинова осмелилась показать читателю закулисную сторону Кавказской войны. Она описала «прodelки» на Правом фланге Кавказской линии во времена управления свирепого царского генерала Г.Х. Засса – «страшилища черкесов», при котором было организовано много карательных экспедиций за Кубань. Разоблачение было весьма умеренным, но по «тогдашнему времени» казалось слишком смелым и даже дерзким. Роман, таким образом, не оставил равнодушными ни критику, ни власти.

В предписании начальника III Отделения Собственного Его Императорского Величия Канцелярии (далее – С.Е.И.В.К.) Л.В. Дубельта указывалось, что цензорам следует обратить особое внимание на произведение Е. Хамар-Дабанова «Прodelки на Кавказе», так как в нем содержится «много сомнительных мест, которые не должны бы быть передаваемы читающей публике» [11, л. 237]. Император Николай I негодовал: «Мы ничего не знаем о Кавказе, а эта дама открывает нам глаза» [12], а военный министр А.И. Чернышев высказался: «Книга эта тем вреднее, что в ней что строчка, то правда» [13, 283].

Вокруг романа разразился скандал. Вызвавшая возмущение императора и военного командования повесть Лачиновой была запрещена цензурным комитетом, тираж изъят из продажи. Все это объясняет тревогу, вызванную появлением в «Отечественных записках» рецензии на книгу. В большинстве экземпляров журнала «Отечественных записок» была вырезана рецензия Кудрявцева. За пропуск сочинения Лачиновой в печать был уволен от

должности цензора и подвергнут аресту профессор Московского университета Н.И. Крылов. Над Лачиновой по приказу Николая I был установлен полицейский надзор [14, л. 1].

К еще большему ужесточению цензурного режима и изменению общественной атмосферы в стране привели революционные потрясения в Европе в конце 1840-х гг. Император дал повеление учредить секретные цензурные Комитеты как дополнение к системе высших и центральных государственных учреждений в целях повышения оперативности действий государственного аппарата и для тайного обсуждения планов государственных нововведений. Это были немногочленные, наделённые огромными полномочиями объединения особо доверенных Николаю I высших сановников [15, 186-188]. Среди них выделялись И.В. Васильчиков, А.Н. Голицын, М.М. Сперанский, М.А. Корф, А.С. Меншиков, Д.П. Бутурлин, Л.В. Дубельт и др. [16].

27 февраля 1848 г. в Министерство народного просвещения поступило «собственноручно написанное» императором распоряжение: «Необходимо составить комитет, чтобы рассмотреть, правильно ли действует цензура, и издаваемые журналы соблюдают ли данные каждому программы. Комитету донести мне с доказательствами, где найдет какие упущения цензуры и ее начальства, т.е. Министерства народного просвещения, и которые журналы и в чем вышли из своей программы» [17, л. 11]. Как видим, Николай I четко определил основные направления работы нового управленческого звена, предлагая передать ему часть выполняемых им функций цензора цензоров. Особое внимание он обратил на развивающуюся, несмотря на все ограничения, журналистику.

Уже 9 марта 1848 г. был учрежден Особый комитет под председательством морского министра князя А.С. Меншикова, убежденного, что вся периодическая печать должна быть союзницей правительства, и

считавшего, что долг редакторов не только отклонять все статьи предосудительного направления, но и содействовать своими журналами правительству «в охранении публики от заражения идеями, вредными нравственности и общественному порядку» [18].

14 апреля 1848 г. вместо временного «меншиковского» цензурного учреждения был создан постоянный секретный Комитет, прозванный «бутурлинским» [19], по имени его председателя – графа Д.П. Бутурлина. Этот орган стал главным оплотом «цензурного террора» конца 1840-х – начала 1850-х гг. За годы «мрачного семилетия» (1848–1855) лишь «Северная пчела», «Библиотека для чтения» и «Москвитянин» получили его положительные отзывы. Либерально-демократические, прогрессивные периодические издания постоянно подвергались жестким преследованиям.

Правительство акцентировало внимание комитета на необходимости установить за журналами «Современник» и «Отечественные записки» особый контроль. Признавая их «лучшими и имеющими перед другими журналами обширнейший круг читателей» [17, л. 12], члены III Отделения С.Е.И.В.К. предостерегали, что принцип описания журналами «природы и людей, как они есть, без всяких прикрас и преувеличений» [17, л. 12] опасен для общества. Правдивое воспроизведение действительности противоречило императорским предписаниям.

Высшие властные круги особенно настораживало то, что как представители натуральной школы, «Современник» и «Отечественные записки» старались изображать горцев Кавказа и особенности их противостояния с российским правительством в духе реализма. Цензурные материалы подчеркивают, что либерально-демократические журналы, в частности «Отечественные записки», в лице редакторов В.Г. Белинского, А.А. Краевского, Н.А. Некрасова, с 1840-х гг. часто публиковали правдивые новостные хроники с Кавказской войны и транслировали информативные

статьи о ментальных характеристиках и истории горского социума, за что получали строгие выговоры и замечания от цензоров.

Шеф жандармов и начальник III Отделения С.Е.И.В.К. А.Ф. Орлов в докладной записке предупреждал: «Чем больше будет доставляться дурной пищи для ума, тем более опасаться должно последствий» [17, л. 131]. Правительство постепенно закручивало гайки в обществе. В 1852 г. было издано распоряжение министра народного просвещения П.А. Ширинского-Шихматова со строгими предписаниями: «Рассмотрение всех вообще, предназначаемых к печатанию статей, в коих заключаются рассуждения, касающиеся каких-либо правительственных распоряжений на Кавказе, за Кавказом и в Ставропольской губернии, а также тех, где помещаются какие-либо исторические, статистические, этнографические и тому подобные сведения об означенном крае, доставлять на предварительное заключение в Канцелярию Кавказского комитета» [20, л. 237 об. – 238]. Таким образом, цензорам строго вменялось, прежде чем пропускать в печать статьи и новостные сводки о Кавказском регионе, их необходимо было присылать на предварительный анализ в Кавказский комитет.

После вступления указа в силу тщательной проверке подвергались все труды о горцах Кавказа. Поэтому, чтобы не вызывать раздражение властей, «Отечественные записки» в 1848–1855 гг. перепечатывали официальные документы, извлечения из правительственных сообщений, отчетов. В отделе «Современная хроника России» были опубликованы правительственные указы и дополнения к ним по вопросам деятельности центральных и региональных учреждений и законах гражданских и уголовных в Кавказском регионе. Например, читатели «Отечественных записок» получали сухую и сдержанную информацию из законодательных сводок о внесении изменений в положение чиновников на Кавказе [21, 5], утверждении штатов Тифлиских городской полиции и квартирной комиссии, учреждении Закавказского

Приказа Общественного Призрения, находившегося в непосредственном ведении кавказского наместника, кавказских и закавказских выпускниках имперских высших учебных заведений [22, 33-34]. В 1850 г. в журнале были опубликованы изменения и дополнения к положениям об управлении Ставропольской губернией, в частности, указ об упразднении Губернского Совета и передаче его функций управляющему гражданской частью в Ставропольской губернии [23, 5-6] и др.

Таким образом, А.А. Краевский, один из лучших организаторов издательской деятельности в XIX в., несмотря на цензурные гонения, умело угадывал запросы населения и печатал актуальную информацию. В то же время, когда политическая обстановка требовала подчинения и смиренности, он мог в угоду властям публиковать верноподданнические статьи.

После завершения эпохи «мрачного семилетия» «Современник» и «Отечественные записки» вернулись к привычному идеологическому курсу. Приход к власти либерально настроенного Александра II (1855–1881) изменил отношение цензуры к периодическим изданиям. Заинтересовавшись обновленными либерально-демократическими «толстыми» журналами, жители центральных уездов и провинциальных городов активно подписывались на них. Население стремилось быть в курсе либеральных нововведений императора, а также узнавать новости о завершающем этапе войны с горцами Кавказа.

Однако выписка Тифлисским семинарским правлением «Отечественных записок» с негодованием было встречено Святейшим Синодом. Информация о том, что в 1859 г. семинария потратила на подписку на «Современник», «Отечественные записки» и «Библиотеку для чтения» 50 руб. 50 коп., а в 1860 г. – 33 руб., возмутила его членов. Канцелярия Правительствующего Синода напоминала, что Тифлисской семинарии с 1841г. разрешено было выписывать только «Санкт-Петербургские

ведомости» или «Московские ведомости», а также духовные журналы. От Семинарии Синод потребовал ограничить выпуск периодических изданий, настоятельно советовал впредь быть осмотрительной в выборе журналов и снабжать библиотеку сочинениями только для серьезного изучения [24, л. 1-5].

Таким образом, либерально-демократическое направление «Отечественных записок», отстаивавшее принцип честного освещения кавказского вопроса в журнале в 1840–1860-е гг., вызывало недовольство и преследование Цензурного комитета. Кавказская война, затянувшаяся на многие года и сопровождавшаяся тяжелыми жертвами как со стороны русского, так и кавказских народов, стала самой обсуждаемой темой в стране. Поэтому цензорам было предписано жестко пресекать любые острые высказывания о противостоянии в регионе, не допуская в печать крамольные мысли. Цензурная политика правительства заключалась в предупреждении дискредитации имперской власти прогрессивными журналами, рассматривавшими кавказскую тематику как политическую и стремившимися даже в критических рецензиях на те или иные публикации выразить свое отношение к событиям на Кавказе, и тем самым пропагандировать борьбу с самодержавием.

-
1. Данилевский Н.Я. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. С объяснением истории, религии, языка, облика, одежды, строений, воспитания, правления, законов, коренных обычаев, нравов, образа жизни, пищи, образования и торговли хищных Горцев Кавказа (с шестью рисунками). М., 1846 // Отечественные записки. 1846. Т. 48. С. 96-97.
  2. Зряхов Н.И. Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга. Русская повесть, в

- двух частях. С военными маршами и хорами певчих. Издание второе. М., 1842 // Отечественные записки. 1842. Т. 23. С. 13; Зряхов Н.И. Битва русских с кабардинцами... Издание третье. М., 1843 // Отечественные записки. 1843. Т. 29. С. 76; Зряхов Н.И. Битва русских с кабардинцами... Издание четвертое. М., 1844 // Отечественные записки. 1844. Т. 34. С. 13; Зряхов Н.И. Битва русских с кабардинцами... Издание пятое. М., 1845 // Отечественные записки. 1845. Т. 43. С. 97.
3. Сборник газеты «Кавказ», издаваемый О.И. Константиновым. Второе полугодие 1847 г. Тифлис, 1848 // Отечественные записки. 1848. Т. 57. С. 78-79.
  4. Герзи Ф. Путешествие в южные провинции России, прилежащие к Каспийскому и Черному морям [статья первая. С примеч. С.М. Усова] // Отечественные записки. 1839. Т. 3. С. 1-32; Герзи Ф. Обзорение шелководства России. Путешествие от Тифлиса по Грузии в мусульманские провинции [статья вторая. С примеч. С.М. Усова] // Отечественные записки. 1839. Т. 5. С. 1-32.
  5. Лермонтов М.Ю. Дары Терека // Отечественные записки. 1839. Т. 7. С. 1-3; Лермонтов М.Ю. Бэла (из записок офицера о Кавказе) // Отечественные записки. 1839. Т. 2. С. 167-212; Лермонтов М.Ю. Фаталист [С прим. А.А. Краевского] // Отечественные записки. 1839. Т. 6. С. 146-158; Лермонтов М.Ю. Тамань [С прим. А.А. Краевского] // Отечественные записки. 1840. Т. 8. С. 144-154.
  6. Ознобишин Д.П. Кисловодск («Долина есть в краю далеком...») // Отечественные записки. 1840. Т. 9. С. 80-81; Ознобишин Д.П. Кавказское утро («Люблю я кавказское утро: тот час как полночные тени...») // Отечественные записки. 1840. Т. 9. С. 151-152; Ознобишин Д.П. Пятигорск («Пустынный край! Здесь дивного рука...») // Отечественные записки. 1840. Т. 10. С. 281.

7. Стромиллов С.И. Дагестанская ночь («Над горами Дагестана...») // Отечественные записки. 1839. Т. 3. С. 250-251.
8. Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками [А.Б. Ашика]. Одесса, 1845 // Отечественные записки. 1846. Т. 49. № 11. С. 19-23; Курганы на северной стороне Азовского моря // Отечественные записки. 1845. Т. 41. № 8. С. 97-101.
9. Екельн Л. Из записок русского, бывшего в плену у черкесов // Отечественные записки. 1841. Т. 19. С. 91-96; Екельн Л.Ф. Дженнат и Бока: чеченская повесть // Отечественные записки. 1843. Т. 31. С. 1-51.
10. Кудрявцев П.Н. Прodelки на Кавказе. Соч. Е. Хамар-Дабанова. СПб., 1844 // Отечественные записки. 1844. Т. 34. С. 67-72.
11. Российская национальная библиотека – далее РНБ. Ф. 831. Цензурные материалы. Т. 2. XXII отдел – Кавказ и Сибирь. Отношение генерал-лейтенанта Дубельта. 26 мая 1844 г. № 53.
12. Цит. по: Докудовский В.А. Воспоминания. Рязань, 1897. С. 90. URL:http://militera.lib.ru/memo/0/pdf/russian/dokudovsky_va01.pdf (дата обращения: 26.01.2020).
13. Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. М., 2005. Т. 1.
14. Российский государственный исторический архив – далее РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. 597.
15. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М.: Мысль, 1981. 252 с.
16. Старкова Л.К. «Цензурный террор» 1848–1855 гг. / Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 2000. 27 с. URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/THEME/STOP/STARKOVA.HTM> (дата обращения: 02.02.2020).
17. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 208 б.

18. Цит. по: Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. В 2-х томах. Т. 1. Вып. 1. / Под ред. Г. Г. Суперфина. Пред. И.А. Пильщикова и В.С. Парсамова. М.: «Пробел-2000», 2014. 232 с.
19. Официальное название Комитета – «Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений».
20. РНБ. Ф. 831. Цензурные материалы. Т. 2. XXII отдел – Кавказ и Сибирь. Распоряжение министра народного просвещения от 17 сентября 1852г. № 154.
21. Обзорение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за ноябрь 1847 г. // Отечественные записки. 1848. Т. 56. С. 5.
22. Обзорение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за июнь 1848 г. // Отечественные записки. 1848. Т. 59. С. 33-34.
23. Обзорение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за ноябрь 1849 г. // Отечественные записки. 1850. Т. 68. С. 5-6.
24. РГИА. Ф. 802. Оп. 8. Д. 26932.

*М.З. Рамазанов,
студент ДГУ
А.Г. Далгатов,
дин, профессор ДГУ
(г. Махачкала)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ГАСАНА-ЭФЕНДИ АЛКАДАРИ

В статье освещается значение педагогического наследия выдающегося ученого Алкадари; исследуются основные этапы его деятельности; предпринимается попытка выявить его роль в становлении и развитии системы образования и просвещения

Дагестана, определяется вклад исторического наследия ученого-мыслителя в историко-педагогическую теорию и практику рассматриваемого периода.

Ключевые слова: *Асари, Дагестан, ученый-мыслитель, арабист, просветитель, педагогика.*

The article gives coverage to the importance of the pedagogical heritage of the authentic scholar Alcadari; explores the main stages of its activities; an attempt is made to identify his role in the formation and development of the system of education and enlightenment of Dagestan, the contribution of the historical heritage of the scientist-thinker to the historical and pedagogical theory and practice of the period under consideration is determined.

Keywords: *Asari-Dagestan, scientist-thinker, Arabist, educator, pedagogy, public and political figure.*

Исследование истории дагестанской культуры выявило такую многогранную личность, как Гасан Алкадари, который зарекомендовал себя и как политик, и как ученый, и как литературовед, и как историк. Без него немислима история Дагестана периода конца XIX и начала XX вв., являясь историей дагестанской культуры, он – автор многочисленных трактатов о Дагестане, его истории и взаимодействии народов. В своем сочинении «Асари Дагестан», Гасан Алкадари излагает историю и генезис дагестанского народа, в сочинении «Джираб ал-Мамнун» рассматриваются юридические и этические проблемы дагестанцев, помогающих и решающих гносеологические, онтологические, аксиологические и праксиологические вопросы.

Гасан Алкадари ученые правоведы признают знатоком юриспруденции не только на территории Дагестана, но и далеко за его пределами. Он – олицетворение науки в Дагестане во многих вопросах, создатель первой светской школы на территории республики, двери которой были открыты для всех желающих получить светское образование.

Алкадари, являясь последователем и выходцем арабо-мусульманской среды, тем не менее, был сторонником тех немногочисленных мыслителей, которые одобрили вхождение Дагестана в состав России. Они видели в этой

интеграции благо для дагестанского народа во многих аспектах бытия: «Для дагестанцев, – писал он, – открылись двери к просвещению, и открылось поприще для мирного труда», это был второй этап получения горским народом просвещения после арабо-мусульманского. После вхождения Дагестана в состав России Алкадари был сослан в ссылку в Тамбовскую область по обвинению в участии в восстании. Ссылка позволила мыслителю познакомиться с новыми людьми, обрести новые знания, он свои впечатления от знакомства с поэтами, мыслителями, религиозными деятелями, проживающими в городе Спасске, описал в сборнике «Диван аль-Мамнун».

Как один из замечательных и авторитетных деятелей дореволюционной дагестанской науки и общественной мысли Гасан Алкадари внес значительный вклад в историческую науку и художественную культуру Страны гор. Он поддерживал творческие контакты и дружеские связи со многими передовыми людьми эпохи как в Дагестане, так и за его пределами – в Азербайджане, Поволжье и др. Алкадари выступал проповедником добрососедства и дружбы народов, ратовал за культурное их общение, взаимодействие, обмен. Надо ли говорить о том, насколько созвучны эти идеи и установки прозорливого просветителя нашим дням.

Известно, что вторая половина XIX века выдвинула славную плеяду выдающихся деятелей дагестанской культуры–поэтов, ученых, мыслителей, творчество которых стало неотъемлемой частью национального духовного наследия и составило целую эпоху в истории культуры народа. По своей общественной значимости и интеллектуальному весу Алкадари встал в один ряд с этой плеядой и считал для себя счастьем работать в одно время с ними.

Гасан Алкадари получил основательное для своего времени образование, прошел, выражаясь его же словами, «курс общераспространенных арабских знаний», состоящих из морфологии и

синтаксиса в арабском языке, логики, теории диспута, риторики, тафсира, теории мусульманского права, поэтики, богословия, математики и многих других наук. В школе известного ученого Мирзаали из Ахты он получил знания по физике, астрономии, медицине. Превосходно владел он арабским, персидским, азербайджанским языками. Широкая и многогранная образованность предопределила и его служебную «карьеру» – от секретаря ханской канцелярии до наиба Южного Табасарана.

Изучение творчества Гасана Алкадари вовлекает нас в увлекательный многогранный мир поэтики, права, просвещения, математики, логики, богословия и многих других наук которыми занимался наш земляк. Его работы излагались на разных языках, что говорит нам о владении многими языками, и это подтверждается его перепиской с учеными из Азербайджана, арабских стран и ученых в самом Дагестане. Стоит большая неотложная задача – выявить все научное и литературное, полное рукописное наследие Алкадари, изучить и осуществить его научное издание. Наследие Гасана Алкадари – явление незаурядное, яркое выражение народного таланта, достояние и предмет гордости народа.

Однако изучение творчества Гасана Алкадари связано с немалыми трудностями. Все известные нам его произведения созданы на арабском, тюркском, персидском языках. Предстоит сложная и трудоемкая текстологическая, источниковедческая и переводческая работа. Не менее важной остается и другая задача: выявление богатого литературного наследия Алкадари. Актуальность и значимость этой работы становятся очевидным в силу того, что в трудах Алкадари обильно вкраплены сочинения современников ученого и поэта, которые дошли до нас только в его передаче, так что изучение наследия Алкадари неразрывно связано с исследованием творчества дагестанских авторов второй половины XIX века. Слабо изученной стороной деятельности Алкадари остаются также его

многолетние, тесные творческие и дружеские контакты с передовыми деятелями эпохи как в самом Дагестане, так и вне.

Мирза Гасан Эфенди ибн хаджи Абдуллахь Эфенди ал Алкадари ал Дагестани, которого в советской литературе называли Гасан Эфенди Алкадари (Алкадарский), являлся «видным общественным деятелем, мыслителем, поэтом и известным просветителем Дагестана второй половины XIX века» [1,с.98]. По словам академика И.Ю. Крачковского «Гасан эфенди Алкадари был одним из выдающихся представителей арабоязычной традиции, крупным историком и поэтом» [2,с.233].

Научные изыскания Гасана Алкадари были широки и тематически разнообразны. Работал он во многих направлениях и оставил заметный вклад в дагестановедении и в других гуманитарных и естественных науках. Преимущественно занимался изучением истории родного края, мусульманским законодательством, продвижением гносеологических идей просвещения, русского светского образования, европейской цивилизации и др. Научное наследие ученого довольно обширно. Из многочисленных трудов мыслителя до нас дошли лишь некоторые – это ««Асари Дагестан», «Диван ал-Мамнун», «Джираб ал-Мамнун»» [3, 235].

М.А. Абдуллаев в своей работе пишет, что «историю Алкадари понимал как историю деяний великих личностей. История Дагестана им излагается поэтом как перечень военных событий и междуусобных войн и связанных с социально-экономическими отношениями внутри страны» [4, 86]. Далее продолжает: «По-моему, он просто излагает исторические события, основанные на фактах, и при этом уделяет большое внимание полководцам и выдающимся личностям. Это объясняется тем, что у каждого историка бывают свои подходы и методы изучения того или иного материала. Алкадари не знал законов общественного развития, и его характеристика роли личности в истории была идеалистической. В истории

дагестанского общества Алкадари видел борьбу различных противоречивых тенденций и сил. Борьбу народов, отдельных личностей, стремление к созиданию, а некоторых и к разрушению, он видел, но не сумел научно объяснить эту борьбу, показать, чем определяются цели и стремления борющихся сил, не сумел раскрыть причины, которые приводили в движение народы Дагестана»[4, 86]. Война есть, по мнению мыслителя, борьба за власть и не более.

Как же оценивал Алкадари деятельность отдельных личностей? Кто, по его мнению, определял и направлял ход исторических событий? Анализ произведений Алкадари дает нам основание полагать, что он идеалистически толковал ход исторических событий. Так, например, в «Асари Дагестан» Алкадари борьбу народных масс Дагестана против Надиршаха фактически сводит к руководящей роли отдельных ханов и других феодальных владетелей.

Необходимо отдать должное мыслителю, который видел положительные аспекты в арабо-мусульманском завоевании, что на несколько шагов продвигает дагестанских мыслителей вперед. Данный прогресс можно объяснить единством языка общения в многонациональном Дагестане, в познании работ арабских ученых, поэтов, мыслителей, философов, что помогло шире мыслить и практиковать знания и умения у дагестанцев.

Великий мыслитель не был согласен с мнением некоторых историков относительно проблем происхождения некоторых дагестанских народов. Гасан Алкадари отвергал «теорию», якобы даргинцы, занимающиеся ювелирными делами, произошли от французов и поэтому являются такими искусными мастерами. Он доказывает обратное, а именно, что навыки ювелирного мастерства не передаются по наследству, они есть побуждение материального – это исконная на территории Дагестана проблема нехватки

земли. Таким образом, условия жизни определяют, по его мнению, занятия, образ жизни и во многом психический склад любого народа. Алкадари пишет: «Человеку свойственно развивать знание, если, подобно кубачинцам, кто-нибудь из остальных дагестанцев станет стараться в приобретении мастерства, разве не достигнет цели?». Условия жизни, по его мнению, определяют просвещенность и культурный уровень жизни людей. Будучи религиозным человеком, Алкадари определяющий фактор общественного прогресса усматривал в божественной силе, связывал с ней и крупные исторические события. Алкадари в мольбе к Аллаху просит облегчить страдания людей в своем стихотворении «Аллах лучше знает». Это не столько от религиозности, сколько традиция арабо-мусульманской исторической науки. Но положительным является то, что, когда речь идет о конкретном объяснении тех или иных исторических событий, он пытается найти земные социальные мотивы. К примеру, в «Асари Дагестан» история народов Дагестана рассматривается как цепь событий и деяний феодальных владетелей.

Более последовательно и принципиально позиции отстаивает Алкадари в стихотворении, написанном в ссылке, в котором осуждает деспотизм властей, ратует за свободу для народа и личности, но не требует освещать исторические события с этих позиций: «кто сознает себя человеком, обязан служить народу». «Может ли отец довольствоваться тем, что его сын счастлив, если народ несчастен?». Службу царю-тирану он считает изменой горским народам. Видимо, это письмо было адресовано сыну, который служил в Петербурге в конвое императора. В нем выражение горечи и отчаяния, которые захлестывали его временами на чужбине; есть назидание сыну: «Достоин ли звания человека, надевший хомут рабства? Не считай, сын мой, возможным достичь высокого достоинства человеку делом легким?» [5, 18].

В других стихотворениях он не так резко выражает свое недовольство царским деспотизмом. В них по-разному поставлен вопрос об отношении к существующему строю в России. Общее в них – отсутствие социальной определенности, четкости.

Такие абстрактные суждения часто встречаются у Гасана Алкадари, который придает большое значение социальной дифференциации общества. Им выражается недовольство делением общества на богатых и бедных; отвергается утверждение о том, что богатство является результатом активности имущих в труде, бедность – лени неимущих. Он связывает социальную дифференциацию общества то с божеством, то с природой: «Ни ум, ни наука познать и исправить эту несправедливость не в силах», – пишет мыслитель [6,19].

Алкадари видел проблемы народа в неправильной политике правителя, который, заинтересованный в собственном благе, забывал о народе, тянул одеяло лишь на себя.

Если обратить внимание на концепцию личности в творчестве Гасана Алкадари, то видно, что она определяет существенные аспекты авторского мировосприятия, самый способ толкования действительности, видение понимания героя. Анализ концепции личности в творческом наследии Гасана-эфенди имеет смысл вести с позиции гуманистического, главным образом, содержания.

Формирование концепций дагестанского просветительства связано с бурным развитием национальной поэзии и философии, возродившейся и расцветшей на основе народных антисоциальных и антиколониальных движений, характерных всему XIX веку.

Местные представления о чести и достоинстве личности подверглись последовательному воздействию героико-романтического культа персидского рыцарства, затем, на исходе средневековья, общевосточной

гуманистической философии с ее культом разума и любви. Любви универсальной, символа тяготения всего сущего к предельному совершенству, предполагающему гармонию эстетического и этического начал [7, 69].

В характеристике личности нравственно-поучительная функция первостепенна. Гасан Алкадари в Такмисе 1909 г. определял два пути гражданского воспитания: привлекая сердца красотой, добродетельным примером самого поэта, достигшего морального совершенства, изучая все благородные науки.

В этой обращенности к человеку знание и труд – основы просветительской концепции личности, провозгласившей ценность человека всё-таки вне зависимости от сословного происхождения. Трудолюбие, честность, энергия – нравственные добродетели, украшающие личность, не борца за социальную справедливость, но человека могучего разумом. Широтой познания и деловой хваткой.

Второй способ: пробуждать добрые чувства обликом порока, лености, тупости, лицемерия, угодничества, невежества, эгоизма у тех, кто «больших степеней достиг не путем собственных молодых усилий». Учёный имел в виду категории людей, паразитирующих и простых, разбогатевших, одержимых хищнической природой буржуа. Тождественная автору личность лирического героя – рупор прямолинейно изрекаемых высоких принципов эпохи. Дидактический смысл «автобиографии, в которую вкраплены в хронологическом порядке сочиненные им стихи, частные письма» – таков, по словам И.Ю. Крачковского «Диван ал-Мамнун», о моральном уроне судьбы человека, носителя подлинной ценности типических черт ученого сословия. Алкадари – один из тех, кто содействовал формированию и утверждению национальной литературы. Да, он противоречив, как и само его время, пронизанное несовместимыми идеями. Он верил в прекрасное будущее

народа, но предлагаемые им пути к его достижению носили иллюзорный характер. С одной стороны, вера в могущество образования, в необходимость понятия национального сознания, в возможность освободить человека от социального и духовного порабощения, борьба за улучшение жизни народа, раскрепощение человеческого разума от средневековых регламентаций, убежденность в силу науки и техники. С другой – непонимание классовой борьбы, закономерностей общественного развития общества, вера в божественное начало мироздания, толкование философских вопросов в духе «нового ислама». Эти противоречия мешали цельности мировоззрений Алкадари [8,97].

Несмотря на то, что в Дагестане с древних времен были видные ученые, общий уровень развития науки и культуры значительно отставал, поэтому просветители Страны гор выступали с разъяснением народу элементарных понятий, относящихся к светским наукам. Не удивительно, что Алкадари в своих трудах давал, хотя и не систематически, изложение таких наук, как география, астрономия, физика и т.д.

Он признавал и принимал весь научно-технический прогресс, достигнутый человечеством. Он это приветствовал и призывал своих соотечественников к овладению основами наук. Но все, что противоречит догмам ислама, установленным Кораном, он стремился примирить с мусульманской теологией и пытался объяснить, что непреодолимых противоречий между наукой и мусульманской верой не имеется. Алкадари пишет: «Не следует понимать, что утверждение о шарообразности земли находится в противоречии со следующими стихами Корана: «Бог разостлал для вас землю, поставил землю неподвижную». И движение земного шара не находится в противоречии со стихами [9, 64]. Во второй половине XIX века, когда в Дагестане, в основном, господствовали патриархально-феодалные общественные отношения, прогрессивные взгляды тесно переплетались с

религиозными представлениями и вместе с ними нередко составляли единые религиозно-философские учения.

Вопросы этики занимают в творчестве Алкадари значительное место. Этические взгляды формировались, прежде всего, под воздействием сложившихся веками и бытующих среди горцев традиций, нравственных идеалов, этических норм поведения, их нравственного долга и обязанностей по отношению друг к другу [10,113]. Они освещены в «Асари» в специальном разделе «О нравах дагестанцев». Исходным моментом в освещении вопросов этики Алкадари берет то, что «характеры и нравы дагестанских племен, состоявших из многих разнообразных и взаимно противоположных классов и групп различны». Таким образом, он говорит о существовании в Дагестане «взаимно противоположных классов и групп с различными характерами. И это послужило основой для «возникающих здесь часто прегрешений вроде насилий и восстаний», и в них считать виновными всех жителей будет несправедливо, так как большинство их некультурно и выбывают из колеи несколькими зачинщиками зла»[11,130]. Задумываясь над тяжелым положением народа, он отмечал: «В общем, беда, всегда постигающая их, происходит от проживания в горах без общения с миром и от незнакомства с правами правящего ими начальства, которые они редко видят». По его мнению, «правлящее начальство» – это культурные и высоконравственные люди. Алкадари не исследует объективные причины, зависящие от объективных условий жизни, приводящих к классовым и освободительным движениям. Он считает, достаточно обратиться к начальству более или менее красноречиво, и цель будет достигнута.

Археографические работы последних лет показали, что возможности находок новых текстов (автографов и списков) далеко не исчерпано. Предстоит также специально изучить и издать эпистолярное наследие Алкадари, в котором нашли бы отражение его взгляды на многие вопросы

истории, литературы, просвещения, экономики, семейного и наследственного права, этики.

Эстетический идеал ученого-гражданина, общественного трибуна, поборника национального возрождения, поры стремительного научного технического прогресса также требует изысканий [12, 16]. Но комплексное и всестороннее изучение всего творческого пути Алкадари еще впереди. Первоочередной задачей остается научно комментированный перевод его трудов, введение их в научный оборот. Многогранное творчество Алкадари требует совместных усилий востоковедов, литературоведов, историков, философов, правоведов. Перевод основного исторического труда ученого «Асари Дагестан» сыграл огромную положительную роль в изучении истории Дагестана и исторических взглядов Алкадари, но в то же время ощущается необходимость подготовки нового, широко комментированного перевода этой работы с учетом успехов советской исторической науки. Перевод на русский язык двух фундаментальных трактатов – «Диван ал-Мамнун» и «Джираб ал-Мамнун» – все еще остается одной из важных задач востоковедов и необходимым условием глубокого изучения истории и культуры дореволюционного Дагестана. Без изучения этих трудов невозможно всестороннее изучение исторических взглядов Гасана Алкадари. Неотъемлемой частью творческого наследия Алкадари остается проблема выявления, собирания, сохранения, систематизации и изучения литературного наследия ученого, поэта, административного деятеля, письменных материалов, разбросанных в архивохранилищах и частных собраниях нашей страны, возможно, и за рубежом.

Создание глубокой и основательной источниковой и источниковедческой основы даст толчок более углубленной разработке творчества Гасана Алкадари, объективной и всесторонней оценке его огромного вклада в историю и культуру дагестанских народов.

Этот идеал все больше подчиняется задаче воспитания нового поколения, новой формации. Не остановили его мусульманские традиции, он понимал, что изменения способствуют созданию собственной государственности и национальной культуры. Он – великий историк, понимающий и принимающий прогресс в обществе. Главное в своей заботе, считал Гасан Алкадари, доказать, что все достижения человечества должны служить общественному прогрессу, дружбе народов, интересам мира.

-
1. Баймурзаев А.Б. Из истории общественной мысли Дагестана второй половины XIX в. Махачкала, 1965.
  2. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М., 1950.
  3. Абдуллаев М.А. Мыслители народов Дагестана XIX – начала XX вв. М., 1963.
  4. Абдуллаев М.А. Из истории общественной мысли Дагестана второй пол. XIX в. Махачкала, 1965.
  5. Абдуллаев С.М. Гасан Алкадари. Жизненный путь, воззрения, историческое наследие. Махачкала, 1994.
  6. Алкадари Г.Э. Диван ал-Мамнун. Темир-Хан-Шура, 1913.
  7. Вагабова Ф.И. Просветительская концепция личности в творчестве Алкадари // ИИЯЛ. Махачкала, 1988.
  8. Кассиев Э.Ю. О некоторых просветительских противоречиях в творчестве Гасана Алкадари // ИЛНА. Махачкала, 1988.
  9. Алкадари Г.Э. Джирабал ал-Мамнун. Темир-хан-Шура, 1913. С.3 // Баймурзаев А.Б. Гасан Алкадари и его философские идеи // ИЛНА. Махачкала, 1988.
  10. Исаев А.А. Этические взгляды // Историко-литературное наследие Гасана Алкадари. Махачкала, 1988.
  11. Алкадари Г.Э. Диван ал-Мамнун. Темир-Хан-Шура, 1913.

12. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. Сочинение. М.-Л., 1960.

З.Р. Дохова,
магистрант КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: М.Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВ

В статье делается попытка разрешения традиционной проблемы роли и места человека в истории. М.Т. Лорис-Меликов – блестящий государственный деятель, оставивший заметный след в российской истории XIX века. Основная цель работы – проанализировать роль М.Т. Лорис-Меликова в истории – была успешно достигнута. Через призму освещения факторов, определивших место Михаила Тариеловича в жизни общества, изучения форм влияния этой незаурядной личности на ход событий были удачно реализованы задачи работы. Основным результатом проведенного исследования стало достаточно подробное освещение проблемы формирования общественно-политических взглядов М.Т. Лорис-Меликова.

Ключевые слова: М.Т. Лорис-Меликов; формы влияния личности на ход событий; факторы, влияющие на становление личности.

The article attempts to solve the traditional problem of the role and place of man in history. M. T. Loris-Melikov is a brilliant statesman who left a noticeable mark in the Russian history of the XIX century. The main goal of this work is to analyze the role of M. T. Loris-Melikov in history-was successfully achieved. The main tasks of the work were successfully implemented through the prism of highlighting the factors that determined the role of Mikhail Tarielovich in the life of society, studying the forms of influence of this outstanding personality on the course of events. The main result of the study was a fairly detailed coverage of the problem of forming social and political views of M. T. Loris-Melikov, as well as finding out the main forms of influence of this outstanding personality on the course of events.

Keywords: M. T. Loris-Melikov; forms of personality influence on the course of events; factors affecting the formation of personality.

История представляет собой сложный процесс взаимодействия огромного количества людей историческое время на определенном географическом пространстве. Это противоречивый результат деятельности сменяющих друг друга поколений со своими стремлениями, надеждами и ожиданиями. Но история – не фатальный и безликий процесс, а сложное

явление, в котором участвуют не только большие массы людей, но и отдельные личности, в особенности выдающиеся, накладывающие отпечаток своей яркой и неповторимой индивидуальности на весь ход событий. В связи с этим одним из важных аспектов познания истории является раскрытие вопроса о характере и степени влияния личности на ход протекания исторических событий [1, 197].

Среди деятелей второго плана, оставивших след в российской истории XIX века, видное место принадлежит Михаилу Тариеловичу Лорис-Меликову, который с 1880 г. (указом императора Александра II от 12 февраля 1880 г.) стал вершителем судеб огромной Империи. Именно по этой причине возникла необходимость через призму разбора формирования общественно-политических взглядов и основных моментов административной деятельности М.Т. Лорис-Меликова показать, какую роль выполняет личность в истории.

При попытке разрешения традиционной проблемы роли и места человека в истории неизбежно возникают вопросы: какие факторы определяют роль личности в жизни общества? Что позволяет тому или иному человеку влиять на ход событий?

В научной литературе выделяют три фактора, влияющих на становление личности: наследственность, среда и воспитание [2, 234]. Начнем с первого.

Точная дата рождения Лорис-Меликова неизвестна. По одним данным, он родился 19 октября 1824 г. [3, 26], хотя в некоторых биографических сочинениях значится 1825 г. [4, 596] и даже 1 января 1826 года [5, 80].

Михаил Тариелович Лорис-Меликов «происходил из древнего и известного в Закавказье рода» [6, 109]. По национальности его предки были армянами, однако издавна принадлежали к высшему кругу грузинской аристократии. Поэтому друзья в шутку называли его «грузинским

армянином» или «двойным армянином», намекая на то, что он органически впитал в себя лучшие качества грузинского и армянского народов» [7, 109].

Отец Лорис-Меликова активно занимался крупной оптовой торговлей, в том числе и международной, держал представительство собственной торговой фирмы в Лейпциге. Родители понимали значение образования и имели достаточное состояние, чтобы дать детям блестящее воспитание.

По мнению доктора Н.А. Белоголового, необходимость дать детям европейское воспитание подсказал Тариелу Зурабовичу горный офицер В.В. Клейменов, который служил в начале 30-х годов XIX века в Тифлисе и достаточно часто бывал в доме гостеприимного армянина [8, 596-597]. Начиная с раннего детства, к сыновьям – Михаилу и Василию – были приставлены русские воспитатели, поэтому оба брата говорили по-русски без малейшего акцента.

Михаил Лорис-Меликов до 11-ти лет посещал лучший в Тифлисе пансион Арзановых и армянское Нерсесовское училище. Он достаточно рано обнаружил блистательные способности к языкам. К концу учебы здесь он говорил на русском, французском и немецком языках, свободно владел армянским, грузинским и азербайджанским. Как видим, М.Т. Лорис-Меликов еще ребенком получил хорошее воспитание, которое стало основой личности.

Полученный в Тифлисе фундамент знаний необходимо было надстраивать. Это прекрасно понимал его отец, поэтому, когда Михаилу исполнилось 12 лет, он был отправлен в Москву. Для продолжения образования был выбран Лазаревский институт восточных языков, выпускники которого получали великолепное гуманитарное образование. Здесь он проучился 5 лет – с 1836 по 1841 гг., за время которого быстро овладел турецким и персидским языками. Однако по воле судьбы или, может быть, злого рока произошел досадный случай, из-за которого юношу

исключили из института без права продолжения образования в других учебных заведениях [9, 121]. Но благодаря протекции влиятельных армянских деятелей Москвы Лорис-Меликову позволили продолжить образование в Санкт-Петербурге, которое продолжалась с 1841 по 1843 гг. Сначала он поступил в Санкт-Петербургский подготовительный пансион горного инженера полковника Вержбицкого, где изучал естественные науки. Позднее Михаил Тариелович поступил в элитную школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в которой обучался 2 года.

В кавалерийской школе учились будущие гвардейские офицеры, преимущественно представители родовитых дворянских фамилий. Здесь Михаил Тариелович завязывает дружбу с однокурсником князем Нарышкиным и будущим великим русским поэтом Н.А. Некрасовым. Под влиянием последнего, по-видимому, пробудилась у него любовь к поэзии и литературе, которая «гуманизировала» его, невзирая на суровую и боевую обстановку на Кавказе [10, 601].

Учеба в школе подпрапорщиков была завершена 2 августа 1843 г., и Лорис-Меликов получил чин корнета лейб-гвардии и отправился в Гродненский гусарский полк [11, 122]. В 18 лет, к моменту окончания училища, он был образованным офицером, отличавшимся от других феноменальным знанием языков и оригинальностью мышления, разнообразием знакомств, да еще и добродушной восточной внешностью [12, 146].

Образование, полученное М.Т. Лорис-Меликовым, повлияло не только на его карьерное движение, но и сформировало мировоззрение. Уже на закате своей жизни, в Ницце, он вспоминал: «Я воспитывался в военной школе и привык думать, что если меня бьют палкой, то надо вырвать палку из рук. Если неприятель занял выгодную позицию, то надо выбить его именно из

этой позиции. Я смотрю на дело практически, не ссылаясь на Европу» [13, 580].

В Гродненском гусарском полку он прослужил до 1847 года. Как сообщает доктор Н.А. Белоголовый, «служба Лориса в месте расположения лейб-гвардии Гродненского гусарского полка <...> ничем не отличалась от обычной офицерской службы того времени» [14, 601].

Четыре года службы в гусарах позволили Лорис-Меликову приобрести практические навыки военного дела. Служа в гусарском полку, он «сошелся с <...> гусаром А.А. Абазю, который, сорок лет спустя, был его главным сподвижником на высоком государственном посту» [15, 202].

В 1847 г., получив звание поручика гвардии, М.Т. Лорис-Меликов подал прошение на имя Николая I о переводе его на Кавказ в действующую армию. Главную роль в принятии этого решения сыграло отнюдь не стремление служить поближе к родителям. И, по-видимому, не жажда военной романтики. В основе этого решения лежал вполне осознанный расчет. Карьеру можно было делать и по гвардейской линии, но в таком случае Лорис-Меликов, выиграв с точки зрения личной безопасности, проиграл бы в темпах. Особенностью военной службы в России в XIX веке было то, что быстрый подъем был возможен только в действующей армии: производство офицеров в следующий чин зависело от наличия соответствующей вакансии. Потери в результате боевых действий вели к быстрому освобождению таких вакансий, а на Кавказском театре как раз не хватало военных кадров.

Прошение Лорис-Меликова о переводе на Кавказ было удовлетворено, и 24 июля 1847 г. он «был определен состоять офицером для особых поручений при Главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцове» [16, 122]. Именно здесь на Кавказе началась «карьера крупного военного администратора и государственного деятеля

реформаторского склада» [17, 113]. Как позднее вспоминал М.Т. Лорис-Меликов, «переезд на Кавказ послужил переменной для его самообразования и для применения его способностей к практической деятельности» [18, 603].

С 18 ноября 1847 г. по 18 февраля 1848 г., в продолжение трех месяцев он «не сходил с боевого коня», воюя в Малой Чечне с горцами [19, 52], где он служил в Чеченском отряде под командованием генерал-майора Нестерова. Крупных операций здесь не было, но в небольших стычках с горцами он проявил лучшие качества русского офицера: храбрость, хладнокровие и умение, способность принимать верные решения в быстро меняющихся условиях войны.

Весной 1848 г. Лорис-Меликов был переведен в Дагестан в Самурский отряд генерала М.З. Аргутинского-Долгорукова. Основной целью летней кампании 1848 г. было взятие Гергебиля и возведение на его месте укрепления [20, 255]. За участие в боевых действиях и взятие Гергебиля Лорис-Меликов получил досрочно чин штаб-ротмистра, со старшинством 6 июля 1848 г. (29 марта 1849 г. произведен в чин). Всего через 2 месяца, 15 сентября 1848 г., «за отличие, оказанное в делах с горцами», награжден орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость».

Все лето 1850 г. Михаил Тариелович провел в столкновениях с горцами и за разгром чеченского отряда в августе 1850 г. был награжден орденом Св. Анны III степени с бантом. Зимой 1851 г. начались военные действия в Большой Чечне. Они были удачными и ознаменовались переходом реки Аргун, который, в свою очередь, закончился поражением армии Шамиля и уничтожением отдельных отрядов под покровительством Хаджи Мурата и Магомет-Амина. Лорис-Меликов провел в этой экспедиции около 8 месяцев, участвовал во всех главных операциях. Он, возглавляя казачий отряд, атаковал горцев и разбил их, за что 24 февраля 1851 г. произведен в ротмистры [21, с. 10]. В этом же году Лорис-Меликов был переведен на

Северо-Западный Кавказ и за отличие в делах с горцами награжден 25 января 1852 г. орденом Св. Анны II степени, а через полгода, 8 июня 1852 г., – орденом Св. Анны II степени с императорской короной [22, 124].

Как видим, в военных столкновениях он показал себя думающим офицером, участвовал во всех более или менее значительных боях, проявил завидную храбрость, за что был удостоен ордена Св. Анны 1, 2, 3, 4 степеней, с мечами, императорской короной, бантом и с надписью «За храбрость» [23, 405]. К концу 1853 г. Лорис-Меликов был хорошо известен в Кавказской армии и на всем Кавказе, считался офицером, «подающим надежды». Главнокомандующий Кавказским корпусом М.С. Воронцов высоко отзывался о М.Т. Лорис-Меликове в письме А.И. Чернышеву и характеризовал его как «достойного и очень умного офицера» [24, 102].

Михаил Тариелович, благодаря своему происхождению, учебе, блестящей службе и жизненному опыту, был назначен 28 марта 1863 года на должность начальника Терской области. Он находился на этом посту 12 лет. И за это время провел структурные преобразования, которые кардинальным образом изменили общественно-политический и социально-экономический облик Центрального Кавказа.

М.Т. Лорис-Меликов принимал самое активное участие и оказывал значительное влияние на проводившиеся реформы: административную, земельную, крестьянскую, судебную и др.

Результатами его деятельности стали: разрешение острого земельного вопроса на территории Терской области; освобождение бесплатно или путем уплаты выкупа более чем 23 тыс. человек; внедрение российского опыта судопроизводства в жизнь горцев Терской области; строительство дорог, школ и культурный подъем жителей региона.

После ухода с поста начальника Терской области, «в январе 1879 г. Лорис-Меликов назначается временно генерал-губернатором Астраханским,

затем (с апреля того же года) Харьковским, а с февраля 1880 года (после взрыва в Зимнем дворце) возглавляет Верховную распорядительную комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, постепенно становясь фактически руководителем всей внутренней политики» [25, 99].

Назначение М.Т. Лорис-Меликова Астраханским, Саратовским и Самарским генерал-губернатором произошло в тот переломный момент, когда возникли слухи «о появлении в Ветлянке чумы» [26, 204]. Нависла угроза прекращения торговли, закрытию рыбопромышленности и Нижегородской ярмарки. Но Михаил Тариелович, с присущим ему тактом и целеустремленностью, решил вопрос. Угроза спала. М.Т. Лорис-Меликов приобрел огромную популярность в России.

В Харьковское генерал-губернаторство Михаила Тариеловича отправили «с политической целью искоренения нигилизма» [27, 204]. К концу марта 1880 г. и эта угроза была успешно устранена. «Диктатура сердца и мысли» при борьбе с революционерами и деятельность М.Т. Лорис-Меликова на посту министра внутренних дел оказали сильное влияние на развитие истории Российского государства. Талантливый реформатор Михаил Тариелович задумывался о введении в государстве «Конституции», но его проектам не суждено было сбыться. 1 марта 1881 г. был убит император Александр II. После этого события ни о какой самостоятельности местным губернским учреждениям и предоставлении свободы печати в освещении работы правительства не могло быть и речи.

М.Т. Лорис-Меликов оставил пост министра внутренних дел по состоянию здоровья и уехал за границу. Умер в Ницце 1 декабря 1888 г. Так закончилась целая эпоха замечательного и талантливого администратора.

Таким образом, проанализированный нами материал позволили выявить факторы, способствующие определению роли незаурядной личности

М.Т. Лорис-Меликова в жизни российского общества. Это – дворянское происхождение, воспитание и блестящее образование, которые сформировали его мировоззрение и взгляды, они же дали возможность сделать военную и политическую карьеру; отметим также социальную среду, в которой происходило его развитие как личности.

На примере многолетней политической деятельности М.Т. Лорис-Меликова обоснованы формы влияния этой личности на ход событий. Известно, что личность по-разному влияет на различные сферы жизни общества. Так, путем целенаправленной работы всего административного аппарата Терской области М.Т. Лорис-Меликову удалось решить назревшие социально-экономические проблемы: предотвратил угрозу прекращения торговли и остановки строительства промышленных предприятий Поволжья. М.Т. Лорис-Меликов оказал определенное влияние на политическое устройство России, будучи главой Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия и на посту министра внутренних дел. Значительно влияние Михаил Тариелович на духовную сферу жизни общества, на настроения и идеологию масс: при нем открывались школы в области, была ослаблена цензура печати, разрабатывались планы развития культуры во всех уголках России.

Надеемся, что нам удалось на конкретных примерах жизни и административно-политической деятельности М.Т. Лорис-Меликова обосновать позитивную роль личности в истории народов Центрального Кавказа и всей России.

-
1. Логинов В.Е. Роль личности в истории: анализ философских концепций // Метаморфозы истории. Псков, 1997. – С. 197-208.

2. Гушин А.А. Роль личности в истории // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. Пенза, 2013. № 3 (7). – С. 233-237.
3. Костанян Ю.Л. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1824-1888). СПб., 2005. – 234 с.
4. Граф М.Т. Лорис-Меликов. Воспоминания доктора Н.А. Белоголового // Русская старина. СПб., 1889. Т. 63, Июль-Сентябрь. С. 579-615.
5. Акопян В.З. Граф М.Т. Лорис-Меликов. В начале пути: историко-биографический очерк. Пятигорск, 1997. Ч.1. – 80 с.
6. Кузьминов П.А. М.Т. Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2 (34). М., 2004. – С. 125–126.
7. Там же.
8. Граф М.Т. Лорис-Меликов. Воспоминания доктора Н.А. Белоголового. Указ. соч.
9. Кузьминов П.А. Кавказ в судьбе М.Т. Лорис-Меликова // Специальные исторические дисциплины. Киев, 2013. № 22. – С. 119–129.
10. Граф М.Т. Лорис-Меликов. Воспоминания доктора Н.А. Белоголового. Указ. соч.
11. Кузьминов П.А. Кавказ в судьбе М.Т. Лорис-Меликова. Указ. соч.
12. Данилов Д.Д. Лорис-Меликов: карьера «парадоксального диктатора» // Вопросы истории. М., 1998. № 11-12. – С. 145–150.
13. Ибрагимова З.Х. Мир чеченцев. XIX век. М., 2007. – 1014 с.
14. Граф М.Т. Лорис-Меликов. Воспоминания доктора Н.А. Белоголового. Указ. соч.
15. Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. – 608 с.
16. Кузьминов П.А. Кавказ в судьбе М.Т. Лорис-Меликова. Указ. соч.

17. Секиринский С. Российские генерал-губернаторы («облеченные доверием и лично известные императору») // Проблемы теории и практики управления. М., 2001. № 5. – С. 112–115.
18. Граф М.Т. Лорис-Меликов. Воспоминания доктора Н.А. Белоголового. Указ. соч.
19. Ибрагимова З.Х. Деятельность М.Т. Лорис-Меликова на Кавказе (2-я половина XIX века) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. М., 2010. № 3. – С. 50–54.
20. Дубровин Н.Ф. Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II (1825-1864 гг.). СПб., 1896. – 414 с.
21. Бобровский П.О. Успехи в борьбе с мюридами на Восточном Кавказе при князе М.С. Воронцове // Военный сборник. СПб., 1896. №9. – С. 6-10.
22. Кузьминов П.А. Кавказ в судьбе М.Т. Лорис-Меликова. Указ. соч.
23. Кузьминов П.А. М.Т. Лорис-Меликов на службе Его Величества // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2009. № 8. – С.405–436.
24. Толстяков А.П. Кто он, «один из доблестнейших вождей Кавказских»? О главном источнике повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Книгочей: Библиографический справочник для дела и досуга. М., 2001. Вып. 7. – С. 98-105.
25. Валуев П.А. Письма к М.Т. Лорис-Меликову (1878-1880)/ Публикация и примечания А.В. Мамонова // Россия и реформы. Вып. 3. М., 1995. – С. 98-125.
26. Скальковский К.А. Указ. соч.
27. Там же.

*М.Ш. Абаева,
аспирант СКИ РАНХиГС
(г. Пятигорск)*

ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА КОЛЕСНОЙ ДОРОГИ В ЧЕГЕМСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье на основе привлеченного архивного материала проведен анализ строительства колесной дороги в Чегемское общество. Автор пришел к выводу, что дорога, связавшая чегемцев с плоскостной частью Кабардинского округа, способствовала развитию товарно-денежных и социокультурных отношений.

Ключевые слова: колесные дороги, аул Чегем, Былым, дорожные доверенные, Чегемское общество.

The article analyzes the construction of Vehicular Road to the Chegem Society on the basis of the archive material involved. The author came to the conclusion that the Road that connected the Chegemites with the flat part of the Kabardian district contributed to the development of commodity-money and socio-cultural relations.

Keywords: wheeled roads, Chegem village, Bilym, road trustees, Chegem society.

С глубокой древности люди жили на территории Центрального Кавказа, прорезанной многочисленными горными хребтами и долинами рек. В горных отрогах соседствовали балкарцы, осетины, ингуши и чеченцы. Отрезанные от основных торговых путей, от общения с более цивилизованными народами, они находились в условиях натурального хозяйства, занимались земледелием и скотоводством. Завершение Кавказской войны, проведение либеральных реформ, установление тесных контактов с казачьим и русским населением способствовало втягиванию их в систему товарно-денежных отношений. Чтобы ускорить сближение с соседними народами, втянуться в орбиту более развитых российских цивилизационных отношений нужны были надежные пути сообщения – дороги, которые связали бы экономику и население высокогорных аулов с селами и городами равнинной части Терской области, образованной в 1860 г. [1, 63].

Эта проблема остро стояла и перед жителями Чегемского ущелья. Короткое лето, резко континентальный климат, острая нехватка земли обусловили мизерные урожаи хлеба в горах, которого хватало всего на 3–4 месяца в году, поэтому недостающее количество муки и зерна горцы, в основном, покупали на ярмарках и базарах Нальчика, в русских селах и казачьих станицах. Отправляясь на плоскость, они нагружали лошадь продуктами своего хозяйства, назад же везли жизненно необходимые товары. Так как лошадь могла поднять лишь 6 пудов ($6 \times 16,38 \text{ кг} = 98,28 \text{ кг}$) груза, привезенное таким образом зерно средней семье хватало ненадолго, поэтому такие поездки чегемцы вынуждены были совершать часто. Те же, у кого не было лошадей, мулов, ослов или ишаков, а таких было много, чтобы привезти продовольствие, нанимали их у своих односельчан, и каждая такая поездка обходилась им достаточно дорого – 3 рубля. Доставка в горы необходимых для жизни товаров была сопряжена с большими опасностями, так как животные под тяжестью груза часто падали с кручи и гибли, в силу чего горцы лишались даже того небольшого имущества, которое у них имелось. Завоз хлеба становился еще более затруднительным во время покоса и жатвы, когда каждая минута была дорога. Ситуация усугублялась во время дождей и распутицы.

Горцы нуждались в сообщении с плоскостью и вследствие того, что из-за недостатка сена были вынуждены перегонять свой скот в Кабарду для осенней и весенней пастьбы. Лес, так необходимый жителям горских обществ, также рос ближе к плоскости, в горы его доставляли волоком, на ишаках или на себе. Со строительством колесных дорог эти колоссальные затраты труда были бы устранены.

Дороги были нужны и местным властям, так как они давали возможность более эффективно управлять и надзирать за населением, а при возникновении острых социальных конфликтов можно было бы быстро

организовать переброску войск в любую точку Балкарии. Таким образом, мы видим, что коренные интересы населения балкарских обществ и местной администрации в данном случае совпадали, что и стало залогом успеха в строительстве дорог.

Несмотря на актуальность проблемы, работ, посвященных ей мало. В контексте исследования общих вопросов модернизации балкарских обществ о ней упоминается в работах Е. Г. Муратовой [2]. По этой теме вышло в свет исследование Б.Б. Темукуева, в котором опубликовано большое количество архивного материала [3].

Колесная дорога с гор на плоскость от аула Чегем до пос. Озроково (Былым) жителями Чегемского общества во второй половине XIX века строилась дважды. Первый этап был организован в 1868-1869 гг., а второй – 1891–1897 гг.

Понимая значимость дороги, жители Чегемского общества в январе 1868 года на общем сходе приняли решение провести по ущелью дорогу, по которой можно было проехать на арбе, а значит, спокойно завозить все необходимые товары и вывозить излишки своего хозяйства. Работу решено было начать весной, после освобождения долины от снега. Идею поддержала администрация Кабардинского округа. На покупку пороха, железа и суточную плату саперам было решено собрать со всего общества сумму в 500 рублей. Дорогу, шириной в 3 сажени ($3 \times 217,6 \text{ см} = 6,553 \text{ м}$), чтобы свободно могли разъехаться две арбы, было решено вести от пос. Озроково по ущельям Кестанты, Джугят и Лухмуру до аула Чегем. Протяженность дороги должна была составить 36 верст ($36 \times 1067 \text{ м} = 38\,412 \text{ м}$).

Дорожные работы производились весной, летом и осенью 1868 и в 1869 годов. Для расчистки дороги ежедневно выходило на работу 300 человек. На покупку и ремонт инструмента было потрачено 500 рублей.

Командированным из 2-го Кавказского саперного батальона саперам была назначена плата по 10 копеек в сутки [4, л. 10].

Высшее сословие горских обществ, кроме выставляемых вместо себя на работы по найму рабочих, оказывало и материальную помощь рабочим, жертвуя на продовольствие для них рогатый скот и баранов, каждый в соответствии со своим состоянием [3, 61].

В период с 21 мая по 11 июня 1868 года был разработан участок дороги от реки Джугунгу (Джуунгу-суу) до реки Чегем, за исключением мостов. Работа на этом участке была самая трудная – ломка камня с помощью ломов и кирок, а также закладка зарядов пороха и разрыв камней [4, л. 42-42 об.].

В период с 22 октября до 14 ноября 1868 года дорога была разработана от местности Джугунгу до аула Чегем на 1,5 версты ($1,5 \times 1067 = 1600,5$ м), очищена от осыпей и расширена весной. Кроме того, был заготовлен лес на мосты. Дорога была разработана на протяжении 10 верст ($10 \times 1067 \text{ м} = 10,670 \text{ м}$). На этом расстоянии было разорвано 300 валунов, перегораживающих проезд [3, 61].

В период с 20 мая по 10 июля 1869 года была проведена дорога до местности Лабарда и устроены четыре моста через реку Чегем в 6 аршин шириной ($6 \times 71 \text{ см} = 4,26 \text{ м}$). От Лабарды до реки Джугунгу (Джуунгу-Суу) дорога была пробита, но ее нужно было расширять [4, л. 117].

Таким образом, в 1868 – 1869 гг. дорога была разработана от местности Джугунгу до аула Чегем на 17 верст ($17 \times 1067 \text{ м} = 18139 \text{ м}$), построено 4 моста, разорвано 300 камней.

Однако закончить дорогу чегемцы не смогли, что было обусловлено несколькими причинами. При строительстве колесной дороги особую трудность представлял каменистый и сыпучий грунт, построенная дорога обрушивалась после каждого дождя и требовала постоянного ремонта,

превратив население Чегема, по выражению начальника округа, «в военно-рабочую роту» [3, 74].

Следующая причина крылась в образе жизни и ментальности чегемцев, которые, по выражению начальника Горского участка подпоручика Цемирова, были самыми зажиточными, но ленивыми из всех горских обществ. Они привыкли пасти только свои стада и больше ничем не заниматься, балкарцы (жители Черекского ущелья – *М.А.*) же были их постоянными работниками даже в самых простых работах; проведение же дороги было делом очень серьезным и требующим большого мастерства. Они же, в первый раз взяв в руки кирку, лом и лопату, не знали, как с ними обращаться, и работа для них казалась не игрушкой как для балкарцев, а тяжким трудом и наказанием [4, л. 84]. Поэтому работа у чегемцев шла не так успешно, как, например, у тех же балкарцев, где за тот же период времени дорога была разработана на 45 верст.

Отрицательно влияло на ситуацию и то, что государственные ассигнования, выделенные на строительство колесных дорог, а вернее, выбитые с большим трудом начальником Кабардинского округа на их строительство, были мизерными и составляли всего 500 руб. на каждое общество [3, 58]. Тогда как даже сумма, затраченная жителями на продовольствие 300 рабочих в первые двадцать дней строительства дороги, была более чем в три раза больше выделенной. В сутки на 10 рабочих жителями общества выделялся 1 баран и 30 фунтов ($30 \times 0,409 \text{ кг} = 12,27 \text{ кг}$) хлеба [4, л. 39]. При самой низкой стоимости барана в 2 руб. при продаже шкуры, а пуда хлеба в 90 коп, продовольствие 300 рабочих в сутки обходилось обществу в 80 руб. 25 коп. Соответственно, продовольствие 300 рабочих в течение 20 дней обошлось обществу в 1605 руб.

После 1869 года дороги в горских обществах перестали строиться, так как новый начальник Кабардинского округа полковник Ф. П. Вояковский

посчитал строительство дороги крайне затратным делом, не оправдывающим вложенных в него сил и средств. Новый этап строительства колесных дорог начался лишь в 1883 году, когда начальником Нальчикского округа был назначен подполковник В. А. Браккер, который стал активно призывать население пяти горских обществ приступить к строительству колесных дорог, но вновь, как и ранее, за счет своих сил и средств.

Приступить к дорожным работам чегемцы смогли лишь в 1891 году, однако в течение долгого времени они не могли определиться с направлением дороги: продолжать дорогу в направлении Баксанского ущелья или же строить новую дорогу вдоль берега реки Чегем до выхода на плоскость.

На общественном сходе, состоявшемся 23 июля 1893 года, было принято решение строить дорогу в направлении Баксанского ущелья, начиная от поселка Чегем, по берегу реки Чегем к хутору Балкарокова под названием Актофрак (Ак-топрак), от Актофрака, через местность Ифчик и Жигат в сторону реки Кесенты по Баксанской дороге [5, с. 190].

К строительству дороги было решено приступить весной 1894 года. Однако вследствие того, что 1300 пудов пороха, необходимого для ее строительства, общество приобрести на свои средства было не в состоянии, на очередном общественном сходе было решено просить ходатайство начальника округа Д. А. Вырубова перед высшим начальством об отпуске им пороха бесплатно. Эта просьба начальником округа была поддержана. Однако вопрос о бесплатном отпуске Чегемскому обществу 1300 пудов пороха был разрешен лишь наполовину.

Военным советом Кавказского военного округа 22 февраля 1894 года было принято решение отпустить Чегемскому обществу для строительства дороги из артиллерийских складов Кавказского военного округа лишь 690 пудов не пригодного для боевых нужд пороха, а для отпуски же оставшихся

610 пудов пороха Чегемскому обществу было предложено обратиться повторно с ходатайством, но только при том условии, чтобы местным начальством было подтверждено, что прежде отпущенный порох был действительно израсходован по назначению [5, 192].

Необходимый порох было предложено отпустить из Александропольского и Георгиевского артиллерийских складов, из Терско-Дагестанской крепостной артиллерии в Петровске (г. Махачкала) и в укреплении Гуниб, из Карской крепостной артиллерии. Однако вследствие того, что общество не имело денег и возможностей доставлять порох из дальних артиллерийских складов Александрополя (г. Гюмри), Карса и Гуниба, общество просило ходатайства начальника округа перед начальником области об отпуске ему всего разрешенного количества пороха из Георгиевского склада и Терско-Дагестанской крепостной артиллерии в Петровске. В итоге, вопрос был решен в пользу Чегемского общества лишь частично. Было принято решение отпустить Чегемскому обществу – 54 пуда 38 фунтов пороха из Георгиевского склада, 200 пудов 34 фунта пороха из Петровского склада, 119 пудов пороха из Гунибского. Остальные же 319 пудов 8 фунтов пороха было решено отпустить из Александропольского склада [6, л. 42].

Подряд на строительство дороги в сентябре 1894 года был отдан жителям Стыр-Дигорского прихода, три участка Владикавказского округа Георгию Будаеву и Александру Зураеву. 9 сентября 1894 года между дорожными доверенными от Чегемского общества Хаджимусой Кучуковым, Саидом Энеевым, Тебо Кудаемым и подрядчиками был заключен контракт. В соответствии с ним Георгий Будаев и Александр Зураев принялись за строительство дороги за 32 тысячи рублей на следующих условиях: $\frac{1}{4}$ часть дороги, от Баксанской дороги до перевала Киштик-Тушхен, должна была быть проведена ими за свой счет, без предварительной платы от общества; в

случае нарушения контракта ими давались в залог 100 десятин земли, инструмент должен был быть за их счет, нужное же количество леса для мостов и пороха для дорожных работ, а также доставка их на указанные места должны были быть за счет общества. Ширина дороги должна была составить 7 аршин ($7 \times 71 \text{ см} = 4,97 \text{ м}$), а в скалистых местах – 6 аршин ($6 \times 71 \text{ см} = 4,26 \text{ м}$); предельный уклон должен был составлять не более – 1/10 сажени (21 см) [6, л. 6].

По условиям контракта, Чегемское общество было обязано оплатить подрядчикам вышеуказанную сумму в точно оговоренные сроки. После разработки 1-го участка – 6000 руб., после разработки первой половины 2-го участка – 6000 руб., после окончания разработки 2-го участка – 5000 руб. после разработки первой половины 3-го участка – 5000 руб., после окончания разработки 3-го участка и приема дороги – оставшиеся 10000 руб. [5, 194].

Строительство дороги в Чегемское общество началось в сентябре 1894 года, после получения первой партии пороха в 54 пуда 38 фунтов из Георгиевского склада [6, л. 46].

Однако уже менее чем через год после начала строительства, в апреле 1895 года, между подрядчиками и дорожными доверенными случился конфликт. Подрядчики выдвинули требование: в 15-дневный срок оплатить за оконченную более чем наполовину дорогу – 12 тысяч рублей, а в период с 1 по 10 июля, когда подрядчики намеревались окончательно сдать дорогу – остальные 20 тысяч руб.

Доверенные от общества, недовольные качеством строительства, составив опись неисправностей на Чегемской колесной дороге, состоящей из 10 пунктов, потребовали их исправить [6, л. 66-67]. После повторных осмотров дороги дорожными доверенными к вышеуказанным пунктам неисправностей добавилось еще 13. Подрядчики же, считая, что все работы выполнены были ими в соответствии с условиями, обозначенными в

контракте, были согласны что-либо исправить только после осмотра дороги приглашенным специалистом-инженером из области. В итоге, после неоднократных жалоб подрядчиков и дорожных доверенных, начальник округа принял решение пригласить из области специалиста инженера для осмотра и приемки совместно с комиссией, в составе которой обязательно должны были быть дорожные доверенные Чегемской колесной дороги.

От подрядчиков Георгия Будаева и Александра Зураева, а также доверенных Сеида Энеева и Тебо Кудаева 20 октября 1895 года были взяты расписки о том, что они предупреждены о предстоящем приезде инженера из области. Однако вследствие того, что в горах Чегема выпал глубокий снег, приезд инженера был перенесен на следующий год. В итоге к 9 сентября 1896 года для осмотра дороги в Чегемское общество был командирован областной архитектор В.И. Грозмани. Однако выводы комиссии не оправдали надежд подрядчиков. Члены комиссии, осматривавшие в течение 10-11 сентября 1896 года построенную дорогу, нашли на ней много дефектов и неисправностей.

В соответствии с их выводами дорога имела очень крутые подъемы и спуски, затрудняющее не то что колесное, но и верховое движение. Построенные мосты были слабой конструкции и имели береговые устои кладки недостаточной прочности. Ширина дороги была в основном разработана лишь наполовину, а остальная половина была образована насыпями, поддерживаемыми подпорными стенками сухой кладки, условиями не предусмотренными, сложенными в высшей степени небрежно, недостаточной толщины, без фундамента. Тонкие и непрочные барьеры были устроены лишь в нескольких скалистых местах и не представляли никакой защиты при падении. Подпорные стенки со стороны горы были сделаны некачественно. Каменные трубы, сооруженные не на известковом растворе, а путем сухой кладки, были сделаны плохо, абсолютно не соответствуя своему

назначению. Во всех местах искусственной постройки для трассировки дороги не было использовано каких-либо вспомогательных инструментов. Она была сделана неумело, на глазок. Местами по дорожному полотну торчали камни, что мешало движению. Для отвода воды с полотна не было принято никаких мер. На полянах, где дорога пролегла естественным уклоном, дорога не была разработана, даже не были убраны валявшиеся камни [5, 196].

Кроме того, комиссия особо подчеркнула, что подрядчики, вопреки договору, приступили к устройству дороги сразу на всем ее протяжении, а не по участкам, как было обозначено в контракте. Это затруднило расчет, и вместо того, чтобы оплачивать деньги за каждый оконченный участок дороги, общество было вынуждено половину договорной суммы выдать за дорогу, ни одна часть которой не могла быть принята.

Комиссия предложила представителям Чегемского общества и подрядчикам окончить расчеты друг с другом одним из двух возможных способов: первый предусматривал – чегемцам принять от подрядчиков дорогу по факту, т. е. засчитать строителям то, что реально сделано, а дальнейшее исправление дороги принять на себя; второй способ предусматривал – дать подрядчикам возможность исправить дорогу на всем ее протяжении и затем получить от общества оставшуюся сумму. По обоюдному согласию обеих сторон был выбран второй вариант [6, л. 142 об.].

Подрядчики почти год исправляли дефекты дороги, отмеченные в акте комиссии. 15 августа 1897 года они подали ходатайство начальнику округа Д. А. Вырубову о готовности дороги и создании комиссии для приемки ее из членов Чегемского общества с обязательным участием инженера. После обследования дорога была принята и введена в эксплуатацию.

Таким образом, построенные дороги в горах Центрального Кавказа способствовали ликвидации экономической замкнутости балкарских обществ. Несмотря на то, что строительство колесных дорог было связано со многими материальными издержками и легло тяжелым бременем на жителей горских обществ, дороги были им жизненно необходимы. Они стали теми артериями, которые обеспечивали проникновение товарно-денежных отношений в горские общества, способствовали повышению материального благосостояния горцев, давали возможность балкарцам не только приобретать необходимое для жизни на плоскости, но и вывозить на плоскость для продажи или обмена свою продукцию, что, в свою очередь, положительно сказалось на росте ремесленного производства. В горских обществах были открыты лавки с товаром, в которых продавались товары из центральной России и соседних губерний.

-
1. Кузьминов П. А. Образование Терской области в 1860 г. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Армавир, 2002. – С. 61–64.
  2. Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX вв. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 420 с.; Муратова Е. Г. Балкарские общества на пути от традиций к современности (XVII – начало XX вв.). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2012. – 157 с.
  3. Темукуев Б. Б. Балкарская общественная колесная дорога. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – 672 с.
  4. Центральный государственный архив КБР (далее – ЦГА КБР). Ф. И.-2. Оп. 1. Д. 244.
  5. Документы по истории Балкарии 40-90 гг. XIX в. / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. – 264 с.

6. ЦГА КБР Ф. И.-6. Оп. 1. Д. 274.

*****

II. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В.В. Макиев,
студент СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

БАТРАДЗ-РЫЦАРЬ, ИЛИ О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В ОБРАЗЕ НАРТА БАТРАДЗА И ВОИНСКОМ ЭТОСЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО РЫЦАРСТВА

В статье рассматриваются вопросы возникновения и становления средневекового рыцарства и нартского эпоса при влиянии на них внешних субъективных факторов. На этой основе производятся попытки найти сходные в военно-этическом аспекте черты с помощью применения методов аналогии и анализа к образу нарта Батрадза и средневекового Рыцаря.

Ключевые слова: *средневековое рыцарство, нартский эпос, рыцарь, нарт Батрадз, черты сходства, инициация, готы, аланы, военная атрибутика, мораль.*

The article considers the issues of the emergence and formation of medieval chivalry and the Nart epic with the influence of external subjective factors. It was also made an attempt to search for similar features in the military and ethical aspects by applying the analogy and analysis methods to the image of Nart Batradz and the medieval Knight.

Keywords: *medieval knighthood, Nart epic, knight, Nart Batradz, similarities, initiation, Goths, Alans, military paraphernalia, morality.*

Рыцарство в Средние века являлось закрытым, малочисленным военно-привилегированным сословием, результатом синтеза мировоззренческо-ментальных качеств европейца и военно-технических достижений азиата. Рыцарство как феномен – явление исключительно обособленное, индивидуально-европейское. Оно имело свои отличительные признаки, привилегии и обязанности, нормы поведения, ритуалы и традиции, ценности, заключенные в кодексе чести.

Истоки рыцарства восходят к миру степных кочевников, военная культура которых на тот момент превосходила европейскую [1, 35]. В

военно-техническом плане степной пояс Евразии предоставил своих тяжеловооруженных всадников и новые методы ведения войны, которые не были знакомы Европе, использовавшей в основном пехоту.

Знаменитой римской дисциплине, которая, однако, уже ослабевала в позднеримский период, Великая Степь противопоставляла культ войны храбрости и верности всадников-воинов своему сообществу [1, 252-253]. Миграции племен также сыграли немаловажную роль в распространении военно-культовых элементов на территории Европы. Ключевая роль в этом отводится германским племенам, в частности готам, контактировавшим с ирано- и тюркоязычными степными племенами и перенявшими у них многие воинские традиции. В частности навыки верховой езды [1, 58-60]. Таким образом, функцию посредников между Востоком и Западом выполняли римляне и готы. В дальнейшем культ войны закрепится за многими варварскими народами, а конь станет неотъемлемой частью средневекового воина и отразится в различных культово-религиозных обрядах, в частности погребальных [1, 64-65].

Прообраз рыцаря – конный воин – начнет утверждаться в Европе с III в. н.э., однако до приобретения сословных черт еще должно было пройти время [1, 152].

Рыцарство как военизировано-земледельческий класс возникло у франков. С VIII в. потребность в конном войске увеличивается, их стали наделять землей в награду за военную службу. Причиной этому служат внутренние (военная поддержка короля-майордома, нуждавшегося в легитимации своей власти) и внешние факторы (нападения арабов, мадьяр, норманнов и др.) [1, 315-316]. представляющие угрозу целостности государства и власти. К правлению Людовика I пехота в походах почти не используется.

В 807 году появился термин *caballarius*, обозначающий профессионального конного воина, способного вооружаться за свой счет [1, 304-305].

Стоит отметить, что франки использовали все технические достижения верховой езды, начиная от вооружения и заканчивая удобствами для всадника (седло, стремя, подковы). Однако не только это позволило франкам стать импульсивной силой зарождения средневекового рыцарства, поскольку не только они использовали эти достижения. Тяжелая франкская кавалерия возникла также в результате совершенно самобытного процесса социальной стратификации общества. Благодаря и этому социально-экономическому фактору рыцарство приобретало свои черты сословности.

Окончательно рыцарство оформилось в XII веке, приобретая черты социального сословия и общественного института. На основании исследований и анализа грамот, проведенного французским медиевистом Ж. Дюби следует отметить, что до второй половины X в. происхождение будущих рыцарей связано с терминами *fidelis* («верный») и *vassus, vassalus* (изначально «раб»), которые к ним применялись. Изначально это были дружинники и вооруженные слуги правителей. В дальнейшем употребление в источниках X в. определений *miles* («рыцарь») и *milites* («воины») взамен *vassus* и *fidelis* свидетельствует о социальном оформлении рыцарского сословия [2, 2-3].

Постепенно эти конные воины себя зарекомендуют в масштабах Европы. В разных странах по-разному будет протекать развитие данного сословия. Разными будут и условия обрядности посвящения в рыцари, имеющей в истории данного феномена важнейшее значение. Он включал в себя акколаду и вручение оружия, позднее добавились обряд омовения себя и запрыгивания на лошадь без стремян. Первые два своими корнями уходят в далекую древность. Эти обряды фиксируются Тацитом у древнегерманских

племен и являются частью культово-религиозной традиции, связанной с войной [1, 332]. Впоследствии, после принятия христианства в силу социально-политических обстоятельств, произойдет некий симбиоз культа древних германцев и христианства. Это последний этап в формировании средневекового рыцарства. Превращение раннесредневековых *milites* в рыцарей «классического» Средневековья выразилось в обретении ими высокого социального достоинства и выработке элитарного самосознания. Достигалось это все под влиянием церкви и куртуазной поэзии, идеализировавшей воина. Формировались характеристики, присущие только настоящему рыцарю, заключавшиеся в трех вещах: вере, чести, наличии дамы сердца.

Оформилась юридическая основа рыцарского сословия – Кодекс Чести. Нормы эти преподносились в идеализированном виде в период военного кризиса, феодальной анархии и внутренних раздоров, когда уже сами рыцари выступали в роли обидчиков местного населения. «...Воинам недоставало этического сознания, горячности веры, воли следования заветам христианства...» [1, 323]. Именно против этих воинов римская церковь предпринимает попытку создать на основе движения божьего мира и Ключонийской реформы рыцарскую этику, способную регулировать военный потенциал данной группы [319-320]. На этом основании возникли понятия несправедливой войны против братьев-христиан и справедливая война против язычников, угрожающих Церкви [1, 321-322]. Таким образом, Церковь, «...не будучи в состоянии окончательно прекратить феодальные междуусобицы, старалась ограничить их устройством таких союзов, члены которых, бароны, воздерживались бы от войны, по крайней мере, во время поста и больших праздников или в известные дни недели для того, чтобы благочестиво провести субботу и воскресенье. Сроки, когда складывалось оружие, назывались «Божьим перемирием» [3, 24].

В это время в основном складываются категории военной этики средневекового рыцарства, к которым относились обряд посвящения в рыцари, т.е. его рождение через инициацию, акколаду; наличие коня и оружия как атрибута и отличительного признака рыцаря; неприятие трусости, высокая ценность храбрости и бесстрашия перед врагами и умение совмещать это с мудростью; тяга к походам ради славы, авантюризм; чувство собственного достоинства; верность клятве; уважительное отношение к женщине; щедрость; справедливость, защита слабых и обездоленных; оммаж или фуа – верность своему сеньору; взаимовыручка соратников; способность к самопожертвованию ради сохранения сообщества.

Итак, роль христианской церкви в облагораживании варварских нравов рыцарства и методов ведения войны очевидна. Но только ли церковь принимала участие в формировании одного из самых загадочных феноменов в человеческой истории, каковым является средневековое рыцарство?

Мы уже упоминали о роли степных кочевников, а точнее – об их военных традициях, очевидно, повлиявших на формирование элементов рыцарской культуры. Остановимся на скифо-сармато-аланском влиянии, о котором писал ряд исследователей средневекового рыцарства, в том числе Ф. Кардини. Готы являлись своеобразным магнитом, притягивавшим разные племена и народы. Во II в. н.э. в Северном Причерноморье возник неоднородный племенной союз во главе с этим германским народом [1, 58]. В состав его вошли и степные кочевники, в частности аланы. Это позволило готам вобрать в себя скифо-сарматскую культуру, и не только ее, синтезировать и ассимилировать элементы мистерии, шаманизма, хтонических культов, усвоить технические приемы ведения боя с конем [1, 59-60]. Таким образом, данные культурные заимствования от степняков в дальнейшем станут основой для возникновения рыцарской военной культуры.

Интересным источником для изучения данной проблемы может служить осетинский нартовский эпос, в частности Батрадзовский цикл, в котором выявляется много элементов, схожих с чертами западноевропейского рыцарства. Безусловно, в таких случаях важнейшим является вопрос о времени и об условиях возникновения сравниваемых объектов (в нашем случае – рыцарской культуры, с одной стороны, и Батрадзовского цикла нартовского эпоса – с другой) с целью установления возможности их искомого взаимовлияния.

Вопрос об условиях складывания Батрадзовского цикла до сих пор является актуальным, не говоря уже об эпосе в целом. Центральное место занимает вопрос о происхождении героического эпоса.

Археолог Е. И. Крупнов относил возникновение эпоса к периоду поздней бронзы и раннего железного века, а местом – северную и западную части Кавказа [4, 129].

В.И. Абаев относил «...время возникновения эпоса к скифской эпохе, т.е. VIII– VII вв. до н.э., а завершающий этап – к XIII– XIV вв., когда частью под монгольским влиянием был сделан шаг к общей циклизации сказаний, все герои получили общее наименование нартов», при этом считая алан творцами ядра эпоса. Родиной эпоса В.И. Абаев называл южнорусские и северокавказские степи. Результатом монгольского влияния Т. А. Гуриев считал создание новых циклов и межцикловых связей («Хамыц и Батраз»), а также сам термин “нарты” [4, 127].

В. А. Кузнецов ставил вопрос не только о монгольских, но и об общетюркских элементах и воздействиях на нартовский эпос, исторически обусловленных «длительными и глубокими контактами предков осетин с тюркоязычными степными народами на протяжении всей эпохи раннего средневековья». При этом подчеркивал, что считает нартовский эпос “самобытным творением осетинского народа и его этнических предков,

развивавшимся в течение длительного времени на почве местной кавказской мифологии и в живом общении с соседними культурами...» [4, 129].

Несомненно, перечисленные вопросы по эпосу требуют дальнейшего изучения. На данный момент трудно сказать, появился нартовский эпос раньше рыцарства или наоборот. Но все же следует отметить, что в наши дни “в осетинском нартоведении преобладает иранская версия происхождения эпоса, согласно которой героические сказания были привнесены на Кавказ предками осетин – скифами, сарматами и аланами.” Здесь они были восприняты другими кавказскими народами и получили дальнейшее развитие” [4, 129]. Данной версии будем придерживаться и мы.

Изучение Батрадзовского цикла нартовского эпоса дает богатый сравнительный материал для исследования параллелей в этических системах предков современных осетин и средневекового рыцарства. Образ нарта Батрадза наиболее близок образу средневекового западноевропейского рыцаря. Некоторые сюжеты нартовского эпоса буквально совпадают в своих чертах с категориями военной этики средневекового рыцарства.

Как известно, военное дело (основное занятие рыцарства) вырастает из дела охотничьего. Легенда о рождении воина Батрадза также берет свое начало с охотничьего похода его отца Хамыца: «Уæд та, дын, иу бон ацыди цуаны Хæмыц» [5, 5], в результате которого он женится на будущей матери Батрадза. Иными словами, Батрадз не появился на свет, если бы его отец Хамыц не отправился в военный поход. Помимо кровного родства, Хамыц берет Батрадза под свое покровительство посредством передачи сына, еще находившегося в чреве матери в нарыв на спине отца, откуда и родится будущий воин: «Хæмыц бадардта йæ уæнтæ, æмæ йын сæм Быценон ныуулафыд» [5, 7; 7, 151]. Хамыц усыновляет Батрадза и как бы сам его рождает, однако не без помощи женщины (Нарты-Шатана), которая осуществляет над Батрадзом нечто, напоминающее инициацию. ”Шатана

повела Хамица на вершину семярусной башни и вскрыла опухоль. Оттуда на дощатый пол выпал ребенок и потребовал вылить на него воду, так как его сталь начала чернеть. Шатана натаскала воду и наполнила ею семь пивных котлов, стоявших на первом ярусе башни. Батраз, раскалившись, прожег деревянные перекрытия и упал в воду” [6, 8-9].

Долгое время в средневековой Европе существовал комитат – военизированное сообщество, отличавшееся от института семьи принципом побратимства, усыновления и родства через инициацию. Здесь можно усмотреть черты акколады (обряд омовения, посвящаемого в рыцари), а также основу для складывания будущих отношений синьер-вассал [1, 127-129].

Еще одним обрядом инициации можно рассматривать процесс выманивания Батрадза из моря, родины его матери, где он жил среди рода Донбетгырта. Увидев Уырызмага, то, как ему бреют голову, Батрадз следует примеру старшего нарта. Он обривает голову и получает коня Хамыца [5, 7]. Касаемо коня есть параллель с хаттами и тенктерами, по свидетельству Тацита, у которых конь являлся символом традиции, семейного культа и которого наследовал самый доблестный отпрыск, а не перворожденный [1, 57]. После данного обряда Батрадз как бы перерождается и уходит жить с нартами в средний мир, оставив волосы в море, подземном мире, как свою прошлую жизнь [6, 10]. Впоследствии Батрадз будет жить у Уырызмага и Шатаны, усыновивших его по принципу инициации.

Следующим важным сходным элементом является конь. (Боевое предназначение коня у германцев, как известно, отсутствовало, или не было значительным). Таким образом, культ коня в рыцарской культуре можно считать заимствованным у степняков, к которым относились и аланы [1, 79,81]. В нартовском эпосе кони являются проводниками в разные миры, например, в Подземный, Небесный или Мир уаигов. Такое убеждение было и

у людей средневековой Европы, когда всадника начнут хоронить вместе с конем.

Батрадз с детства играет в игры, демонстрирующие и развивающие боевые и силовые навыки. Пример – стрельба из лука с нартами из даллаг нарты [5, 77-79]. Детство рыцарей протекало в подобных условиях

Появление железа ознаменовало новый скачок в развитии металлургии и общества в целом. Кузнецы, овладевшие приемами обработки металла, в котором применялись все стихии, и хранившие эти знания в тайне, имели авторитет в обществе – их боялись и уважали. Продуктам обработки металла, особенно мечу, придавали магическое значение из-за своей сложности и тайности. Столь особое значение ремесла нашло отражение в религиях и легендах разных народов, придавая ему небесное и хтоническое начало [1, 90,97]. Похожий мотив есть и в эпосе. Батрадз, родившись, состоит полностью из металла *”ардагхайуалаема — андон, уырдыгхейделаема — болат”*. После этого он решает закалить свое тело у Курдалагона – небесного бога-кузнеца. Тот его закаляет, при этом применяются все стихии, – еще один обряд инициации [6, 10]. После этого Батрадз переходит на новый уровень, обретая божественную силу, теперь он может пребывать и на небесах. Если обратить внимание, то Батрадз, отождествляемый со своим мечом, с закаленным телом и на коне внешне походит на катафрактия или же европейских рыцарей [1, 98].

Рыцари были одержимы подвигами и славой, которую нередко посвящали своим дамам. Процесс завоевания ее сердца носил постепенный характер, а успех, не в меньшей мере, чем личностные качества, зависел от достижений и славы рыцаря. Подобное сходство можно усмотреть и в батрадзовском цикле. Так, “Батраз сватается к красавице Акуле, которая у каждого претендента на ее руку находит изъян. Упрекает и Батраза в том, что не освободил своего деда из плена Кандзаргаса. Пройдя различные

испытания, Батраз освобождает деда и лишь после этого женится на Акуле” [6, 11]. Таким образом, Батрадз доказывает свою готовность совершать подвиги, преодолеть все преграды и убить Хьэндзэргæса ради руки и сердца любимой дамы. В этом рассказе также усматривается обряд инициации, сопровождающийся “выполнением определенных заданий, которые ставятся перед женихом невестой” [6, 11].

Готовность к самопожертвованию ради сохранения целостности коллектива – еще одна черта рыцарства, также присущая Батрадзу. Так в голодный год для нартов Батрадз уговаривает продать себя (не как раба, только свой труд – для уточнения), чтобы тем было на что прожить: “Искуыдаем фæцæуæм, æмæ маæ ауæйкæнут – кæд уын уæ цардæн искаæцы 'рдыгæй феххуысуаин” [7]. Его покупает один Алдар и некоторое время Батрадз работает у него. Алдар постоянно обращается к нему как к купленному предмету, отношение не меняется даже после того, как Батрадз одолевает местного уаига, державшего в страхе алдара и его людей. Батрадза задевает подобное к нему отношение, косвенно ставящее его в положение раба, поскольку он продал свой труд, а не себя самого в качестве вещи. Батрадз уходит от алдара и забирает с собой часть имущества в качестве компенсации за оскорбление [7]. В этом примере можно провести еще одну параллель с рыцарством – обостренное чувство собственного достоинства. Батрадз не терпит обид и оскорблений в свой адрес.

Самым страшным позором для рыцаря было проявление трусости, ей предпочиталась смерть. Рыцарь должен был слыть храбрецом, быть бесстрашным. В этом тоже прослеживается схожесть с Батрадзом. Ему неведомо чувство трусости. С малых лет он храбр и бесстрашен к врагам, всегда вступает в бой. Находит это отражение в эпосе, когда, например, Батрадз, будучи в детском возрасте, единственный среди нартов вызвался отвести стадо на пастбище, куда никого не пускал грозный Хьулонзачье

Уаиг. Уаиг заметил чужое присутствие, но не узнал, кто это. Когда на его оскорбительный вопрос последовал такой же ответ, он понял кто перед ним. Батрадз отрубил ему голову и вместе с ней вернулся домой [5, 88]. Бесстрашие Батрадза прослеживается и в его намерении, имевшем соревновательный характер, а именно – украсть дочь Бога, что он и сделал [5, 221]. Еще одним примером показательной храбрости Батрадза является его бой с Тыхыфырт – Мукарой, укравшим нартовских женщин, пока мужчины были в походе, а Батрадз пребывал на небесах. Батрадз побеждает своего врага и возвращает женщин обратно [5, 139]. В описываемом сражении свою роль сыграла также эмоциональность, неистовство героя, его звериный рев, подобный реву берсеркра (пешего воина, носившего шкуру хищного зверя и отличавшегося неистовством в бою), который ошеломляет врага. Эмоциональность рыцарей, а также изображения животных на их экипировке отождествляется с берсеркрами и их культом зверя [1, 123]. Из этого рассказа можно почерпнуть еще одно сходство между Батрадзом и Рыцарем, которое заключается в уважительном и снисходительном отношении к женщине (правда, главным образом, своего сообщества), их защите. Так, однажды нарты пытались проверить сына Хамыца в благородстве и в его отсутствие подослали пастуха к его жене. Вернувшись из похода, Батрадз застал их на своей кровати, рука пастуха находилась под головой жены. Батрадз только вытащил руку пастуха, а под его голову положил руку своей жены, уйдя спать во двор [5, 213]. В другой раз Батрадз отправился к семиглавому уаигу высвободить родственника из плена. Добравшись до места, он встретил дочь Луны Мысырхан и дочь Солнца Мохческу, которые томились в плену и прислуживали спящему уаигу. Увидев страдания нартовских девушек, Батрадз переполнился гневом и убил чудовище преждевременно, признав затем свою ошибку, состоявшую в том, что он зарубил спящего врага, пренебрегая уважением к нему [5, 127-229]. Сходный сюжет обнаруживается

в сказании о победе Батрадза над Сохъхъыры Гайдаром и возвращении похищенных им нартовских женщин обратно [5, 146].

Рыцарские категории справедливости, щедрости, защиты слабых и обездоленных прослеживается в действиях нашего героя. Преследуя своих врагов из рода Кадзиаты, державших Сослана в плену, Батрадз встречает одного бедняка, у которого также похитили сына. Батрадз обязуется вернуть пропавшего сына. Настигнув врага, преследователь сурово карает. Он находит много пленников и освобождает их, возвращает сына бедняку, а награбленное имущество раздает нартам, бедным, в первую очередь, вернувшись обратно с Сосланом [5, 154-155]. Упоминание Сослана в данном примере не случайно, в нем можно усмотреть следующий элемент сходства с военной этикой рыцарства – приходить на выручку к собрату, осознавая единство и принцип побратимства внутри комитата (сообщества). Такой элемент замечен в примере, где Батрадз помогает Сослану освободить жену, взяв крепость Хыза [5, 193].

Следующее сходная категория военного этикета – умение рыцаря держать слово и клятву. От этого зависел его авторитет в коллективе и статус в обществе. Батрадз – хозяин своего слова, если он пообещал или поклялся, значит, он не имеет права нарушить этот договор. Так, мстя уже Сослану, угнавшему троих коней покойного Хамыца, Батрадз вступает с ним в поединок и одолевает его. Но, вспомнив обещание, которое дал Нарты-Шатане, не убивает его, а мирится с ним [5, 288-289].

Рыцари любили пировать и рассказывать за столом о своих подвигах. Подобное было и у нартов. Пируя за столом, они рассказывали о своих подвигах. В центре стола находилась чаша Уацамонга. Если выходило так, что нарт соврал, то чаша не двигалась с места, если же сказанное было правдой, чаша сама подносилась ко рту рассказчика. Рассказывая о своих подвигах, Батрадз оказывается честен, но просит Уацамонга пододвинуться

не к нему, а к его отцу Хамыцу [5, 201-202]. Батрадз не может “перешагнуть через голову” своего старшего и отпить прежде него: в этом проявляется сходство с рыцарским соблюдением норм феодальной иерархии – системы вассалитета. Из этой части эпоса следует выделить следующий сходный элемент – признак верности и уважения своему сеньору, по-другому *оммаж* или *фуа*. Так, например, когда Боратаэ намеревались убить Уырызмага, Батрадз в знак верности пришел к нему на помощь, вызволив из беды [5, 93-94]. Другой пример – месть Батрадза Сайнаг-алдару и роду Бората за смерть своего отца Хамыца [5, 287,289].

Итак, обнаруженные черты сходства западноевропейского средневекового рыцарства и аланской воинской этики, исходя из анализа Батрадзовского цикла нартовского эпоса, можно разбить на две группы – черты военной атрибутики и представления о морали.

К первой относится:

- 1) Верность своему оружию и коню как символам свободы и полноценности.
- 2) Почитание культа железа как отличительного признака сословной принадлежности.

Ко второй относится:

- 1) стремление к чести, благородству и мудрости в поступках и словах;
- 2) преданность своим старшим и сообществу;
- 3) проявление мужества и отваги в борьбе за правду и поддержке своих соратников;
- 4) бесстрашие и безжалостность к врагам;
- 5) покровительство слабым и беззащитным;
- 6) благоговейно-учитивое отношение к женщине;
- 7) готовность пожертвовать собой ради высших ценностей и идеалов.

Мы можем утверждать об аланском влиянии на складывание боевых традиций германского рыцарства, поскольку военная культура алан занимала главенствующее положение в их жизни и соответствовала потребностям Европы, нуждавшейся в новых технологиях и методах ведения войны. Культурные диалоги германцев с этим ираноязычным народом стали основой культово-военных элементов рыцарства.

Что же касается сходства моральных ценностей, то здесь констатировать конкретные заимствования трудно, и это требует отдельного исследования. Учитывая отсутствие единого мнения относительно определения времени появления Батрадовского цикла, мы не можем утверждать уверенно, повлияли ли некоторые этические ценности средневекового рыцарства на образ нарта Батрада, или же, наоборот, некоторые представления алан о чести воина были заимствованы рыцарством. Рядом исследователей средневекового рыцарства было установлено, что облагораживанию диких нравов германских варваров во многом способствовала христианская Церковь. Никто из них не говорит о влиянии кочевников на представления рыцарства о добродетели и концепцию «справедливой войны».

Однако присутствие в Батрадовском цикле элементов рыцарской морали, очевидно, свидетельствует о тесных культурных контактах алан с средневековой Европой.

-
1. Кардини Ф. Истоки Средневекового Рыцарства. Москва, 1987.
  2. Смирнова Е.Д. Нобилитет как феномен западноевропейского Средневековья (историко-историографический аспект). Минск: Исторический факультет БГУ.
  3. Ефимова Е., Дельбрюк Г. Рыцарство. Москва., 2003.

4. Цориева И.Т. О некоторых аспектах историографии происхождения нартовского эпоса // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 1. С. 125-130.
5. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæбацæттакодта, чиныгæмæдзырддуатсарæзтаХæмыщатыГамарæ; зонадон редактор ДжыккайтыШамил. Дзæуджыхъæу, 2005.æртыккагчиныг.
6. Таказов Ф.М. Признаки инициаций в цикле Батраза нартовского эпоса осетин / Гуманитарный научный вестник. 2017. №12. С. 8-12
7. Кусаева З.К. Обряд как сюжетообразующий компонент в осетинской «Нартиаде» // Материалы II всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции “Осетинский язык в условиях глобализации”. Москва: МГИМО, 2014. С. 143 – 156.
8. //biblio.darial-online.ru/text/narts/index_os.shtml#5.14. Батрадз амæ æлдар.
9. //biblio.darial-online.ru/text/narts/index_os.shtml#5.14. Батрадз нарты дзуары куыд фæнадта

***М. М. Магомедов,**
студент ДГУ
А.Г. Далгатов
дин, профессор, ДГУ
(г. Махачкала)*

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И ИНВЕНТАРЬ КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Целью статьи является изучение погребальных сооружений, а также инвентаря каякентско-хорочоевской культуры, обрядов, их значимость в исследовании археологических памятников Дагестана для реконструкции древней истории культуры. Особое внимание уделяется выявлению и характеристике особенностей общих и отличительных признаков каякентско-хорочоевской культуры по сравнению с другими культурами.

***Ключевые слова:** погребение, эпоха бронзы, сосуды, памятники культуры, керамические изделия, инвентарь, могильники.*

The purpose of the article is to study the burial structures, rituals, and inventory of the Kayakent-Khorochoy culture, their significance in the study of the archaeological monuments of Dagestan for the reconstruction of the ancient history of culture. The article also focuses on identifying and characterizing the features of the common and distinctive features of the Kayakent-Khorochoy culture in comparison with other cultures.

Keywords: *burial, bronze age, vessels, cultural monuments, ceramic products, inventory, burial ground.*

Во второй половине XX в. историческая наука Дагестана поднялась на более высокий уровень развития, обогатились ее методологические принципы и научные подходы. В связи с этим существенные перемены произошли и в области археологической науки, в которой уже были достигнуты огромные успехи, ознаменовавшиеся очень крупными и блестящими открытиями. Территория Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, богата многочисленными и разнообразными культурными памятниками, здесь выявлены древние очаги мировой цивилизации, раскопаны древнейшие стоянки, поселения и могильники. Особая роль принадлежит поселениям. Такие памятники дают возможность археологам исследовать проблемы, связанные с развитием хозяйства, быта, строительного дела и архитектуры, планировки и топографии поселений. Эти исследования позволяют представить уровень развития материальной культуры населения данного региона в соответствующей эпохе.

Поселения в Дагестане возникли в эпоху мезолита-неолита. С середины II тысячелетия до н. э. на Северо-Восточном Кавказе складывалась каякентско-хорочоевская культура, получившая свое название от имени каякентского могильника в Дагестане и хорочоевского – в горной Чечне. Каякентский могильник был открыт в 1898 г. Первым на него обратил внимание А. А. Иессен. Однако его исследования в то время не вышли за

рамки обычных разведок. Хорочоевский могильник был открыт А. П. Кругловым в 1936 г. в горной Чечне.

После изучения материалов хорочоевского, каякентского и других аналогичных памятников в Чечне и Дагестане, Е.И. Крупнов выявив особенности и много общих черт в их материальной культуре, в 1940 г. впервые предложил назвать эту культуру каякентско-хорочоевской. С тех пор это название прочно вошло в научный обиход.

Будучи связана многими своими элементами с культурой предшествующего периода– (куро-аракской), каякентско-хорочоевская культура характеризует уровень культурно исторического развития местных племен Северо-Восточного Кавказа в третьей четверти II тысячелетия до н. э. В горах Дагестана и Чечни развивалась самобытная культура местного населения. Поселения этого времени, по мнению многих археологов, изучены пока недостаточно. Но имеющиеся данные свидетельствуют о распространении глинобитно-каркасных, или турлучных, построек в предгорьях Дагестана и Чечни (Новолакское и Курчалой), а каменных – в горах (Верхний Гуниб). Почти повсеместно на Северо-Восточном Кавказе распространяется новый погребальный обряд, характеризующийся одиночными или парными захоронениями в каменных ящиках.

Новым явлением эпохи средней бронзы в социальном развитии населения горных районов Дагестана и Чечни следует считать начавшийся в ту пору процесс дробления большесемейных общин. Это отразилось в заметном уменьшении размеров жилищ и, особенно в погребальном обряде: на смену склепам – коллективным усыпальницам членов больших семей – приходят одиночные и парные захоронения в каменных ящиках. Однако родственные узы между парными семьями, входившими в большесемейные общины, по мнению ученых, были еще крепкими. На родовых кладбищах

захоронения в каменных ящиках располагались обычно отдельными группами, каждая из которых была составлена близкими родственниками.

Племена каякентско-хорочоевской культуры, по мнению ученых, поддерживали тесные связи с населением сопредельных областей Кавказа и степной Юго-Восточной Европы. Можно полагать, что контакты с племенами срубной культуры способствовали развитию коневодства на Северо-Восточном Кавказе, а вместе с тем – и применению легких повозок и боевых колесниц.

Изучение каякентско-хорочоевской культуры имеет большое значение для выяснения и правильного понимания последующего развития культур народов Северо-Восточного Кавказа в переходное время от эпохи ранней бронзы в эпоху средней бронзы. Более углубленное изучение каякентско-хорочоевской культуры и связанных с ней проблем может помочь в раскрытии многих вопросов, имеющих непосредственное отношение к ранним этапам этногенеза народов Дагестана, Чечни и Ингушетии и других народов Северного Кавказа.

Рассматриваемая нами эпоха истории Дагестана выделяется своими отличительными особенностями, и ее изучение вызывает большой интерес как у специалистов-кавказоведов, так и у простых любителей исторического прошлого. Все это явилось одной из побудительных причин заставивших нас приступить к изучению погребальных памятников Дагестана эпохи средней бронзы.

К 1950 г. в Чечне и Дагестане было обнаружено 18 могильников [1, 254].

Сейчас их известно уже около 100. В основном это погребальные памятники, преимущественно грунтовые могильники и изредка отдельные впускные захоронения в курганных насыпях Манас, Чирюрт, Миатли. Среди погребальных сооружений преобладают каменные ящики. Материалом для

них служили мергель, известняк, песчаник, сланец. Для устройства могилы рыли, как правило, небольшую яму и в ней устанавливали каменные плиты, образующие стены ящика. Большой частью каменные ящики сделаны наспех, плиты между собой не скреплены, иногда одна, а то и две стенки сооружения собраны из двух-трех обломков камня (могильники в сел. Ишхой-Юрт, Хорочой, Белгатой). Для перекрытия чаще всего употреблялись тонкие пласты горных пород, однако изредка встречаются сооружения, плиты которых старательно обтесаны. Таков, например, ящик 46 в Хорочое.

Дно каменных ящиков часто представляет собой выровненный грунт, только в ящике 2 у сел. Гагатль в Дагестане оно было выложено мелкими камнями. По форме камеры известны сооружения вытянутой прямоугольной конфигурации, затем квадратные и близкие к квадрату.

Ящики удлиненной формы большей частью содержат захоронения взрослых людей.

Сооружения, приближающиеся по форме к квадрату, особенно характерны для Каякентского (ящики 24, 25, 29, 33) и Талгинского (ящики 1,2,4,8,9,12) могильников. В них обнаружены погребения взрослых людей и детей.

Ящики квадратной формы встречаются редко и содержат останки детей. Размеры ящиков невелики. Вытянуто-прямоугольные имеют в длину от 1,60 до 0,90м, ширину около 0,70-0,50м, глубина их достигает от 0,50 до 0,30м. Самой мелкой удлиненной гробницей надо считать погребение 11 в Хорочое: 0,70-0,55 м.

Камеры, близкие квадрату, варьируют от 0,90 - 0,80 и до 0,55 - 0,45 м (высота неизвестна). Чисто квадратные ящики мелки: 0,60 - 0,60 м (Талги, погребение 3), 0,50 - 0,50 м (Хорочой, погребение 38) и других близких им размеров.

Стелы – вертикально поставленные камни – помимо могильника у горы Таркитау, отмечены у отдельных могил в Хорочое и на Таркинском могильнике. Возвышались они у головы и иногда одновременно служили боковой стенкой ящика.

Вполне возможно, что обилие ям в могильниках данной культуры и предшествующего времени является локальной, специфической особенностью для территории Чечни. Так, захоронения в могильнике у сел. Бачи-Юрт обнаружены только в ямах, а этот памятник, судя по инвентарю, смыкается с каякентско-хорочоевской культурой [2, 56].

В Хорочоевском могильнике был исследован также один склеп. Он был составлен «не из вертикальных камней, а из хорошо подобранных камней, положенных в несколько рядов; для заполнения щелей между большими камнями вставлены мелкие камни». Это могильное сооружение в памятниках культуры занимает одиночное положение, но находит многочисленные аналоги в памятниках предшествующего времени – Гатын-Кале, Миатлы, Гинчи и др.

Захоронения на некрополях имеют четкую планировку. Независимо от типа могильных сооружений (ящики, ямы), расположены они правильными рядами – Каякент, Хорочой, Талги, Гагатль и др. [3, с.131].

В Таркинском могильнике ящики были расположены в один ряд [4, 246].

Основная масса погребений Хорочоевского могильника ориентирована по длине с юго-запада на северо-восток (24 могилы), с юга на север (20 могил) и с юго-юго-запада на северо-северо-восток (восемь могил). Могила, вскрытая в сел. Дарго, была вытянута с юго-запада на северо-восток.

Захоронения, обнаруженные в бассейне р. Сулак (Верхний Чирюрт, Миатлы, Новый и Старый Чиркей), преимущественно ориентированы с юга на север, реже встречены направления с юго-запада на северо-восток и с юго-

юго-запада на северо-северо-восток. Подобные ориентировки погребенных зафиксированы и в районе г. Махачкалы (Тарки, Альбуригент)

В могильниках, расположенных у курорта Талги, сел. Берикей и Маджалис, костяки в основном были ориентированы с юго-запада на северо-восток. По всей вероятности, различия в ориентировке может указывать на какие-то локальные группы, существовавшие внутри культуры. Намечается разница и в планировке могил. Так, в Хорочое и Гагатле их ряды тянулись с юго-запада на северо-восток, а в Каякенте в противоположном направлении – с северо-запада на юго-восток.

Во многих погребальных сооружениях, независимо от конструкции и ориентировки, обнаружены скорченные костяки. Только детские скелеты, и то лишь в редких случаях, находились в вытянутом положении (Каякентский могильник – погребения 26, 33, Таркинский могильник 1 – погребения 7, 9.).

Скорченные костяки имеют два основных положения: на боку и сидя. Представляется, что положение умерших на боку более всего характерно для западных районов Северо-Восточного Кавказа, в более восточных преобладало ритуальное усаживание покойников. Хотя, следует оговориться, в ряде памятников сочетаются оба обряда (могильники у курорта Талги и у сел. Тарки).

На правый бок укладывали тела умерших мужчин, на левый – женщин [5, 55].

Покойника в основном старались класть так, чтобы он был направлен головой к югу, имеются отклонения: юго-запад, юго-восток, реже к западу или востоку [6, с.60].

Сидящие костяки размещались по углам ящиков, лицевыми частями – черепа обращены на запад, реже встречались другие направления – Каякентский могильник; Мискинбулакский могильник у сел. Параул; могильник у сел. Новый Дейбук Казмаляр [7, 35].

Среди каменных ящиков культуры не очень часто, но встречаются отдельные сооружения без «малейших признаков человеческих костяков». Таковы 10 ящиков в Мискинбулаке. Они содержали изделия из бронзы, керамику, кости крупного и мелкого рогатого скота. В каждом «было найдено много древесных угольков». Так как эти ящики составляли половину из всех обнаруженных здесь сооружений, то В. М. Котович не решается называть их кенотафами. Вероятно, оснований для этого у исследовательницы нет. Отметим также, что каменные ящики без человеческих останков были зафиксированы и в Тахиркалинском могильнике [8, 84].

Размещение погребального инвентаря в могилах культуры и его состав были строго регламентированы. Почти в каждой могиле обычно стоит от одного до трех сосудов, и они размещены в строго определенных местах. В захоронениях у селений Белгатой, Дарго, Ишхой-Юрт, Хорочой сосуд располагался возле черепа (иногда перед его лицевыми частями), в углу могильного сооружения. Только один раз в Хорочое (погребение 20) отмечено положение сосуда у ног костяк [98, 237].

В. И. Долбежев, исследовавший Каякентский могильник, отмечает, что крупная керамическая посуда встречалась ему сразу же за перекрытием, а «мелкая же посуда, в форме плошек и вообще с широким отверстием, находилась обыкновенно на дне гробницы».

Очевидно, крупный сосуд в Каякентском некрополе опускали во время похорон перед самым закрытием гробницы.

Интересна еще и одна деталь. Для памятников западных районов характерно наличие в могилах одного сосуда (только в погребении 50 Хорочоевского могильника найдено два сосуда), а для восточных районов культуры, начиная от бассейна р. Сулак, - двух-трех и более. Так, в

могильнике Кабартыкутан (сел. Верхний Чирюрт), в ящике 3 в «каждом углу, кроме южного», находилось по сосуду.

По три сосуда находилось в отдельных погребениях могильников у сел Тарки, ст. Манас и сел. Мамай-Кутан [10, 238].

До пяти сосудов было в погребениях Талгинского могильника.

Обратимся к вещевому материалу культуры. Наиболее массовыми являются керамические изделия, встречающиеся в могильниках и на поселениях. Сделаны они, вероятно, от руки, без применения гончарного круга. Керамика культуры, как и посуда предыдущего времени, по способу обработки наружной поверхности может быть разделена на две группы:

1) посуда, покрытая грубой обмазкой еще до обжига, обычно обмазано только тулово, которое налепным валиком отделяется от сглаженной шейки и венчика;

2) посуда с довольно ровной поверхностью.

В. И. Марковиным предложена семичленная типология керамики, характерной для разных памятников культуры.

Разница в степени заглаженности корпуса и в орнаменте позволяет пока еще предположительно выделить три территориальные группы памятников, в которых встречаются подобные сосуды:

1) Восточная Чечня. Здесь чаще всего встречается керамика, покрытая густой обмазкой с преобладанием в декоре налепных валиков;

2) Северный Дагестан до условной линии г. Избербаш – Учавлах-Урма; керамика в большинстве случаев также покрыта обмазкой, но в ее декоре сочетаются налепные валики, отдельные налесты и нарезной орнамент;

3) Южный Дагестан; характерны грубо заглаженные сосуды, обмазка редка, преобладает прочерченный орнамент, иногда дополненный отдельными налестами и валиками с наколами.

Второй тип посуды – эту керамику К. Ф. Смирнов и В. Г. Котович объединяют с предыдущим. Известно её немного. В могилах заменяют более распространенные сосуды первого типа (так, в Хорочое, в погребениях 20 и 34, обнаружены только такие сосуды; рис 3, 27, 28). Декор одного из подобных, но не сохранившихся сосудов (из могилы 26 в Хорочое) [11,54], А.П.Круглов описывает так: «Ручка воспроизводит нос, дугообразные валики – округлые выпуклости – глаза» [3]. К сожалению, этот сосуд обнаружить не удалось. Керамика этого типа – из Ачису, Чиркея, окрестностей Махачкалы, Талги, Карабудахкента и других пунктов.

Третий тип посуды. У В.Г. Котовича этот тип керамики назван вторым, в нем объединены типы 3 и 5, выделенные в 1969 г. В. И. Марковиным. С таким обобщением можно согласиться, что позволяет уменьшить типологическую расчлененность [12, 57].

Четвертый тип посуды – для него характерны сосуды биконической (острореберной) формы. Дно у них широкое и почти такой же величины устье (венчик почти не отогнут), имеют по одной ручке. Такие сосуды найдены в Хорочое (погребение 8), Белгатое (погребение 6) и Мамай-Кутане.

Пятый тип посуды – это керамика баночных форм: приземистые, округлые или слегка угловатые сосуды с устьем, немного обращенным внутрь (высота варьирует от 39 до 6 см).

Шестой тип посуды. Это в основном миски и чаши конической формы (дно узкое, устье широко развернуто), с почти не выделенной шейкой. Таковы сосуды из могильников у селений Тарки, Мамай-Кутан, Берекей, Тахиркала, Мискинбулак.

Особенно много их найдено в Каякентском могильнике (погребения 9,11,13,16, 17 и др.

Здесь почти не было могил, на дне которых не лежала бы «плошка».

Вероятно, такое обилие чашек и дало повод В.Г. Котовичу говорить о них как о посуде, представленной только в каякентской группе могильников. Сосуды данного могильника орнаментированы резным узором.

Таковы основные типы керамики, характерной для каякентско-хорочоевских памятников. Несмотря на своеобразие ее форм и декора, появление этой посуды было подготовлено всем предшествующим развитием местной керамики. Уже в памятниках ранней и развитой бронзы встречалась керамика, покрытая обмазкой. Таким образом, керамические находки лишней раз подчеркивают связь каякентско-хорочоевских памятников с предшествующими этапами эпохи бронзы.

Для культуры в целом более всего характерны сосуды 1-го типа. Их форму можно считать руководящей. Затем следует посуда 3-го и 5-го типов.

Интересно, что к разным районам Северо-Восточного Кавказа приурочена керамика с преобладанием определенных орнаментальных элементов [13, 61].

Металлические изделия в памятниках встречаются редко. Это оружие, орудия труда и украшения. К сожалению, пробы металла предметов почти не производились. Исследования находок Хорочоевского могильника показали, что многие вещи сделаны из бронзы со следами олова, хотя в браслетах оно не отмечено, но металлические находки из Курчалоевского зольника оказались изготовленными по старой рецептуре из мышьяковистой бронзы. Как видно, за время существования культуры происходило изменение в составе бронзовых сплавов – переход от мышьяковистой бронзы к оловянистой [14,92]. В составе погребальных памятников культуры почти отсутствует вооружение. Подобных находок зафиксировано немного: медный наконечник стрелы листовидной формы с плоским широким черешком (длина 6,9 см.); погребение 3 могильника у сел. Берикей «наконечник бронзового втульчатого копья» или «медный копьевидный

нож» (длина 17 см.); найден М.И. Исаковым в Таркинском могильнике [15, 131]; бронзовый нож-кинжал (длина 17 см.) – Талгинский могильник, погребение 1.

Среди орудий труда можно отметить два бронзовых шила четырехгранной формы с приостренными концами (длина до 8,5 см.), найдены в разрушенных ящиках у сел. Тарки.

В каякентско-хорочоевских погребениях преобладают находки металлических украшений (браслеты, налобные ленты, различные подвески). Браслеты характерны для женских захоронений. Однако в могильнике Тарки II на костях левой руки мужского скелета были обнаружены три браслета.

В Хорочое (погребение 46) на руках мужского костяка также находилось по браслету.

Наиболее распространенным – первым типом – являются массивные браслеты. Данный тип браслетов впервые был выделен К.Ф. Смирновым [16, 252].

Браслеты второго типа сделаны из проволоки неравномерной проковки. Свернуты они неаккуратно, один или оба конца заострены, но не сомкнуты. Такие браслеты найдены в могильниках у селений Тарки, Каякент (погребение 17), у курорта Талги, Мискинбулак [17,91].

Третий тип браслетов. Это кольца неправильной формы с заходящими концами, из проволоки круглого сечения (рис 4; 9). Известны по находкам в Маджалисе, Учавлахе. Манасе, (курган 1, погребение 1), Бураганшоб у Старого Чиркея.

Четвертый тип браслетов – тонкие полосы металла с заходящими друг за друга концами. Лучше всего представлены в Хорочоевском могильнике.

Пятый тип браслетов – довольно толстые полосы бронзы овального и подтреугольного сечения с расплюснутыми и закругленными концами.

Концы заходят друг за друга. Найдены в Дарго, Маджалисе, Миатли (погребение 1 кургана XI группы), Кабарты-Кутане.

Шестой тип браслетов представляет собой массивные стержни (толщиной до 1 см), изогнутые в виде подковы. Подобные браслеты, правда, несколько более широкие, А.А. Иессен считал их ножными.

В описываемых памятниках они встречаются редко. Найдены в Кафыркумухе, Манасе (курган 1, погребение 1), Талги, Мискинбулаке и Инчхе.

Среди других украшений следует отметить наперстные кольца с несомкнутыми концами и в виде спиралек (могильники Тарки II, Учавлах, Каякент – погребения 20, 31, 32).

Более крупные пластинчатые подвески (до 7,5 см в высоту) имеют овальную форму. Лопасти у них сильно расширены и закруглены. Они встречаются очень часто и характерны для культуры в целом. Перечисление подобных находок в соответствующих могильниках заняло бы много места, и здесь мы его опускаем.

В Кабарты-Кутане найдены массивные подвески (из прута толщиной до 0,6 см) почти подпрямоугольной формы.

Такого рода украшения в противоположность предыдущим подвескам нехарактерны для культуры, но известны по памятникам типа Зандакского могильника.

Головной убор женщин украшали также специальные накосные трубочки, полушарные и конусовидные колпачки. Детальное описание их дано А.П. Кругловым, а список подобных находок приведен В.И. Марковиным. Здесь же следует сказать, что подобные украшения можно считать типичными для каякентско-хорочоевской культуры.

Из бронзы делали также налобные бляхи и ленты. Такие находки сделаны в могильниках у курорта Талги, селений Нижний Дженгутай, Кичи-

Гамри, Каякент (бляхи), Гюхрак (бляха) и Тарки (бляха и лента). Эти предметы иногда украшены пунсонным (выбитым) орнаментом и имеют отверстия для пришивания (рис 5; 5, 7, 5, 12). Фрагментированность этих блях дала повод думать, что некоторые из них могли быть навершиями булавок.

Среди металлических находок следует упомянуть бронзовые бусы и каплевидные подвески (Тарки II, Талги, Мискинбулак, Капчугай), а также изделия из сурьмы. Они могли нашиваться на одежду и служить украшениями: бусами, пронизками, подвесками. Вероятно, они отливались на месте, для чего использовались месторождения сурьмяного блеска – антимонита (стибинита). Бусы-пронизки имеют форму кружочков, цилиндриков, четырехгранников и пятигранников. Среди подвесок можно видеть ромбы с решетчатым узором, кружки с выпуклым перекрестием, волютные и лапчатые-отливки. Подобные находки сделаны в Хорочое (погребения 2, 12, 25, 29), Ведено, Миатлы, Мамай-Кутане, Буйнакске, Каякенте. Эти предметы опять-таки характерны для каякентско-хорочоевской культуры.

Изделия из кости в памятниках культуры редки. Это амулеты из зубов свиньи и овцы, обнаруженные в ящиках у сел. Старый Чиркей, в Хорочое (погребения 17 и 31) и Тарки I, игральные кости (альчики) – овечьи астрагалы, также иногда находимые в могилах Тарки I, Хорочой и др., а также костяные орудия (особенно шилья-проколки), которые, широко использовались в быту. Так, в культурном слое скалы с наскальными изображениями в Капчугайском ущелье (бассейн р. Шураозень, увал 6) были найдены подобные приостренные кости. Целую серию таких проколок содержал зольник у сел. Курчалой в Чечне.

Трудно сказать об объеме использования каменных изделий в быту. Подобные предметы встречаются далеко не часто. Первое место среди них занимает кремь. Это отдельные отщепы и осколки, встречаемые в могилах.

К изделиям из камня следует отнести многочисленные бусы, большей частью шаровидной и цилиндрической формы. Они изготовлялись в основном из местных цветных камней – халцедонов, сердоликов, гагата (гишера), реже – из мрамора, кальцита, твердых метаморфических пород и привозного янтаря. Обычно местные бусы имеют двухстороннее сверление и довольно грубую обработку. Найдены во многих памятниках культуры.

В состав ожерелий входили бусы, изготовленные из раковин морских (каспийских) моллюсков. Они имеют дисковидную форму. Иногда среди бус нанизывали и продырявленные раковины. Такие находки сделаны в Хорокое, Тарки, Миатлы, Берикее, Каякенте, Маджалисе.

Мы рассмотрели вопросы, связанные с проблематикой каякентско-хорокоевской культуры, одной из наиболее ярких и широко известных культур Северо-Восточного Кавказа, отмеченной на всех исторических и археологических картах, в учебниках и обобщающих трудах и история изучения каякентско-хорокоевской культуры, и вопросы историографии и источниковедения имеют сложный и противоречивый характер, так как вокруг ряда проблем (периодизации и хронологии ее ареала, выделения локальных вариантов и т.д.), сложилась остро дискуссионная ситуация.

Следует отметить, что территория каякентско-хорокоевской культурой изучена крайне неравномерно: слабо подвергнута исследованиям территория горной зоны; всё еще остается белым пятном на археологической карте Северо-Восточного Кавказа Южный Дагестан. В основном изучены памятники культуры погребального характера, хотя все еще остро и актуально выявление новых памятников как бытовых, так и погребальных и их широкомасштабное исследование.

Анализ всего имеющегося материала позволил предложить комплексный подход к определению ареала каякентско-хорочоевской культуры и выделению ее локальных вариантов. Выделенные локальные варианты и очерченный ареал культуры отражают сегодняшний уровень изученности каякентско-хорочоевской культуры.

-
1. Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948 - 1949 гг. // МИА. № 23. М., 1951.
  2. Ошаев М.Х. Исследование могильника у сел. Бачи-Юрт (Чечено-Ингушетия). Ставрополь, 1979.
  3. Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II - I тысячелетиях до н.э.// Древние племена и народности Кавказа. МИА. № 68. М.-Л., 1958.
  4. Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948 - 1949 гг. // МИА. № 23. М., 1951.
  5. Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II - I тысячелетиях до н.э.// Древние племена и народности Кавказа. МИА. № 68. М.-Л., 1958.
  6. Гаджиев М.С., Магомедов А.Р. Исследования в зоне Дербента// Археологические открытия. 2000.
  7. Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1997.
  8. Котович В.Г. К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
  9. Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948 - 1949 гг. // МИА. № 23. М., 1951.

- 10.Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948 - 1949 гг. // МИА. № 23. М., 1951.
- 11.Марковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности (каякентско-хорочоевская культура) // МИА. № 122. М., 1969.
- 12.Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982.
- 13.Марковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности (каякентско-хорочоевская культура) // МИА. № 122. М., 1969.
- 14.Черных Е.Н. Кремневые орудия культуры Гумельницы. //Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии. Вып.115. 1968.
- 15.Исаков М.И. Талгинский могильник // КСИИМК. Вып. 67. М., 1957.
- 16.Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 гг. // МАИ. № 23. М., 1951.
- 17.Котович В.Г. К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.

*П.А. Осмаева,
студентка ЧГУ
(г. Грозный)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЧЕНСКОГО СЕЛА В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI в. (на примере с. Старые Атаги)

В статье анализируется трансформация повседневной жизни чеченского села, связанная с войной и послевоенным восстановлением. Автор, на примере населения с. Старые Атаги, рассматривает особенности социально-бытовых изменений, которые пришлось пережить народу в условиях борьбы политических группировок за власть, военных действий, различных спецопераций, налаживании мирной жизни и поствоенного восстановления в период первых десятилетий XXI в.

Ключевые слова: Чеченская Республика, военные действия, трансформация, село, восстановление, повседневность.

The article analyzes the transformation of the daily life of the Chechen village associated with the war and post-war reconstruction. The author, using the example of the Stariye Atagi Village population, examines the characteristics of social changes that the people had to endure in the context of the struggle of political groups for power, military operations, various special operations, the establishment of a peaceful life and post-war reconstruction during the first decades of the 21st Century.

Keywords: Chechen Republic, military operations, transformation, village, restoration, daily routine.

Распад СССР обусловил радикальную трансформацию всего образа жизни населения как России в целом, так и Чечни в частности, которой, кроме прочего, пришлось пережить две крупные военные кампании. События последних 20 лет в Чеченской Республике и вокруг неё, как известно, стали предметом пристального внимания, но простой человек и его жизнь практически не исследованы. Поэтому интерес представляет трансформация повседневной жизни с. Старые Атаги, которую можно считать аналогичной для многих других крупных равнинных сёл республики, а горные села, несмотря на то и здесь много общего, имеют свои особенности. Расположено оно на левобережье реки Аргун, недалеко входа в Аргунское ущелье, к югу от г. Грозный на расстоянии 20 километров.

Первые письменные упоминания о нем относятся к началу XVII в., основано оно было выходцами из Аргунского ущелья, нынешнего Шатойского района.

В истории Кавказской войны Старые или Большие Атаги также упоминаются довольно часто. После депортации 1944 г. оно было переименовано в с. Предгорное, но после возвращения в 1957 г. вновь обрело своё исконное имя и было включено в состав Урус-Мартановского района, с начала 1960-х гг. до конца 2019 г. входило в состав Грозненского сельского

района, с января 2020 г. – снова в составе Урус-Мартановского района. Предметом особой гордости староатагинцев является и то, что здесь живут родственники пророка Мухаммеда – курайшиты Салеховы, которые разделили со староатагинцами все тяготы депортации, войн, радости мирной жизни, активно участвуют в миротворческих процессах, как и десятилетия назад. Сельчане по праву гордятся своими известными земляками: политическим деятелем начала XX в. А. Мутушевым, богословами Башировым Юсупом, Тамбиевым Усманом, Нахаевым Усамой, писателями Х. Ошаевым, М. Сальмурзаевым, А. Нажаевым, А.-Х.Х. Хамидовым – автором бессмертной народной комедии «Бож-Али», участниками Великой Отечественной войны, в том числе и обороны Брестской крепости (всего на фронт из села ушёл 321 человек [1, 5-49]), великим танцором, Героем Социалистического Труда, М.А. Эсамбаевым, сельским тружеником, Героем Социалистического Труда Гайтамировым Ш., известными учеными (их из нашего села более 50) – докторами филологических наук Айдаевым Ю.А., Навразовой Х.Б., Хамидовой З.Х., докторами исторических наук Ахмадовым Я.З., Осмаевым А.Д., Эльбуздукаевой Т.У., доктором физико-математических наук Умхаевой З.С., докторами медицинских наук Ахмадовым Т.З. и Батаевым С-Х.М., врачом Бакаевым А.Ш., которого знает почти вся республика, кинорежиссером и скульптором И. Татаевым и его братом-спортсменом, общественным деятелем Х. Татаевым, уроженцем села, чемпионом Олимпийских игр в Пекине по греко-римской борьбе И. Альбиевым, кандидатами наук В. и Р. Хажалиевыми (отец и сын), М. Абдулкадыровым, М. Исмаиловой, Х. Яндарбиевым, Ш. и Н. Яндарбиевыми, Б. Джамалдиновой, Натаевым С.А., Чимаевым С-Х. Я., Ибриевым А.И., Ахмадовым М. А., Мовтаевой Х.Р. и др.

По переписи 2002 г., в с. Старые Атаги проживало 12378 жителей в 2800 домах, из них мужчин – 5825, женщин – 6553 [2], а по переписи 2010 г. – 10884 человек, мужчин – 5190, женщин – 5694, 1875 домохозяйств [3], на сегодняшний

день администрация села в документах показывает, что в селе 2662 домохозяйств и 12497 жителей. Скорее всего, староатагинцев намного больше, но многие из них прописаны в Грозном, живут в российских регионах и странах Европы. Село значительно расширилось с 2005 года с севера на юг и востока на запад за счет строительства новых домов на выделяемых участках.

В селе 3 средних общеобразовательных школ, занимающихся в две смены; школа №1 (рассчитана на 320 посадочных мест и принимает 630-690 обучающихся), №2 – имени её бывшего директора Р.С. Бакаева (более 800 учащихся), №3, введенная в строй в 2015 г. - имени историка-краеведа, учителя М. Пахаева (1015 учащихся), филиал Чеченского колледжа экономики и управления, работавший в начале 2000-х гг., закрыт, больница, территориальный отдел милиции, администрация села, госхоз «Атагинский», пришедший в упадок, подразделение МЧС, открытое 3 апреля 2008 г., 3 детсада, почта, «Электросвязь», газовая служба, подразделение энергетиков – эти государственные и муниципальные учреждения предоставляют 786 рабочих мест староатагинцам и жителям других населенных пунктов республики. Полуразрушенный больше бесхозьяственностью Дом культуры реконструирован в 2014 г. и теперь носит имя М. Эсамбаева, здесь располагаются школа искусств и небольшой музей, построен спортивный зал, где ребята занимаются дзюдо. На юго-восточной окраине села оборудовано вполне благоустроенное футбольное поле, где тренируется и проводит игры команда «Чехкар».

Многие староатагинцы ездят на работу в Грозный: стройки, больницы, предприятия, а до начала 1990-х гг. г. из села на работу в столицу выезжали рабочие не менее чем на двадцати автобусах, а значительная часть добиралась самостоятельно. Жителями села созданы несколько десятков частных предприятий: больше всего (более 30) цехов, собирающих пластиковые окна, несколько карьеров, 3 мельницы, таксопарк, автозаправки, 7 больших магазинов

(в 1-х из них есть и фитнес-зал на втором этаже) и множество мелких, 4 торговые базы строительных материалов, техстанции, автомойки, несколько кафе и шашлычных, но проблема безработицы сохраняется. Около 10 человек занимаются ремонтом кузовов и моторов автомобилей, несколько человек ремонтируют мебель, есть и мастерская по изготовлению мебели, сварщики чаще всего устанавливают отопление или ограды.

Одним из средств заработка молодежи был сбор камня для строительства летом и в начале осени в реке Аргун. Его закупали водители самосвалов для перепродажи в Грозном, но уже несколько лет эта практика прекращена властями с целью охраны реки. Камень для стройки собирали с помощью друзей и родственников и тех, кто строился.

Традиции взаимопомощи – белхи – ещё сохраняются, но вытесняются не столько экономическими отношениями, сколько новыми материалами и необходимостью профессионализма в строительстве.

В селе немного тех, кто занимается земледелием, так как это требует много сил и средств, а получение прибыли зависит от множества факторов. Староатагинцы, держащие скот, заготавливают сено на арендованной у госхоза земле, но их число с каждым годом сокращается, потому что все меньше семей, держащих коров. Связано это с тем, что для их содержания почти всё приходится покупать и экономически неоправданно. В результате в селе резко сократилось количество скота.

Аналогичная ситуация и с приусадебными участками, которые засеивались семьями, но нынче ничем не засеваются, хотя их площадь 10-15 соток, а причина всё та же – нерентабельность. На строительство нового жилья выделяли 10 соток, чаще её покупают, теперь эта норма снижена до 8. Северная часть села, выросшая из новостроек, вначале получила название «хутор без свекровей», так как строились молодые, но по прошествии времени название перестало отражать действительность.

Центральная улица села носит имя Героя Советского Союза Х. Нурадилова, её пересекает улица имени Героя России А. Кадырова, именем писателя А.-Х. Хамидова названа улица, на которой он жил, большинство же названы без затей: Солнечная, Тихая, Нагорная, Подгорная, Аргунская, Калинина, Полевая, Шоссейная, Береговая, Садовая, есть даже Безымянная. Заасфальтированы несколько улиц, да и им давно нужен ремонт; одна из улиц заасфальтирована односельчанином, работающим в Москве, другая – вкладчину жителями-бизнесменами.

Пятничная молитва проходит в большой (соборной) мечети, построенной в 1998 г., кроме неё в селе еще 12 квартальных мечетей. Мечети построены и строятся, в основном, за счет кого-то из односельчан, предпочитающего, чтобы его имя не афишировалось, но и многие староатагинцы вносят свою лепту. Имамы мечетей – активные участники всех процессов, происходящих в населенных пунктах, и занимают далеко не последнее место в местной таблице о рангах.

Во время военных действий и зачисток имам мечети активно участвовал наряду с главой администрации и старейшинами в переговорном процессе с военными, более того, последние даже настаивали на этом, исходя из своих приказов. Институт старейшин в последнее время все чаще используется для легитимации властных решений, старейшины активны во всех мероприятиях и в решении проблем повседневности пользуются высоким авторитетом.

В селе есть последователи всех крупных вирдов – религиозных братств республики, наиболее крупное – кадырийское братство Кунта-хаджи, затем наکشбандийское братство Докки, кадырийцы братства Овды и т.д.

В селе 2 кладбища – старое, где уже практически не хоронят, и новое, где начали хоронить с 1993 г. Новое кладбище уже пришлось расширить, так как две военные кампании, стрессы и болезни резко повысили смертность в селе. В

1994-1996 гг. убиты 114 староатагинца и 14 пропали без вести, а в 1999-2003 гг. погибли около 180 человек и около 40 пропали без вести [4].

В ходе военных действий на нашем кладбище хоронили, наряду с односельчанами, и тех, кто умер в больнице, погибших на дорогах в результате обстрелов. В иные дни хоронили десять и более человек, а так как не хватало молодых мужчин для рытья могил, потому что грунт очень тяжелый и нужны 9-11 человек, чтобы вырыть одну могилу, могилы стали рыть экскаватором. Эта практика вошла в жизнь, и теперь в большинстве случаев могилы роет экскаватор, а 2-3 человека вручную придают ей окончательный вид. В ходе военных действий, когда были сильные обстрелы и опасно было хоронить на новом кладбище, хоронили на старом, и часто приходилось закапывать в углу могилы останки того, кто был похоронен здесь раньше. Иногда хоронили и ночью, используя керосиновые лампы, так как днем участники процессии подвергались риску быть ранеными или убитыми.

В 1994-1996 гг. не было случаев покушения или убийства боевиками или под маской боевиков мирных жителей, оппонировавших им, а в 1999-2001 гг. убивали и сельских авторитетов, и заместителей главы администрации, и работников милиции. Только в одну ночь 17 сентября 2000 г. вооруженная группа неизвестных в камуфляжной форме расстреляла 5-х жителей села, выводя их из дома под видом ареста.

В 1994-1996 гг. в селе не было ни одной зачистки военными, правда, несколько раз проводилась кампания «по сдаче оружия», а с 2000 по 2004 гг. «зачисток» или спецопераций было проведено более 30-ти, а фактически это были грабежи, издевательства, аресты невиновных, убийства мирных жителей. В ходе некоторых зачисток вместе с нашим блокировались и соседние сёла – Новые Атаги, Чири-юрт, Дуба-юрт. Мирным жителям приходилось жить как между молотом и наковальней: за нападением боевиков или подрывом техники следовала акция военных, в ходе которой страдали, чаще всего, не причастные к

войне. Воюющие стороны меньше всего заботились о мирных жителях, в результате среди них и было наибольшее количество пострадавших.

Уровень религиозности, который в чеченском обществе и так был высок, в результате военных действий стал ещё выше. На пятничной молитве в мечети всегда много молодежи, которая соблюдает пять обязанностей мусульманина, чем отличается от старших, выросших в годы Советской власти.

В настоящее время моральное осуждение употребляющих спиртное гораздо сильнее, теперь его можно высказать не только в мечети, но и на любом собрании жителей села.

В последнее время дома жителей села строятся из новых материалов, саман из практики строительства практически исчез, в ходу кирпич и блоки. Дворы огорожены заборами из кирпича или железных листов. Крыша кроется металлопрофилем или металлочерепицей, окна чаще всего пластиковые, деревянные в ходе ремонта заменяют на них. Село газифицировано в начале 1990-х гг., воду в дом жители от основного водопровода проводят сами, горячая вода обеспечивается бойлерами. Абсолютное большинство жителей убрали из помещений традиционные печи, и при возникновении проблем с подачей газа, а они довольно часты, особенно в холодное время года, приходится включать электроприборы, что приводит к нагрузке сетей и отключению электричества.

В период военных действий были отключены газ и электричество, поэтому обострилась проблема заготовки дров, пришлось рубить плодовые деревья в своих дворах, так как выезд за пределы села заканчивался трагически. Электроэнергию получали при помощи отечественных или импортных генераторов, аккумуляторов автомобилей или больших передвижных генераторов. За подключение к последним платили их хозяевам, и село долгое время было окутано паутиной проводов, протянутых кустарным способом. Компактные генераторы во время зачисток часто забирали военные, а вместе с

ними и телевизоры, видеоманитофоны, автомагнитолы и другие вещи, на которые якобы требовались «паспорта».

Существует в селе и проблема с подачей питьевой воды, так как водопроводные трубы проложены еще в 1972-1973 гг. и часто требуют ремонта, а общая протяженность сети в настоящее время, в связи с расширением села, около 200 км. [5]. На части улиц железные трубы заменены пластиковыми, но проблемы остаются.

Традиционной частью жилья жителей села остается навес, который в последнее время обустроивается с не меньшим старанием и любовью, чем дом, так как здесь организуются и похоронный, и свадебный обряды, находят спасение от летней жары. Строительство дома, обустройство его и двора – одна из главных целей жизни, и чеченцы отказывают себе во многом, чтобы выглядеть не хуже других.

Практически все события в жизни горожанина и сельского жителя связаны с исламом и освящаются с участием имама мечети или его представителя, особенно заключение брака, где требуется, кроме прочего, и медицинское заключение о состоянии здоровья молодоженов (ВИЧ и наркомания).

Свободное время жители села проводят у телевизора, с друзьями, мужчины часто делятся новостями, собираясь на улице. У женщин свободного времени меньше, чем у мужчин, но в последнее время работа по дому для женщин достаточно облегчена: газовое отопление, в большинстве домов имеется холодная, и горячая вода (проведена местными мастерами или мужем, сыном –умельцами), стиральная машина, у абсолютного большинства нет коров или другой живности.

Свадьбы – единственная возможность традиционного развлечения с музыкой, танцами. На них часто приглашают профессиональных артистов и проводят их в специально построенных банкетных залах, в селе их три, и они

всегда заняты, так как свадьбы играют и жители близлежащих селений. Практически исчезла традиция проводить вечеринки (*синкъярам* – чеч.) в честь приезда гостя или гостыи, другим поводам, что давало молодым людям возможность общаться. С развитием новых средств коммуникации последние не страдают недостатком общения: можно позвонить на мобильный телефон, послать сообщение, договориться о встрече. Поэтому редкостью стали традиционные встречи «у родника», нет необходимости официально приглашать девушку к её соседям или родственникам, чтобы заявить о намерении ухаживать за ней. Многие девушки учатся и после школы работают, и это даёт гораздо больше возможностей для общения.

Кроме известных государственных и негосударственных телеканалов (РТР, ОРТ, НТВ, РЕН-ТВ, Спорт, Культура) в селе некоторое время в начале 2000-х годов вечером работали 2 частных канала, на которых можно было посмотреть проповеди богословов и пятничные наставления местного имама, свадьбу. Большую популярность получили музыкальные поздравления за небольшую плату: молодой человек поздравлял девушку, «которую уважает», гостью, приехавшую из соседнего села, дети поздравляли родителей и наоборот с днём рождения и по другим, самым различным поводам, но в настоящее время деятельность этих каналов прекращена.

Староатагинцы начали осваивать Интернет, мобильные телефоны, спутниковые телеантенны в начале 2000-х гг., а теперь никто и не мыслит жизнь без этих благ цивилизации.

Много молодых ребят учится в вузах и других учебных заведениях Грозного, каждое утро студентов увозят в город 3 автобуса: ещё в 2000-м году родители по собственной инициативе договорились с водителями автобусов о перевозке детей, потому что ездить одному через блокпосты было опасно. Эта практика прижилась не только в Старых Атагах, но и по всей республике.

На восточной окраине села на холме Моллин-барз на месте гибели в 1919 г. А. Шерипова – командующего Чеченской Красной Армией – был установлен монумент, где в советское время проводились различные мероприятия, в основном, школьные. До конца 2019 г. он находился в плачевном состоянии, как и памятник в центре села, посвященный староатагинцам – участникам Великой Отечественной войны и погибшим в Афганистане в 1979-1989 гг., но в настоящее время благодаря усилиям главы администрации Урус-Мартановского района В. Абдурешидова они отреставрированы, благоустроены окраины села, укрепляются берега реки Аргун.

Первые десятилетия XXI в., в которых населению Чеченской Республики пришлось пережить борьбу политических группировок за власть, военные действия, различные спецоперации, налаживание мирной жизни и поствоенное восстановление, оказали серьёзное влияние на повседневную жизнь сельских жителей, образ их действий и мыслей.

-
1. Пахаев М.А. Старые Атаги. Личности. События. Факты. Грозный, ФГУП ИПК «Грозненский рабочий», 2012 г.
  2. Всероссийская перепись населения-2002. Том 1. Численность и размещение населения//<https://chechenstat.gks.ru/folder/40773> – Дата обращения 31.01.2020 г.
  3. Всероссийская перепись населения-2010. Том 1. Численность и размещение населения//<https://chechenstat.gks.ru/folder/40773> – Дата обращения 01.02.2020 г.
  4. Данные предоставлены администрацией с. Старые Атаги.
  5. Лорсанова Э. Старые Атаги: этапы развития // Газета «Вести республики». № 165 (2349), от 27.08.2014.

*А.М. Сугаипова,
ст. преподаватель ЧГУ
Р.А. Сугаипова,
КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН*

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЧЕЧНИ (на примере материальной культуры)

Историко-культурное наследие Чечни является составной частью общечеловеческой культуры, эффективным рычагом создания и развития интеллекта человека, общества, этноса. Для многих российских регионов использование историко-культурного наследия становится одной из подлинных возможностей экономического, социального и культурного подъема.

Ключевые слова: культура, Чечня, Аргунский заповедник, одежда, пища.

The historical and cultural heritage of Chechnya is an integral part of human culture, an effective lever for the creation and development of the intellect of man, society, and ethnic group. For many Russian regions, the use of historical and cultural heritage is becoming one of the genuine opportunities for economic, social and cultural growth.

Keywords: culture, Chechnya, Argun wildlife reservoir, clothes, food.

Историко-культурное наследие –эта часть общечеловеческой культуры. Причиной создания в Чечне в 1988 г. Аргунского государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника явилась потребность в сохранении культурного наследия. Территория музея «под открытым небом» состоит из пять районов Чечни: Итум-Калинский, Шароевский, Шатоевский, Веденский, Ачхой-Мартановский. На территории музея-заповедника находится более 730 объектов культурного наследия Чечни.

У слияния рек Меши-хи и Чанты-Аргуна, на высоте более 1200-1300 метров над уровнем моря в Итум-Калинском районе, расположен «Город мёртвых» – памятник Средневековья Цой-Педе (Поселение божества), древняя святыня Малхистинского общества, комплекс наземных склеповых построек. У входа в город возвышаются 2 столпообразных святилища, 42

наземных и полуподземных склепа, 2 боевые башни, датируемых XIV-XVI веками [1,18].

В селении Терти горной Чечни сохранился средневековый памятник Кашков, он входит в группу сооружений известных в литературе под названием – склепы с открытой поминальной камерой [2,18].

На высоте 1800 метров над уровнем моря, в Терлойском ущелье расположен башенный комплекс Никарой. Комплекс возвышается на узком скальном гребне между двумя рукавами рек Никар-эхк, закрытом с трех сторон горными массивами. В комплекс входят пятиэтажная боевая башня с пирамидальной кровлей, одна полубоевая башня, мечеть, 15 жилых башен и старинное мусульманское кладбище [3. <http://openkavkaz.com/che/nikaroy/>].

Природным объектом культурного наследия, находящим под охраной Аргунского музея-заповедника, является высокогорное Галанчоожское озеро. Оно находится чуть выше места слияния горных рек Гехи и Осу-хи у подножия южного склона горы Верг-Лам на высоте 1533 м выше уровня моря. Озеро питается подводными ключевыми водами, в него впадают также несколько родников со склона, на котором оно расположено. Глубина озера составляет в среднем 30 метров, но в дождливый сезон уровень воды в озере может существенно увеличиться, избыток стекает долину реки Осу-хи. Длина озера составляет 400-450 метров в зависимости от разлива воды. Температура поверхности воды в летнее время может достигать 20 градусов[4.<http://openkavkaz.com/che/galay-am/>].

Галанчоожское озеро находится в окружении очень красивых и живописных горных склонов с разноцветными альпийским травами и цветами, богатой флорой и фауной. Животный и растительный мир окружающей местности насыщен редкими видами растений и птиц, часть из которых занесено в Красную Книгу. В окрестностях озера расположено в множество достопримечательностей, таких, как старинные башенные

комплексы, историко-этнографические музейные зоны, представляющие культурное и историческое наследие Чеченской Республики. Вода в озере имеет красивый голубой оттенок. Из-за цвета воды и формы дна озеро выглядит как большая голубая чаша посреди цветущих горных склонов. Рядом с озером находится красивая зеленая роща. Зимой озеро замерзает [5.<http://openkavkaz.com/che/galay-am/>].

Из-за труднодоступности эта местность еще не тронута цивилизацией, поэтому озеро имеет большую ценность для ученых-исследователей [6.<http://openkavkaz.com/che/galay-am/>].

Образцом чеченского фортификационного и жилого архитектурного комплекса является Хайбахский архитектурный комплекс, в Галанчожском районе. В нем имеются две боевые и 15 жилых башен, мусульманская мечеть. В наши дни в горах Чечни сохранилось 150 башенных поселений.

Традиционная национальная пища чеченцев в XX века состояла из растительных продуктов. В Чечне выращивали ячмень, пшеницу, просо, кукурузу т.д., зерновые культуры. Одним из главных продуктов чеченцев на столе является хлеб («*бениг*», «*кхаллар*»-чеч.). Его делают пресным или кислым, в виде тонких или утолщенных лепешек, в зависимости от назначения [7, 99].

Из пшеничной муки готовят тонкие лепешки с разными начинками: «*чIепалг*» – круглая пшеничная лепешка с начинкой из творога, «*хингал*» – с тыквенной начинкой, в форме полукруга [8, 100].

Лепешки из пшеничной муки с начинкой имели большое значение в свадебной, похоронной обрядности. Это значение сохранилось и в наши дни. Чеченцы на праздниках и похоронах для почетных гостей готовили халву из кукурузной и пшеничной муки с сахаром. Халву в наши дни готовят во время праздников [9,101] .

Из кукурузной муки чеченцы готовят кукурузный хлеб – *сискал*, это круглая плоская лепешка толщиной в 2-3 пальца. Из кукурузной муки делают также галушки («*ахъара галнаш*»), *хьолтIамаш* – плоские галушки размером с детскую ладонь [10, 230].

Каждый день чеченцы питались разными кашами (*худар*). Их варили из кукурузной, пшеничной, ячменной муки; *джаржхудар-каша* из сечки кукурузы, пшеницы и ячменя; *демахудар-каша* из пшеничной муки на воде и многие другие виды [11, 230].

Для мясных блюд в основном используют свежее мясо, предпочитают баранину, курятину. Известное блюдо из мяса у чеченцев *жижиг-галнаш* (вареные куски мяса с пшеничными или кукурузными галушками). Мясо и галушки макают в острый чесночный соус и запивают мясным бульоном. Гостям преподносили мясное блюдо голову-грудинку («*кортий-накхий*»), приготовленное из освежеванного барана. На поднос клали хорошо опаленную и проваренную голову барана, на середину подноса укладывали вареную грудинку, бараний курдюк [12, 231].

Длительные отношения чеченцев с соседними народами оказали содействие взаимовлияние их культур, нашедшее свое отражение в пище. Современные чеченцы позаимствовали у соседних и русского народа такие люда из мяса, как голубцы, котлеты, борщ. У народов Средней Азии и Казахстана – манты, плов [13, 234].

Таким образом, современная чеченская семья на практике сохранила традиционную пищу вместе с заимствованными блюдами других народов, традиционные национальные блюда в наши дни остаются общеупотребительными не только в селе, но и в городе.

Традиционная одежда чеченцев – важный элемент материальной культуры, в которой отразились культурные традиции, художественные вкусы.

Для изготовления одежды использовали местную сырьевую продукцию. Из овечьей шерсти делали шерстяные ткани (*зин*), головные уборы, одежду, обувь. Наиболее распространенным видом ткани было домотканое сукно (*маша, исхар*), холст (*гата*) получали из льна и конопли. Для шитья одежды использовали разнообразные набойки, парчу, бархат, базь, многие из ткани были привозными. Для изготовления одежды использовали также кожу, овчину, войлок. Из кожи делали обувь, мужские кисеты, газырницы.

Мужской костюм состоял из рубах (нательные и верхние), были бешмет разных видов, шубы, тулупы, бурки, головные уборы.

Рубаха (*коч*) имела туникообразный вид, без швов на плече, с прямой проймой, с длинными прямыми рукавами. Горизонтальный ворот с вертикальным разрезом спереди, застегивался на пуговицы (из бронзы, серебра и т.п.). Нательные рубахи чеченцы носили навыпуск, в средневековый период длина рубахи доходила до длины верхней одежды и никогда не выглядывала из-под полы [14, 237].

Штаны (*хеча*), как и рубаха, были непременным элементом мужской нательной одежды. Их шили из домотканого сукна, крашеницы, плотной бумажной ткани, шелка, шкур животных, войлока [15,237]. Они были с широким шагом, с клиньями и без, к низу они суживались.

Бешмет (*гловтал*) – традиционная верхняя мужская одежда. Его делали из разнообразных тканей домашнего производства и привозных тканей (шерсти, шелка, сатина). Ткани выбирали в зависимости от материального состояния семьи. Бешмет был двух видов: туникообразного покроя, а также с отрезной талией, со скошенным к груди воротом. Для зимы их шили из плотных шерстяных тканей, утепленные на шерсти или вате и простеганные. Теплой зимней мужской одеждой была овчинная шуба – «*кхакхан кетар*» –

двух видов, набрасываемая на плечи и одеваемая в рукава. В горных районах она считалась лучшей одеждой.

Головному убору уделялось особое внимание. С ним были связаны представления о чести, достоинстве. По материалу и покрою имелись разные типы головных уборов у чеченцев. Для их шитья использовали ткани из овчины, кожи и войлок. В основном мужчины носили шапку из овчины [16,243]. Имелись и летние шапки, похожие на тибетейки. Они делались из хлопчатобумажной ткани, иногда покрывались привозным шелком. Шили их из четырех кусков материи треугольной формы. Верх вышивался линейным или геометрическим узором [17,244].

Среди чеченцев пользовался популярностью башлык, который в плохую погоду накидывали поверх папахи. Изготавливали его из домотканого или покупного сукна. Нарядные башлыки украшали галуном, золотым шитьем.

Женская одежда сохранила в себе больше характерных черт самобытности, чем мужская. Женская одежда включала нижнюю рубашу и длинные штаны. Этими элементами вместе с головным убором и комнатной обувью женский костюм обычно ограничивался в домашних условиях [18,245].

Верхняя одежда выделялась богатством и разнообразием форм, включала в себя туникообразные рубахи-платья, длина которых обычно доходила до щиколоток или ниже колен. Рукава верхних платьев были длинные, зауженные к кисти. В состоятельных семьях использовали дорогие ткани (шелк, атлас, парча и т.д.). Из ткани ярких цветов шили праздничную одежду (*глабли*), а темные тона использовали для шитья домашней одежды [19,251].

Теплая женская одежда состояла из тулупа (*бекх*), шубы (*кетар*); их шили из овчины и меха, были свободного покроя или отрезными по талии.

Овчинные шубы и тулупы носили замужние женщины старшего возраста. Девушки носили утепленные бешметы разного фасона.

Составной частью традиционного женского костюма являлся головной убор, который был разнообразен: отличались размерами платки, шали из шерсти, шелка; буой-шаль, пуховый платок. Благодаря размеру и цвету головной убор подчеркивал возрастную особенность. Небольшие платки носили молодые девушки повседневно.

Замужние девушки надевали платок, концы которого пропускали под волосы, заплетенные в косы, и завязывали на темени. Пожилые чеченки носили чухту.

Таким образом, являясь институтом социокультурной памяти общества, историко-культурное наследие способствует сохранению культурного наследия народов.

-
1. Акаев Т.Р. К вопросу о сохранении историко-культурного наследия Чеченской Республики//Социокультурные особенности регионов России в контуре формирования национальной идеи: Сборник материалов студенческой научно-практической конференции. 6-8 ноября 2019 г. Краснодар – Анапа, Академия ИМСИТ. 184с.
  2. <http://openkavkaz.com/che/nikaroy/> (дата обращения: 19.02.2020)
  3. <http://openkavkaz.com/che/galay-am/> (дата обращения: 19.02.2020)
  4. <http://openkavkaz.com/che/galay-am/> (дата обращения: 19.02.2020)
  5. <http://openkavkaz.com/che/galay-am/> (дата обращения: 19.02.2020)
  6. Мусаева Х.Ш. Пища и культура питания чеченцев в XX века//Северо-Кавказская повседневность в контексте российской действительности XX века. Материалы четвертой Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию русских революций. Махачкала 2017.-178 с.

7. Алероев И.Ю., Хасбулатова З.И. Материальная культура (пища чеченцев) /Чеченцы/Отв.ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова; Ин-т этнологии и антропологии им.Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский ин-т им. Х.И.Ибрагимова РАН.-М.: Наука,2012.-622с.-(Народы и культуры)
8. Абдулвахабова Б.Б-А. Одежда и украшения. Чеченцы/отв.ред. Л.Т. Соловьева, В.А.Тишков, З.И. Хасбулатова; Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский ин-т им. Х.И.Ибрагимова РАН.-М.: Наука, 2012. – 622с. – (Народы и культуры).

*Тулашев Я.А.,
студент ЧГУ,
Магомадов А.И.,
студент ЧГУ,
(г. Грозный)*

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НОГАЙЦЕВ В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ 20-30-х гг. XX ВЕКА

Ногайцы, как и другие этнические меньшинства в советский период, были подвергнуты культурной эволюции. Ногайцы окончательно перешли от кочевого образа жизни к оседлому. Статья посвящена глубоким изменениям в традиционной повседневной жизни, быте, хозяйстве ногайцев, произошедшим в период модернизационных трансформаций (в 20-30-е годы XX века) в СССР. Анализ традиционного образа жизни ногайцев в 20-30 гг., ее особенностей и форм многообразия позволяет выдвинуть ряд проблемных вопросов как с точки зрения культурно-экономических взаимоотношений с соседними народами и общими аспектами влияния Советского государства, так и с позиций этнической истории.

Ключевые слова: *ногайцы, этнос, Советская власть, традиционная культура, модернизация, трансформация, сельское хозяйство, оседлость.*

The Nogais, like other ethnic minorities in the Soviet period, were subjected to cultural evolution. The Nogais finally moved from a nomadic lifestyle to a sedentary one. The article is devoted to profound changes in the traditional everyday life, economy of Nogais that occurred during the period of modernization transformations in the 20-30s of the XX century in the USSR. An analysis of the traditional Nogai traditional lifestyle in the 20-30s, its features and forms of

diversity, allows us to raise a number of essentially problematic issues both from the point of view of cultural and economic relations with neighboring peoples and the general aspects of the influence of the Soviet state, and from the point of ethnic history.

Keywords. *Nogais, ethnos, the Soviets, traditional culture, modernization, transformation, agriculture, settledness.*

Период 20-х гг. XX в. характеризуется для ногайского этноса сложными хозяйственно-экономическими, культурными процессами. Переход к окончательной оседлости и ликвидация кочевничества предполагала собой осуществление ряда землеустроительных работ и других экономических мероприятий. В целях их реализации правительство оказывало предоставление долгосрочного и безвозвратного кредита.

Реформа имела огромное значение для вовлечения ногайского трудового населения в различные формы коллективного хозяйства, для приобщения к более развитым видам хозяйственной деятельности и культуры. Социально-экономические мероприятия нанесли серьезный удар по патриархальным пережиткам ногайцев, подорвали влияние зажиточных скотоводов («баев») на основную массу производителей, способствовали переходу к прочной оседлости [1, 38.].

В результате земельно-водной реформы перешло к оседлости 3460 ногайских хозяйств [2, 33]. Основными задачами данной реформы являлись: полное завершение аграрной реформы, ликвидация пережитков феодальных отношений ногайцев в вопросах землепользования, изъятие у кулаков избыточных земель. Наделение землею и переход к оседлости бывших кочевников преобразовали социально-экономическую структуру ногайского общества.

Возникшие оседлые аулы в начале 1920-х гг. не имели особой планировки, более того представляли собой беспорядочно разбросанные группы усадеб, перемежающихся пустырями. Наблюдалась тенденция

расселения по родовым признакам. Начавшиеся в 1920 г. землеустроительные работы позволили к концу 1927 г. установить границы между аулами и закрепить земельные участки за сельскохозяйственными производственными кооперативами.

Следующим этапом явился период 30-х гг. двадцатого столетия, связанный с укреплением поселений. Этот процесс осуществлялся в связи с развитием и укрупнением колхозов, с дальнейшим социалистическим переустройством народного хозяйства и культуры. В основе данных мероприятий лежал принцип добровольческого присоединения экономически слабых, неперспективных хозяйств, как правило, к более экономически успешным.

Судя по литературным источникам, к оседлой жизни стремилась именно неимущая часть ногайцев [3, 51.]. В сущности, за годы Советской власти у ногайской национальности вместе с новым бытом возник новый тип оседлого поселения. От прежних традиций сохраняются случаи квартального расселения по родам и фамилиям, но это явление постепенно исчезает.

Рассматривая типы оседлого жилища ногайцев, сопоставляя их композиционно-планировочные решения, их конструкции, можно проследить основные этапы его развития. Первоначально жилища («уьй») отличались простотой планировки и конструкции. Основным материалом для постройки служил сырцовый кирпич, нередко использовались турлучные, или плетневые стены. Фундамент дома у степных ногайцев делался из саманного кирпича, в то время как у терских ногайцев – из камня.

Одноэтажные одно-двухкамерные жилища имели двускатную крышу из камыша ли соломы, трамбованных глиняным раствором. Характерной особенностью нового жилища ногайцев почти повсеместно явилось наличие в нем сеней. Постройки имели земляные полы, потолок и пол обмазывались глиной. В глубине жилого помещения, чаще в дальнем его углу, располагался

очаг («*ожак*») с дымоходом, возведенным (с лицевой стороны) турлучным способом. Другой отличительной чертой жилища ногайцев являлось наличие в нем невысокой глинобитной (затем деревянной) лежанки – «*орындыкь*», «*тахтамбет*».

Во дворе (*азбар*) за домом стояли помещения для овец (*кьотан*), крупного рогатого скота (*аран*). Строительным материалом служил хворост, из него же изготовляли плетень (*эргенек*, *шетен*). За кьотаном располагалось помещение для ягнят (*тоьлле*). Тоьлле представляла собой землянку, утепленную камышом и соломой. Делали также навесы на деревянных столбах (*коьтерме*, *кьаркьра*). Лошади зимой находились в «*курен*» – на открытой площадке, огороженной со всех сторон землей. Для птиц имелись отдельные помещения из хвороста, обмазанные глиной (*кедеш*).

Постепенно происходит видоизменение жилища как в типе и планировке, так и во внутреннем убранстве. Рост материального благосостояния и культурного уровня народа, широкое развитие советской торговли способствуют появлению в начале 30-х годов жилища иного типа. Это трехкамерное жилище, в котором все 3 помещения обычно располагаются в ряд: два жилых по сторонам, а третье, т.е. сени – посередине. В ряде случаев сени перегораживали на две половины: одна из них выполняла функцию непосредственно самих сеней, а вторая (за ней) – кухни.

Процесс изменения ногайской традиционной одежды непосредственно связан с социально-экономическим укладом жизни народа, развитием промышленности, социалистическим переустройством сельского хозяйства. Сохранение традиционных форм одежды среди большинства сельского населения в первые десятилетия Советской власти не исключало постепенного проникновения одежды городского типа. К примеру, среди мужчин – рабочих, работников партийно-советского аппарата в эти годы

быстро нашли признание гимнастерки и брюки-галифе, получившие вскоре широкое распространение среди всех слоев населения [4, 133.]. В эти же годы постепенно проникает в ногайские аулы и городская зимняя одежда разных фасонов: пальто, шинели, кожанки, общераспространенные крытые тканью или выкрашенные в черный цвет овчинные шубы в талию, ватные стеганки и другие виды одежды.

Широко распространились и кожаные сапоги, фасоны которых меняются в соответствии с городской модой, а также калоши и другая резиновая обувь. В 30-е годы признание получают сафьяновые («азиатские») мужские чупьяки с голенищами, близкие по покрою к традиционной обуви горских народов. Чупьяки и голенища соединялись при помощи сафьяновых петель и пуговиц. Верх чупьяк и голенища покрывались строчкой. К чупьякам пришивалась подошва.

С гимнастеркой и галифе стали носить и фуражки; распространились также шапки-ушанки, известная еще до революции так называемая кавказская рубаха, которая с 20-х годов XXв. и в течение почти всего довоенного периода, она заменяла традиционный бешмет. Общепризнанным головным убором у ногайских мужчин была меховая шапка «*боьрк*». Шили ее непосредственно из овчины (*тери*), из среднеазиатского каракуля (*бухаракоьрне*). Шапка такого типа имела форму невысокого цилиндра с круглым плоским меховым доньшком, изнутри к ней подшивалась стеганая подкладка или нередко подстриженная овчина мехом наружу.

С победой колхозного строя и повышением благосостояния тружеников села заметно изменяются требования ногайцев к качеству материалов. Одежду стали шить из добротных тканей. Постепенно расширяется гардероб – появляется несколько комплектов выходной, рабочей и повседневной одежды.

Существенные изменения претерпевает и женская одежда. Борьба за преобразование культуры и быта трудящихся, которую вели местные партийные и советские организации, включала в себя и движение санитарного состояния одежды за более рациональные и удобные ее формы. В рассматриваемое время повсеместно развернулась и кампания против неудобных видов головных уборов. Несмотря на это, сохранялись этнические и локальные особенности женской одежды, наблюдалась большая приверженность ногайского населения к ее старым формам. Изменения одежды при этом шли по двум основным направлениям. Во-первых, наблюдалось распространение единого типа головного убора – квадратных платков, заменивших менее удобные традиционные покрывала или большие платки (*явлыктастар*), а также чалму (*шалма*). Во-вторых, распространяется одежда городского покроя. Платья старинного покроя как туникообразное платье-рубаша (*коьйлек*) – постепенно стали заменяться платьем на кокетке. Многие ногайки шили платья с длинными рукавами, со сравнительно длинной и широкой юбкой. Это объясняется отчасти силой традиций, отчасти условиями местности.

Число украшений в одежде ногаек значительно сократилось, они приобрели иную форму. Старинные украшения во всем своем богатстве и разнообразии сохранились лишь в свадебном наряде (*буьркеницик*), который исчез в 30-е годы и был заменен шелковыми шарфами или тонкими платками. Многие виды традиционных украшений исчезли вообще. Так, ногайки перестали носить большие массивные серебряные серьги, передники и нагрудники, обшитые монетами, массивные нагрудные застёжки, пояса и пряжки из серебра, всевозможные украшения в виде блях, больших височных колец, бус, цепочек и т.д. Среди представителей старшего поколения устойчиво сохраняются массивные серебряные браслеты, серьги и кольца.

В рассматриваемый период времени (вплоть до 1928 г.) основу ногайской письменности составлял реформированный арабский алфавит [5, 185-186.]. Просветительскую деятельность среди ногайского народа проводили муллы. Однако, с 1928 г., в связи с переходом на язык на основе латинской графики, надобность в их преподавательской деятельности была исчерпана.

В реформе бытовавшей арабской графики активное участие принял А.-Х.Ш. Джанибеков, который к 1928 г. завершил работу по созданию ногайской письменности на основе латинской графики [6, 161-162.]. Весомую работу проделал Н. А. Баскаков, исследовавший грамматический строй ногайского языка, описавший его диалектную систему. В разработанную им систему орфографии был положен фонетико-морфологический признак [7, 14].

Одной из важнейших задач социалистического строительства в районах с ногайским населением стало осуществление начального всеобуча в 1930/31гг. В процессе школьного строительства проводилась большая работа по созданию культурно-просветительных учреждений в ногайских селениях. Ввиду отсутствия школьных зданий, учебных классов ногайское население оказывало сельским Советам и строительным организациям помощь в возведении учебных учреждений. Отделы народного образования в 1920-х годах приступили к заключению с жителями ногайских аулов и станиц договоров, по которым население брало на себя обязанность оказывать посильную денежную помощь в укреплении материальной базы сельских школ. Известно, что до их сооружения опорным пунктом всей политико-просветительной работы в ногайских аулах была изба-читальня, оказывавшая заметное влияние на культурную жизнь села. Работники изб-читален выдавали справки по различным вопросам, руководили кружками, школами ликбеза, устраивали массовые чтения газет и журналов. Большое внимание

уделялось также развитию печати на ногайском языке. Первая газета начала выходить в 1928 г.

Важнейшей задачей Советского правительства на данном этапе было укрепление колхозов, развитие простейших видов кооперации и расширение коллективизации при условии соблюдения принципа добровольности, а также учета местных особенностей. В целях ее реализации были созданы производственные объединения. В них ногайцы задействовали транспортные средства, рабочий и продуктивный скот, за исключением производителей и части приплода, которые не обобществлялись, оставались собственностью членов товарищества по совместному содержанию и выпасу скота, а также совместной переработке и сбыту продукции.

В производственном объединении по разведению крупного рогатого скота обобществлялись выпасы, сенокосы и весь продуктивный скот; в личном пользовании находилась одна корова. В стаде каждый хозяин метил животных собственной меткой, и за ним сохранялось право продажи своего скота с согласия правления.

Советское государство ставило жесткие ограничения на конфессиональную деятельность, более того, в период с 1922 – 1923 гг. был ликвидирован институт кадиев – мусульманских судей. С началом коллективизации в 1930-е г. власти объявили о жесткой позиции в связи с любыми проявлениями религиозности [8, 127-128].

С утверждением Советской власти с 20-х гг. XX в. ногайцы торжественно отмечали годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, Первое мая – день международной солидарности трудящихся. Широкое распространение получили трудовые праздники, связанные с началом или завершением производственных циклов сельскохозяйственных работ – День чабана, праздник первого снопа.

Молодая ногайская советская литература набирала силы. Уже в 1920-е и 30-е годы в ногайской литературе стали известны имена таких прозаиков, как Хасан Булатуков, Басир Абдуллин, Фазиль Абдулжалилов. С их приходом ногайская литература в короткий срок освоила крупные эпические жанры.

За годы Советской власти в корне изменился общественный быт ногайцев. Как и по всей стране, функционирует стройная система общественных организаций, координируемых и направляемых КПСС. Советы народных депутатов стали важнейшим общественно-политическим институтом, тем самым замещая институт старейшин. Советы народных депутатов выступили за организации новой общественной жизни, через которые ногайцы, наравне с другими народами страны, активно стали участвовать в общественной жизни государства.

Итак, на основе коренных социально-экономических и культурных преобразований происходит нивелирование особенностей материальной и духовной культур.

-
1. Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX–начале XXв. М.: Наука, 1976.
  2. Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971.
  3. Капельгородский Ф. И. Караногай// «Записки Терского общества любителей казачьей старины». Владикавказ, 1914. № 10.
  4. Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана. М.: Наука, 1981.
  5. Калмыков И. Х. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988.
  6. Сикалиев А. И. Жизнь и деятельность ногайского просветителя А.-Х. Ш. Джанибекова. ТЧКНИИ, вып. VII. Сер. филологич., 1973.
  7. Баскаков Н. А. Грамматика ногайского языка. Черкесск, 1973.

8. Ярлыкапов А. А. Ислам у степных ногайцев. М.: ИЭА РАН, 2008.

Б.Б.-А.Абдулвахабова,
 кин, доцент ЧГУ;
Усманова Л.А.,
 студентка ЧГУ
 (г. Грозный)

ПРИБЛИЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ-ГОРЯНКИ К СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ В 20-30-е гг. XX ВЕКА В ЧЕЧНЕ

В статье рассматриваются формы вовлечения женщин-горянок в общественно-политическое, хозяйственное и культурное строительство в 20-30-е годы XX века в Чечне. Эффективными формами в этом тяжелом и непростом процессе оказались создание актива горянок в разных сферах деятельности и подготовка из них работников по советскому, хозяйственному и кооперативному строительству в крае.

Ключевые слова: Чечня, Ингушетия, горянки, женские клубы, женские красные уголки, ликпункты, эмансипация.

The article discusses the forms of woman mountaineer involvement in social and political, economic and cultural construction in the 20-30s of the XXth century in Chechnya. The effective forms in this difficult and difficult process turned out to be the creation of an asset by woman mountaineer in various fields of activity and the training of them in Soviet, economic and cooperative construction workers in the region.

Keywords: Chechnya, Ingushetia, woman mountaineer, women's clubs, women's red corners, liquidation centers, emancipation.

В период модернизационных процессов в Советском Союзе женщина-горянка становится объектом социальной политики, превращаясь в значимый фактор гражданской жизни через различные, в том числе женские, общественные организации. Модернизация общества 1920-1930-х гг. предполагала превращение женщины в непосредственную производственную силу, использование ее потенциала для решения социально-экономических и идеологических задач. Обращение к теме исследования продиктовано необходимостью восполнить пробел в историческом изучении процесса социалистической эмансипации женщин-горянок от традиционного общества

к модернизационному. Главной целью политических реформ, предпринятых Советской властью в отношении женщин Чечено-Ингушетии, являлось создание актива из горянок вокруг партийных ячеек и подготовка из них работников по советскому, хозяйственному кооперативному строительству. Советская власть считала, что для окончательного освобождения женщины необходимо увлечь ее в общественный производительный труд, превратить ее в активного и сознательного участника социалистического строительства [1, 9-10].

Процесс вовлечение горянок в общественно-политическую жизнь проходил тяжело, встречая на своем пути неприятие и сопротивление.

В Чечне работали 2 комсомольские ячейки: в Урус-Мартане и Комсомольском. К концу 1921 г. в ряды ВЛКСМ вступила 21 чеченка. Известно имя первой комсомолки – чеченки: это – Шумисат Хасаева.

В 1926 г. в рядах ВЛКСМ было 25 девушек-чеченок, в 1927 г. – 89 чеченок и 2 ингушки. В 1928г. в Ингушетии было 167 девушек, членов ВЛКСМ, в 1931 г. – 159, в 1932 г. – 374, в 1933 г. – 421. В рядах ВКП(б) в 1930 г. состояли 52 чеченки и 99 ингушек [2, 82; 3, 371].

В Чечне уже к 1928 г. работало более 20 женских делегатских собраний, в состав которых входило более 500 горянок. При делегатских собраниях организовывались различные секции, как, например, кооперативные, по охране материнства и младенчества, бытовые и другие. Уделялось большое внимание вопросу ликвидации неграмотности. С этой целью в клубах, в профессионально-технических школах организовывались кружки ликвидации неграмотности. Создавались женские клубы.

В местной прессе отмечалось, что имеется теперь женский клуб на плоскости, в ауле Алхан-Юрт, который теперь решено превратить в образцовый. Клуб посещает до 170 чеченок, он же является постоянным местом женских делегатских собраний; делегатки проявляют большую

ревность к исполнению своих общественных обязанностей; по большей части – они – женщины средних и пожилых лет, и в случае невозможности прийти на очередное собрание, часто посылают своих дочерей делать соответствующие заявления; эта маленькая подробность хорошо показывает, какой глубокий сдвиг произошел в массе чеченок старого поколения [4, 39].

В местных газетах также была страничка «Для работницы, крестьянки и горянки». Так, в статье «Чеченка хочет работать» говорилось о работе делегатских собраний по районам: «В Шалинском округе 3 делегатских собрания: в Шалях – 50 человек, в Белгатое – 27, в Новых Атагах – 29. Все делегатки прикреплены к разным организациям и работают» [5].

Одной из специфических форм работы среди горянок в национальных районах Северного Кавказа были женские клубы, женские красные уголки. В клубах созывались различные кружки, проводились беседы, читались книги, обучали грамоте.

Задачи работы женотделов изложены во многих Постановлениях ЦК РКП(б). Наиболее важные из них указаны в резолюции «О работе среди работниц и крестьянок» (1924 г.).

Через женские клубы женотделы оказывали большое влияние на горянок. В Чечне было открыто девять женских красных уголков, при которых организовывались ликпункты, громкие читки, газет, работали различные кружки.

«В условиях Чечни наилучшей формой работы среди женщин оказалась организация женских кружков при женотдельских организациях на местах; эти кружки постепенно выросли вокруг этих организаций, чаще всего путем привлечения сначала жен и родственниц местных советских и партийных работников. Такие собрания были единственным местом, где чеченки могли отрешаться от своей повседневной домашней жизни, где, чувствуя себя хозяйками, они могли с удовольствием и пользой проводить

время. В настоящее время (1928 г. – авт.) общее число женкружков в Чечне достигает 46, причем каждый объединяет 30 – 120 женщин; это уже можно считать завоеванной базой для дальнейшего развития женского движения. В 42 аулах теперь происходят регулярные женские собрания с 1457 постоянными участницами» [6, 38].

Горянкам систематически читались журналы «Труженица», «Делегатка». Работа делегатских собраний проходила под руководством партийных и комсомольских ячеек. Самые активные делегатки при выборах в советские общественные организации выдвигались в члены сельского Совета, делегатами на съезды, отправлялись на учебу.

Большим недостатком в работе делегатских собраний являлось то, что не было хорошо подготовленных кадров женорганизаторов для работы среди делегатов. В целях создания актива для работы среди женщин на местах, на заседании Чеченского облисполкома 12 февраля 1926 г. было решено «организовать при женотделе ЧАО трехмесячные курсы для чеченок из аулов.

Для проведения работы среди женщин при Чеченском и Ингушском областных комитетах партии были созданы женотделы. В 1923 г. решением Организационного бюро ВКП(б) был создан женотдел в Чечне, а в 1924 г. женотдел был создан при Ингушском оргбюро ВКП(б).

Женотделы сыграли большую роль в деле поднятия общекультурного уровня женщины-горянки и организации ее общественно-политической деятельности [7, 71-72].

Диапазон деятельности делегатов распространялся в основном в привычной для женщин сфере, в то же время позволял ощущать свою работу, как государственную.

Несмотря на очевидность влияния активности женщин-делегаток на изменение их представления о себе, было бы ошибочным преувеличивать эти

изменения. Женщинам-горянкам чинили различные препятствия: угрожали, не разрешали посещать делегатские собрания.

Например, в селении Старый-Юрт большой активностью в работе делегатского собрания отличалась чеченка-крестьянка Зоя Матаева, которая позже была направлена на учебу в город Грозный, а затем в город Ростов в совпартшколу. Это была первая женщина чеченка, выдвинутая на общественную работу [8, 72].

В обращении ЦИКа СССР «К народностям Советского Востока» (1925 г.) говорилось: «Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР призывает трудящихся всех национальностей Советского Востока неуклонно следить за проведением в жизнь законов, ограждающих права женщин, бороться со всеми видами закрепощения ее и принимать все меры к привлечению тружениц Востока к участию в общественной и политической жизни на всех ступенях государственной работы» [9, 4].

В Резолюции по докладу тов. Коршунова «Очередные задачи партии по работе среди нацменок» (1927г.) писалось о необходимости вовлечения женщин на основе поднятия их культурного уровня и политической активности в работу советов, кооперации, ККОВ, в ряды партии, комсомола и других общественных организаций, для участия в деле социалистического строительства. Ввиду культурной отсталости, влияния на женщин-националок обычаев, зависимость женщин-националок от мужей, родственников, в силу чего не всегда удастся организовывать женщин нацменок сразу в делегатские собрания, привлечь на массовые конференции, а также в общие ликпункты, клубы, на общие собрания считать необходимым создавать особые женские клубы, кружки, ликпункты для организации и поднятия культурного уровня женщин и политической активности их и участию в работе советов и других общественных

организаций. Недостаточно внимания со стороны парторганизаций уделялось воспитательной работе среди нацменок, учету их запросов:

- а) отсутствие специальных работников среди нацменок;
- б) подчас незнание родного языка работниками;
- в) слабый рост и выдвижение работников по работе среди женщин непосредственно из нацменок, вот условия, благодаря которым в большинстве округов работа проводилась случайно, отсутствовала плановая работа.

Необходимо отметить также слабую работу в области кооперирования беднячек, оказания материальной помощи со стороны ККОВ и др. кредитно-хозяйственных организаций в поднятии их хозяйства. Во главу угла своей работы должны поставить задачу:

- а) усилить руководство в работе среди женщин,
- б) организационное оформление всей работы,
- в) укрепление состава низовых работников, привлекая к этой работе нацменок,
- г) улучшение качества содержания политико-воспитательной работы,
- д) создание актива из женщин как опоры для развертывания дальнейшей работы.

Принимая во внимание бытовые особенности нацменок, считать лучшей формой организации их вокруг производственных объединений, кружков кройки и шитья, вокруг практических мероприятий, улучшающих их бытовые условия. Для этой цели необходимо производить отчисления из культфондов различных хозяйственных, кооперативных и др. организаций по роду производства, связанных с нацменнаселением.

Работа делегатских собраний, школ кройки и шитья, ликпунктов, должна строиться с тем, чтобы создать актив из нацменок, условия для большего охвата делегатов, собраний при выборах XII созыва.

Учитывая халатное отношение со стороны населения к работе среди женщин, а также и среди партийной массы, считать необходимым втягивание в работу среди нацменок жен, дочерей и сестер коммунистов, чл. ВЛКСМ».

Крайком ВКП(б) (1929 г.) обращал внимание всех нацпарторганизаций на необходимость проведения массовой работы, имея в виду, что только действительное привлечение батрачек и середнячек к практическому участию во всех хоз.-политкампаниях в ауле, еще большего сплочения батрачества и бедноты вокруг партии и советов и большего выдвижения их на руководящую советскую и хозяйственную работу может обеспечить успешное выполнение задач по дальнейшему культурно-экономическому подъему и социалистической переделке хозяйства нац. областей.

22 июня 1931 г. на заседании секретариата Чеченского обкома ВКП(б) был заслушан вопрос о состоянии радиовещания и радиофикации области. Партийной организацией области было принято решение об организации при радиоцентре самостоятельной редакции на чеченском языке, которая должна была регулярно проводить беседы и доклады, посвященные вопросам реконструкции промышленности и сельского хозяйства, а также специальные передачи для женщин и молодежи [10,67].

В 1928 г. в грозненской парторганизации были 363 женщины, члены и кандидаты партии, что составляло 9 % ко всей организации.

В целях подготовки кадров партийно-советских работников среди женщин-горянок особое внимание уделялось вопросу о посылке женщин на учебу в совпартшколу. В 1924/25 г. в Чеченской СПШ обучались 24 женщины, в Ингушетии в 1927 г. в СПШ обучалось 30 женщин.

Учитывая обстоятельство, что среди бедняцко-средняцкой части аула не было грамотных женщин-горянок, для поступающих в СПШ были организованы специальные годичные подготовительные группы. Комиссия по улучшению труда и быта горянок организовала в 1928 г. специальные курсы для подготовки секретарей сельских Советов.

Начиная с 1927 г., благодаря усилиям женотдела, партийных и комсомольских организаций, проводивших среди женщин агитационно-разъяснительную работу, женщины-горянки стали принимать активное участие в работе сельских Советов.

В ЧАО членами сельсоветов в 1926 г. было избрано 529 женщин, а в 1929 г. – 701 человек. В Ингушской автономной области – соответственно 55 и 169 женщин [11,11].

На I Областной Съезд женщин-чеченок, членов сельсоветов, собравшихся в г. Грозном в октябре 1927 г. съехалось 146 делегатов, представлявших многосотенную массу чеченок в сельсоветах, женских делегатских собраниях и т.д.

Возраст делегатов: 126 чеченок были в возрасте от 24–40 и выше лет, или 86,3% являлись чеченками дореволюционных поколений; 78 из 146, т.е. 53,4% женщин были вдовами и разведенками [12, 45].

В составе сельских советов Ингушетии в 1929 г. насчитывалось 49 женщин, или 11% всех депутатов.

В 1934 г. в выборах местных Советов участвовало 85 % женщин-избирательниц, в Советы были избраны 2135 горянок.

Росло количество женщин – членов горсовета г. Грозного: «...в 1924 г. было 7 женщин, членов горсовета, в 1926 г. – 45, а в 1927 г. в нем работало уже 173 женщины. В 1926-27 гг. были посланы на работу 1034 женщины, заняты на общественных работах- 82».

Выдвижение женщин на руководящие должности приветствовалось на самом высоком уровне.

В 1928 г. в Чечне уже было избрано в народные заседатели 277 женщин-горянок, которые работали в различных аулах Чечни.

Вовлечение женщин в судебные органы имело большое значение. Безграмотные женщины-горянки охотнее шли за помощью в те суды, где народными заседательницами были женщины. Все чаще в судах начинали возникать дела по инициативе самих женщин, например, о разделе имущества, о разводе [13, 72].

Горянок, получивших образование, выдвигали на ответственные должности в различных сферах деятельности. Среди первых женщин-выдвиженок – Халисат Батукаева – председатель окружного суда, Мисбах Абдулаева – инструктор Чечсоюза, Джанет Зязикова – член Ингушского областного суда, Д. Базоркина – председатель женотдела.

Среди чеченок появились парашютистки и «ворошиловские стрелки», многие горянки получили значки «Готов к труду и обороне» [14].

Много пафоса в обращении делегаток областного съезда женской молодежи ЦК ВКП(б) к товарищу Сталину: «Мы, девушки-горянки Чечено-Ингушетии, собравшись на свой первый съезд, шлем тебе, горячо любимому вождю, нашему другу и отцу, сердечный большевистский привет, приносим глубокую благодарность великой партии и тебе лично, родной наш Сталин, за светлую, радостную жизнь, принесенную нам великой Октябрьской революцией.

Пролетарская революция раскрепостила женщину и сделала ее равноправной в жизни. Трудящиеся женщины нашей родины являются активными строителями бесклассового социалистического общества под твоим, дорогой наш Сталин, руководством. Прими же от нас, дорогой вождь,

друг и учитель, самый сердечный привет за светлую, прекрасную жизнь, созданную революцией» [15].

Во второй половине 1930-х гг. активизировалась работа по приему горянок в партию и комсомол. В комсомол вступали девушки из самых отдаленных горских районов (Итум-Калинский, Ножай-Юртовский, Саясановский).

В 1936 г. – первом квартале 1937 г. было принято в комсомол 344 чеченки и ингушки [16, 46]. К концу 1937 г. в областной комсомольской организации насчитывалось 715 чеченки и ингушки. К началу 1940 г. в комсомольской организации республики насчитывалась 1414 чеченок и ингушек. В 1935 г. в числе 11820 коммунистов было 1237 женщин.

Борьба за равноправие женщин порой принимала причудливые формы. Вопрос надения «пальто – горянкам» решался на уровне бюро Крайкома партии. Партийные органы считали, что отсутствие у горянок пальто является препятствием приобщения их к общественной жизни, производству, учебе. Отсутствие, якобы теплой одежды, было причиной неучастия горянок в выборах или предлогом для того, чтобы мужчины не пускали женщин – членов своей семьи на выборы.

Некоторые исследователи считают, что женщинам-горянкам несвойственно было носить теплую зимнюю одежду, объясняя это традиционными обычаями избегания и ограниченностью внешних контактов, что совершенно не соответствует действительности. У горянок была разнообразная одежда, соответствующая климатическим условиям края. Но этот предмет одежды (пальто) не находил признания у многих, противники женской эмансипации ассоциировали его с чуждым, городским, русским влиянием. Пальто навязывалось в качестве теплой одежды женщинам.

В письме Северокавказского комитета партии отмечалось, что «отсутствие теплой одежды у горянки при наличии суровых зимних месяцев

лишает возможности девочек посещать школы, а взрослых женщин – принимать участие в общественной работе. Краевой потребительский союз отпускает на снабжение горянок-беднячек теплой одеждой 100 000 руб.

Из этой суммы для приобретения теплой одежды женщинам Чечни выделялось 29 тыс. рублей, на которые было отпущено соответствующее количество пальто».

Было решено выдавать не мануфактуру, а готовое пальто, так как выданная мануфактура могла быть использована не по назначению. В первую очередь снабжались школьницы и женщины-беднячки.

Самым бедным пальто выдавалось бесплатно за счет комитетов крестьянского общества взаимопомощи (ККОВ) или в кредит с рассрочкой на год. Более состоятельной части населения пальто продавали за наличные деньги. Средняя стоимость его была 25 рублей.

С проведением этой кампании в жизнь была связана большая политическая и организационная работа.

Отдельная часть общества повела яростную агитацию против ношения женщинами пальто. В Чечне иногда мужчины отбирали полученные их женами пальто, продавали их или носили сами. В связи с подобными случаями в постановлении Комиссии по улучшению труда и быта горянок (КУТБ) был внесен такой пункт: «Считать необходимым, чтобы члены партии, комсомол и беспартийный актив были примером, приобретая пальто для своей семьи в первую очередь» [17, 17]. Таким образом, партийное руководство предлагало коммунистам и комсомольцам республики показать пример, приобретая пальто своим женам, сестрам, дочерям.

Комиссия по улучшению труда и быта женщин-горянок при президиуме Чеченского областного исполнительного комитета решила распределить пальто по каждому округу Чеченской области из специального фонда «пальто – горянке». Партийные, комсомольские организации и

женотдел приняли самое активное участие в обеспечении горянок пальто. Все больше горянок начали носить пальто и включались в общественную жизнь.

В августе 1929 г. Секретариат Северо-Кавказского Краевого Комитета ВКП(б) подвел итоги кампании «пальто – горянке». Отмечалось, что проведенная кампания за теплую одежду горянок (распространение в кредит 6.400 пальто среди беднячек и батрачек) охватила широкие массы горцев и горянок и явилась большим толчком к усилению борьбы с бытовыми пережитками.

Таким образом, подводя итог, отметим, что эмансипированная горянка, по замыслам архитекторов нового мира, должна была разрушить традиционное общество. Женщину начали выдвигать как полноправного работника. Общественная активность проявлялось через участие в делегатских собраниях, женсоветах, народных судах, членство в партии и комсомоле являлись социальными чертами образа «новой горянки». Трудовое законодательство, регламентировавшее участие женщин в общественном производстве, закладывало основы государственной политики по охране труда женщин.

Несмотря на множество издержек, сопровождавших социалистическое строительство, политика женской эмансипации увеличила социально-экономическую и общественную мобильность женщины-горянки.

-
1. Снесарев Г. Женщина и религия на Востоке. М.,1938.
  2. Каратаева М.А. Работа партийной организации Чечено-Ингушетии среди женщин-горянок в период социалистических преобразований (1920-1933 годы)// Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.Х. Чечено-

- Ингушский институт истории, языка и литературы при Совете министров ЧИАССР. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд., 1976.
3. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т.2. М., 2001.
  4. Труженица Востока. / Под ред. Гурко-Кряжина. М.: Изд. «Охрана материнства и младенчества», М., 1928.
  5. Газ. Грозненский рабочий. 1929. 6 февраля.
  6. Труженица Востока. / Под ред. Гурко-Кряжина. М.: Изд. «Охрана материнства и младенчества». М., 1928.
  7. Каратаева М.А. Работа партийной организации Чечено-Ингушетии среди женщин-горянок в период социалистических преобразований (1920-1933годы). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд., 1976.
  8. Каратаева М.А. Работа партийной организации Чечено-Ингушетии среди женщин-горянок в период социалистических преобразований (1920-1933 годы)...
  9. Коммунистка.1925. №3.
  - 10.Каратаева М. А. В борьбе за нового человека. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1979.
  - 11.Новикова В.Л. Женщины-горянки Чечено-Ингушетии в борьбе за свое раскрепощение и социализм (1920-1937).Автореферат дис...к.и.н. Грозный, 1967.
  - 12.Труженица Востока. / Под ред. Гурко-Кряжина. М.: Изд. «Охрана материнства и младенчества», М., 1928.
  - 13.Каратаева М.А. Работа партийной организации Чечено-Ингушетии среди женщин-горянок в период социалистических преобразований (1920-1933 годы)...
  - 14.Газ. Грозненский рабочий 1935. 9 октября.
  - 15.Газ.Грозненский рабочий. 1935. 2 октября.

16. Отчет Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) II обл. партконференции (1937г.). Грозный: Чеч.-Инг. изд., 1937.
17. Культура и быт народов Северного Кавказа (1917-1967 гг.) / Под ред. В.К. Гарданова. М.: «Наука», 1968.

А.-Г.К. Курбанов,
студент ДГУ
А.М. Исмаилова,
кин, доцент ДГУ
(г. Махачкала)

ИНСТИТУТ АТАЛЫЧЕСТВА У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. ФОРМЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье исследуется институт аталычества у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. Анализируются формы и методы аталыческого воспитания, отношения между семьей аталыка и семьей князя. Выявляются положительные и отрицательные аспекты воздействия института аталычества на горских детей.

Ключевые слова: институт аталычества, Дагестан, воспитатель, кумыки, кормилица, аталык, формы аталычества, дая, воспитанник.

The article examines the Atalyk Fosterage Institution among Dagestan peoples in the XIX – early XX centuries. The author analyzes the forms and methods of Atalyk Fosterage, the relationship between the Atalyk Foster home and the Knyaz family. The positive and negative aspects of the impact of the Atalyk Fosterage Institution in the highland kids.

Keywords: Atalyk Fosterage Institution, Dagestan, Atalyk foster carer, Kumyks, nurse, Atalyk Foster, forms of Atalyk Fosterage, Daya, pupil.

Преимственность является очень важным элементом в педагогической культуре и духовном наследии каждого отдельного народа. Причинно-следственная связь просматривается в обращении к практике жизни и соблюдении традиций, обычаев нашими предками; развитие образования в позитивном русле напрямую зависит от перенимания опыта предков, с учетом культуры, традиций, обычаев, которые дают осознание правильного поведения в современном обществе. Зная прошлое, понимаешь нравы,

которыми жили предыдущие поколения, дифференцируешь на необходимое и лишнее, понимаешь нужность их возрождения для духовного становления мировоззренческих принципов у молодого поколения, менталитета и идентификации со своим этносом через гносеологические, аксиологические и онтологические аспекты бытия предков.

В статье рассмотрен древний обычай, который носил название *«аталычество»*, практиковался на территории Северного Кавказа в период классового неравенства и представлял собой передачу ребенка из семьи феодала в семью горца, находящегося в зависимости от феодала. Данная практика проводилась в воспитательных целях, дабы ребенок мог познать быт простого горца, вырасти мужественным, стойким и почтительным к обычаям своего народа. Помимо этого, данный обычай имел одной из своих функций примирение враждующих кланов, увеличение численности тухума за счет новообретённых родственников семьи, в которую отдавали ребенка.

Об обычае «аталычество» писали многие этнографы, культурологи, психологи, педагоги в аспектах своей науки, и каждый находил новое, но все без исключения сводились к мнению о том, что данный обычай пользовался популярностью в свое время. К примеру, о популярности писал М.М. Ковалевский, заявляя, что «аталычество единственный обычай горских народов, который известен широким массам в России» [1, 313]. Интересен факт, что данной практикой пользовались в разных уголках планеты, но именно на Кавказе он занял первое место по количеству практикующих, и исследователи, занимавшиеся этой проблемой, пытались выявить причину популярности передачи ребенка в другую семью.

Аталычество служило одной из форм воспитательной системы горских народов Кавказа, с уходящими вглубь веков корнями кельтов, германцев, монголов, славян и тюрков. География практики этого обычая обширна, с разницей в некоторых аспектах проведения этой процедуры. Даже на

территории самого Дагестана он имел некоторые особенности в зависимости от национальной принадлежности и места проживания.

Произошло данное понятие от тюркского слова «аталык», что означает «как бы отец», «отцовство» или «лицо, заменяющее отца, бравшее ребенка на воспитание» [2, 26], об этом мы читаем у А.А. Кавецкого в его повествовании об обычаях знатных горцев.

Сутью аталычества как инструмента воспитания является старая традиционная практика обмена или передачи ребенка в семью бедную в финансовом плане, но с многочисленным тухумом с целью установления родственных связей и обретения многочисленной поддержки со стороны обретенных родственников.

Традиция аталычества давно канула в лету, подробнее ознакомится с нею возможно лишь, окунувшись в историю из различных исторических летописей Кавказа. На современном этапе развития общества данная традиция нежизнеспособна по причине того, что в нынешнем социуме отсутствует серьезная экономическая зависимость между различными слоями населения Дагестана, которая была возможна в феодальном обществе того времени. Данная зависимость сошла на нет с приходом на земли Дагестана советской власти и провозглашения властью равноправия между различными слоями населения. Можно лишь утверждать, что возможна лишь та форма аталычества где ребенка крали для примирения кровников.

Я.С. Смирнова в статье о создании искусственного родства между народами, родами и семьями Северного Кавказа, описывая обычай аталычества, утверждает, что он не бытовал совсем у тех этносов, у которых в должной степени не получили развития феодальные отношения» [4, 217]. Из тезиса исходило, что передача ребенка происходила из богатой семьи в бедную, часто в семью, зависимую от феодала. Традиция передачи носила формальную форму договора и, соответственно, семью, в которой должен

был жить и воспитываться ребенок, выбирали тщательно, рассматривая все за и против.

По З.Т. Джелиевой, данная традиция являла собою установление родства между двумя семьями, а скреплением родственных уз служил ребенок, которого «отдавали на воспитание в малолетстве до наступления совершеннолетия», новая семья становилась их аталыками, воспитателями [3, 25]. Благодаря долгому пребыванию в семье аталыка устанавливались добрые, родственные отношения с его семьей, обретались молочные братья и сестры, и т.д.

Аталычество носило в своей практике различные формы – от вскармливания до передачи на воспитание, все зависело от народа и его обычая в данном вопросе.

Исторические источники повествуют о практике рассматриваемой традиции в семьях ханов. Например, среди представителей дома хунзахских ханов отдавали ребенка на вскармливание или приглашали кормилицу в дом на период кормления и потом одаривали подарками.

В очерках Я.С. Смирновой есть рассказ долгожителя Гамзата Гайдарбекова, который поведал, что, начиная со второй половины XX века, «аварские ханши передавали на кормление детей в другие семьи. Женщину-кормилицу называли «рахьдал эбел» («молочная мать»), а воспитанника «рахьдал вас» («молочный сын»); передача детей в другую семью производилась по причине этикета на «запрет кормления матерью ребенка» [4, 60]. Данный запрет регламентировался позором, если у родившей ханши платье будет испачкано подтеками от молока в области груди. Сей факт считался неподобающим для того времени. Так, например, у кумыков и ногайцев передача ребенка на кормление занимала два года, а сценарий был аналогичен хунзахским и казикумухским.

Согласно кавказскому феодальному этикету, «княгине (бийке) запрещалось кормить своего ребенка грудью – факты отклонения от этой нормы рассматривались как падение сословных нравов. «Эзи-вюн сют этип, этегин нас этип айланмас хас бийке» (Истинная княгиня не должна допускать, чтобы грудной вырез ее платья и подол были запачканы молоком), – говорили, воспитывая княжну» [5]. Этикет феодалами соблюдался строго, и внушение с детства норм поведения глубоко оседало в сознании, вот причина для поиска кормилицы задолго до родов ханши.

Интересны случаи, когда не могли заранее к родам найти достойную кормилицу, то ребенка вскармливало сразу несколько женщин.

Данный факт описан М.Б. Гимбатовой и М.К. Мусаевой. В исследовании об институте аталычества они писали, что, по преданию, ребенка, рожденного в доме казикумухских ханов, месяц (пока не подберут постоянную кормилицу) кормили грудью от 5 до 10 женщин (количество зависело от наличия на тот момент кормящих матерей с качественным молоком), у которых были здоровые, упитанные дети. Ухаживали за ребенком специальные няни, которые назывались «сурмухху» [5]. Это наглядно демонстрирует аталычество как классовую традицию, практиковавшуюся у знати горной части.

Дети, вскормленные молоком одной кормилицы, нарекались молочными братьями и сестрами; такое родство исключало брачные связи между этими семьями. Роль кормилиц выполняли женщины из бедных, но не запятанных семей, в которых имелся ребенок.

Кормилица выбиралась тщательно, с применением множества нюансов, феодалы советовались со своими помощниками о кандидатах в кормилицы, проводили исследование ее молока, рассматривали её детей, род. Для обретения статуса кормилицы со всеми вытекающими отсюда последствиями претендентки порою лукавили и ели «перед проверкой топленое масло,

популярную в Дагестане обрядовую зернобобовую или кукурузную кашу, сваренную на бульоне сушеного мяса, с добавлением шкварок курдюка. Помимо этого, очень важно было иметь в виду, какой была женщина, которую пригласили кормить младенца. Кормилица должна была быть в глазах общества образцом добродетели, иметь миролюбивый нрав и репутацию чистоплотной и аккуратной хозяйки своей семьи и дома» [5]. В народе бытовало мнение, что кормилица через свое молоко могла передать характер, привычки, поведение в обществе, в связи с этим к поиску кандидатки подходили со всей ответственностью. Бытовало поверье, что если отдать ребенка в запятнавшую семью, то и ребенок может вырасти аморально воспитанным, как гласит пословица, «с кем поведешься, от того и наберешься».

Обязательным условием был запрет на зачатие своего ребенка на срок кормления грудью ханского ребенка по причине исчезновения молока и поиска новой кандидатуры на кормление. Для подстраховки мужа кормилицы отправляли на работы вдали от дома. Случалось, что кормилицы не соблюдали договоренности, и тогда их семьи наказывались.

Помимо семей, которые отдавали кормилице своего ребенка, были и такие семьи, которые приглашали кормилицу на период вскармливания на проживание в свой дом. Примером служат ханские семьи в Казикумухе, там воспитанием детей занимались родители, а на кормление приглашалась отобранная на конкурсной основе кормилица «ккукку булурт», что означало «дающая грудь».

Семья аталыка часто находилась у феодала в услужении, платила ему дань. Передача ребенка в семью из раятского села финансово выигрывала, так как в данном случае хан платил и помогал аталыку, обеспечивая достойное проживание и питание своему ребенку, а значит, получала и семья аталыка. Процесс проживания ребенка в семье побратимов сопровождался

также и подарками к праздникам, в качестве подарков подносили мелкий или крупный рогатый скот, материальные блага. В зависимости от договоренностей между семьями ребенка оставляли до достижения им 2-2,5 лет или до совершеннолетия.

Помимо дагестанцев, институт аталычества практиковался и у некоторых других кавказских народов. Например, в начале XX века аталычество было зафиксировано у дидойцев, которые отдавали своих детей кунакам в возрасте четырех или пяти лет, где они «воспитывались в семье аталыка до семнадцатилетнего возраста. Перед тем, как передать ребенка аталыку, ему на левой руке в локтевой части делали с помощью иглы и пороха татуировку на арабском, содержащую сведения о ребенке – его имя, год и место рождения» [5]. Данные надписи делались как защита ребенка в случаи потери. Возвращение ребенка в семью сопровождалось подарками семье аталыка за оказанную услугу. Подарки делались как в денежной сумме, так и землями, скотом, украшениями, оружием.

Помимо передачи ребенка на малый срок, практиковалась и передача на больший срок, где воспитанник пребывал почти до своего совершеннолетия. Эта форма считалась классической, поскольку именно с её возникновением обычай оформился институционально, практиковала высшая знать, передавая своих детей на воспитание в семьи, стоящие рангом ниже [5] или равные им. Наглядный пример: история ногайского князя Тембулата Карамурзина, прожившего свое детство и юность в семье абхазского князя Маршания.

Среди форм аталычества зафиксирована *насильственная*, когда ребенка крали из семьи кровника. Данное преступление совершалось с единственной целью: прекращение кровной мести между двумя тухумами. Ребенок в семье кровника видел любовь, ласку, воспитывался в национальной культурной традиции, после возвращения в свою семью способствовал прекращению

кровной мести в силу воспитания у него любви к семье, его воспитавшей. Так, в историческом документе 1873 года Кубанской губернии сообщались следующие факты ногайского обычая «аталычество»: «Ногайские мурзы брали на воспитание к себе только так называемых кровных детей, т.е. таких, отцы которых были убиты самими мурзами» [5].

Не раз писалось, что данная традиция была возможна в феодальном обществе, что богатые ханы передавали детей в семьи статусом пониже и финансово не защищенных, после такого родства семья аталыка поправляла свое материальное положение. У С.Ш. Гаджиевой находим подтверждение этому: «...у кумыков воспитание ханского или княжеского сына позволяло среднему узденю подняться на следующую ступень во внутрисословной иерархии» [6, 17], из чего видно, что многие желали породниться со знатью, чтобы поднять свое финансовое положение.

М.К. Мусаева, описывая процедуру передачи ребенка в семью аталыка Нагорного Дагестана, замечала, что она имела психологический подтекст. Ср. «...при передаче ребенка в семью аталыка с ним передавали и личные вещи, игрушки, которые отвлекали его, чтобы ребенок первое время не чувствовал тоски. Одежда служила и в качестве талисмана, который оберегал его от сглаза, так как, согласно традициям, первая одежда малышу шилась из одежды родителей, которая забирала сглаз» [7, 95]. Ребенок, чтобы не чувствовал себя брошенным и не грустил, мог отвлечься на свои любимые и сердцу дорогие вещи; благодаря этому адаптация в новой семье проходила безболезненно.

В задачу аталыка входило кормление, воспитание своего воспитанника, знакомство с традициями данной семьи, обучение этикету горца, владению верховой ездой, оружием, военно-физическим приемами, ремеслу, которым практиковал аталык, правилам нравственного поведения в обществе, грамоте, одним словом, всему тому, что могло пригодиться ребенку в процессе его

взрослой жизни. От того, каким навыкам обучит аталык своего ученика, зависело, сможет ли ученик стать достойным горцем.

Проблема социального неравенства воспитываемых и воспитателей решалась следующим образом. Аталык, воспитывая ребенка, не забывал о высоком происхождении своего подопечного, а значит, при каждом удобном случае показывал окружающим его, давал возможность беседовать с равными себе и проявлять коммуникативные способности. Так, например, воспитанница сопровождала жену аталыка во всех ситуациях, и «если жена аталыка вводила ее в чужой дом (по случаю свадьбы, похорон и т. д.), она строго соблюдала этикет. Входя в дом, она пропускала воспитываемую вперед, представляла ее присутствующим так, чтобы потом могла вступить в беседу сама высокородная воспитанница» [5]. Заметим, что данное поведение имело характер социализации и адаптации в свою социальную среду.

Интересен факт, что при соблюдении этикета на улице, дома воспитанники были на равных с детьми аталыка и с ним, относились к нему с почтением, оказывали ему должное уважение. Воспитанники полностью погружались в семью аталыка, понимая «знакомство как способ поддержания отношений и взаимопомощи в дальнейшей их жизни. Родственники аталыка становились родственниками воспитаннику. Родители воспитанника имели право навещать своего ребенка, но это происходило крайне редко.

Считалось, что частое посещение ребенка в семье аталыка не даст ожидаемых плодов, особенно у юношей, в которых вырабатывали такие качества, как мужество, волю, самостоятельность личности и т.д.» [5]. По этой причине воспитание в семье побратима длилось у разных этносов по-разному; как правило, оно варьировалось от 15 лет до 17 лет и позже, вплоть до женитьбы. За данный период воспитанник должен был овладеть всеми знаниями и умениями, которые ему передали аталык и его семья, этикетом и традициями своего народа, потому что отдавали в своё время ребенка, а

получали взрослых юношу или девушку, умеющих в дальнейшем жить по законам гор.

Возвращение воспитанника в отчий дом сопровождалось ритуальным шествием: воспитанника облачали в одежды, согласно статусу его семьи, с полной амуницией оружием, конем, скотом. Возвращение сопровождалось празднованием с приглашением всех родственников и торжественным накрытием столов со всевозможными яствами. Аталыку за выполненную услугу дарили богатые подарки и уделяли большое внимание его семье. Помимо внимания и подарков, аталыку выделялись земельные угодья, оросительные каналы, его семью освобождали от уплаты подати. Между семьями устанавливались родственные отношения, продолжавшиеся на протяжении жизни. Случалось, что аталык брал на воспитание и другого ребенка у феодала. Данной честью награждались те аталыки, чье воспитание не вызывало нареканий и сомнений.

Духовная связь между аталыком и приемным сыном была настолько велика, что даже после смерти родителей аталык мог претендовать на статус опекуна с полномочиями женитьбы или выдачи замуж своих воспитанниц. За советом к аталыку очень часто обращались приемные воспитанники по причине духовной связи и привычки, выработанной за период долгого проживания в семье побратима.

Исходя из вышеизложенного, делаем вывод о традиции аталычества как системы нравственного воспитания и передачи навыков, умений, опыта своему воспитаннику. Эта практика способствовала социализации личности, обретению общественно-педагогического опыта человечества в период феодального развития общества и усвоению норм социально-этических отношений.

---

1. Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении: монография. Т.1. М., 1886.
2. Кавецкий А.А. Происхождение обычая у знатных горцев отдавать своих детей на воспитание посторонним лицам // Кубанские областные ведомости. Краснодар, 1870.
3. Джелиева З.Т. Аталычество как важнейший общенародный институт и его роль в подготовке молодежи к жизни: монография. Владикавказ, 2001.
4. Смирнова Я. С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция // Кавказский этнографический сборник / Отв. ред.
5. Н.Г. Волкова, Т. 1. Вып. 9. М., 1989.
6. Гимбатова М.Б., Мусаева М.К. Институт аталычества у народов Дагестана в XIX – начале XX веков: формы и локальные особенности. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-atalychestva-u-narodov-dagestana-v-xix-nachale-xx-vekov-formy-i-lokalnye-osobennosti/viewer> (дата обращения 20.02.2020).
7. Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX вв.): монография. Махачкала, 2007.
8. Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала, 2006.

*****

III. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

*Л.М. Баликочева,
кюн, СОГУ им. К.Л. Хетагурова,
А.Э. Гутиев,
магистрант СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)*

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ Г. ВЛАДИКАВКАЗ)

В статье рассматривается деятельность органов местного самоуправления, сосредоточенная на вопросах обеспечения стабильного функционирования городского хозяйства, улучшения экономического положения муниципального образования, повышения эффективности деятельности представительной и исполнительной власти г. Владикавказ.

Ключевые слова: *местное самоуправление, муниципальная собственность, муниципальное имущество, бюджет.*

The article discusses the activities of local authorities, focused on ensuring the stable functioning of the municipal service and facilities, improving the economic situation of the municipality, increasing the efficiency of the representative and executive authorities of Vladikavkaz town.

Keywords: *local authorities, municipal property, municipal assets, budget.*

Экономическую основу местного самоуправления составляет муниципальная собственность. Преимущество муниципальной формы собственности перед государственной состоит в том, что владение, пользование и распоряжение муниципальным имуществом осуществляет само население или органы местного самоуправления исходя из воли, интересов, а также исторических и иных местных традиций. Именно потребностям местного сообщества и должна служить муниципальная собственность. И этому, в первую очередь, благоприятствует умелое и продуктивное управление муниципальной собственностью [1].

В настоящее время функционирует более ста тысяч нормативно-правовых актов, контролирующих организацию и функционирование органов местного самоуправления. Законодательная база, устанавливающая экономическую и хозяйственную деятельность органов местного самоуправления, далека от непогрешимости и не гарантирует самостоятельности местного самоуправления в решении вопросов местного значения.

Право собственности появляется из оснований, предусмотренных законами и другими правовыми актами.

Органы местного самоуправления, будучи собственниками распоряжаются муниципальным имуществом в интересах становления муниципального образования и социально-экономических интересов общества.

На территории Российской Федерации приняты и действуют законы о местном референдуме, которые предоставляют гражданам муниципального образования возможность управлять муниципальной собственностью.

Деятельность органов местного самоуправления г. Владикавказ направлена, на реализацию полномочий по решению вопросов местного значения, на осуществление отдельных государственных полномочий, переданных на исполнение федеральными законами и законами Республики Северная Осетия-Алания.

Главная задача в работе администрации города – это исполнение полномочий в соответствии со 131 Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», Уставом города и другими федеральными и региональными правовыми актами. Осуществление полномочий происходит путем организации повседневной работы администрации города.

Управление муниципального имущества и земельных резервов – орган администрации местного самоуправления г. Владикавказ с правами юридического лица, действует на правах собственника в отношении имущества, находящегося в муниципальном ведении.

Управление в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации и Республики Северная Осетия-Алания, законодательством Российской Федерации и Республики Северная Осетия - Алания, Уставом муниципального образования г. Владикавказ, Регламентом администрации местного самоуправления г. Владикавказ, нормативными правовыми актами Собрания представителей г. Владикавказ, постановлениями и распоряжениями администрации местного самоуправления г. Владикавказ и Положением об Управлении муниципального имущества и земельных ресурсов г. Владикавказ.

Управление и распоряжение имуществом, земельными участками, находящимися в муниципальной собственности муниципального образования г. Владикавказ, осуществляется в порядке, определенном действующим законодательством, Уставом муниципального образования г. Владикавказ, положением и другими нормативными правовыми актами.

Обеспечение разработки и осуществление мероприятий по землепользованию, направлены на решение текущих и перспективных задач комплексного социально-экономического развития г. Владикавказ, а обеспечение мероприятий по регулированию земельных отношений с учетом перспективного развития г. Владикавказ, также, как прогнозирование и планирование использования земельных ресурсов, недвижимого имущества.

Четко зафиксировано, что разработка и контроль за реализацией муниципальных программ по рациональному использованию и охране земель, как и организация и обеспечение проведения задач землеустройства

должно осуществляться в интересах муниципального образования город Владикавказ.

Участие в формировании доходной части городского бюджета, осуществление взаимодействия с заместителями главы администрации – руководителями префектур районов г. Владикавказ – всё в интересах граждан г. Владикавказ [2].

Проиллюстрируем. В 2018 году доходы бюджета муниципального образования г. Владикавказ составили 4 млрд. 365 млн. 520,2 тыс. руб., что на 5% выше фактического поступления доходов в 2018 году. Расходы в 2018 году составили 4 млрд. 491 млн. 192,2 тыс. руб., что на 1,3 % выше, чем в 2015 году. Дефицит бюджета составил 125 млн.672 тыс. руб.

Общая сумма неналоговых поступлений в бюджет города составила 184 803,2 тыс. руб. В том числе:

- от аренды земли – 81 962,6 тыс. руб. (90,5 % к 2016 году);
- от сдачи в аренду имущества – 5 230,8 тыс. руб. (109,1% к 2016 году);
- прочие поступления (соцнайм) – 1 345,1 тыс. руб. (107,5% к 2016 году);
- плата за негативное воздействие на окружающую среду – 4 904,9 тыс. руб. (79% к 2016 году);
- доходы от оказания платных услуг (работ) – 684,1тыс. руб. (135,9% к 2016 году);
- доходы от реализации имущества – 509,0 тыс. руб. (11,1% к 2016 году);
- доходы от продажи земельных участков – 27 551,2 тыс. руб. (151,7% к 2016 году);
- штрафы, санкции, возмещение ущерба – 29 315,5 тыс. руб. (101,6% к 2016 году)
- прочие неналоговые доходы (вырубка зеленых насаждений) – 3 848,2 тыс. руб. (79,2 % к 2016 году);

- прочие неналоговые доходы (временная торговля) – 15 974,9 тыс. руб. (153,9% к 2016 году).

Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства являются одним из приоритетных направлений деятельности администрации города. К примеру, фондом микрофинансирования АМС г. Владикавказ микрокредитной компанией за 2018 год было выдано 14 займов на сумму 11 450 тыс. руб., из них:

- индивидуальным предпринимателям – 9 займов на сумму 6 400 тыс. руб.,
- юридическим лицам – 5 займов на сумму 5 050 тыс. руб. На 01.01.2018г. кредитный портфель составил 35 займов на сумму – 27 815 тыс. руб., из них:
  - индивидуальные предприниматели – 21 заем на сумму 9 522 тыс. руб.,
  - юридические лица – 14 займов на сумму 18 293 тыс. руб.

Финансовый результат за 2018г.: – 1 020 тыс. руб.

В рамках развития ярмарочной деятельности, заметим, в 2017 году было проведено более 28 универсальных ярмарок (продовольственных и непродовольственных). Целью ярмарок являлось стимулирование покупательского спроса у городского населения, повышение конкурентоспособности и улучшение технологии производства продукции между производителями. Задачи ярмарок: поддержка частных производителей в реализации продукции собственного производства; создание дополнительного канала реализации продукции; предоставление жителям города возможности приобретать продукты по ценам производителя; содействие занятости населения и сохранение за ними рабочих мест.

В 2018 году в г. Владикавказ активно продолжалась работа по снижению неформальной занятости населения и легализации заработной

платы. Главная цель – выявить работодателей, которые не соблюдают трудовое законодательство, принимая физических лиц на работу без оформления трудового договора, соответственно, не отчисляют страховые взносы в Пенсионный фонд, Фонд социального страхования, налоги в бюджет.

По итогам проведенных работ по снижению неформальной занятости в 2018 году выявлены 9 488 работников, с которыми не заключены трудовые договоры. Из числа выявленных трудовые договоры заключены лишь с 3 500 работниками. С начала года было проведено 6 заседаний рабочих групп, на которых обсуждалась дальнейшая стратегия по борьбе с неформальной занятостью, были обозначены проблемы и пути их решения.

За отчетный период бюджет г. Владикавказ был пополнен за счет имущественных поступлений в общей сумме – 160 955 тыс. руб., в их числе:

- доходы от сдачи в аренду имущества, находящегося в муниципальной собственности – 5 231 тыс. руб.;
- доходы от продажи муниципального имущества – 509 тыс. руб.;
- продажа акций – 45 630 тыс. руб.

Отделом земельных отношений оформлены правоустанавливающие документы на 829 земельных участков общей площадью 55,86 га, в том числе:

- по юридическим лицам – 6 участков площадью 5,3га;
- по индивидуальным жилым домам – 567 участков площадью 32,56 га, под гаражи – 117 участков.

В безвозмездное пользование оформили право 7 юридических лиц на общую площадь 3,2 га, в собственность 431 земельный участок, в том числе:

- под частными домовладениями – 382 участка,
- под гаражами – 49 участков.

Проверено и внесено в электронную карту города 950 межевых дел.

Отделом земельных отношений за 2018 год заключено 255 договоров аренды земли.

Администрацией города регулярно ведется работа по взысканию арендной платы при образовавшейся задолженности. За 2018 год было направлено на принудительное взыскание в судебном порядке 142 дела на общую сумму 36 627 тыс. руб.

Проведено 14 аукционов по продаже права заключения договоров аренды земельных участков на общую сумму 2 679 тыс. руб.

Заключено также право муниципальной собственности на 47 участков ливневой канализации, из них 18 участков прошли процедуру постановки на кадастровый учет.

На учет в качестве бесхозных вещей в Управление Росреестра по РСО-Алания поставлены 72 объекта, относящихся к муниципальной собственности.

Сотрудниками отдела земельного контроля в отношении юридических и физических лиц проведены 44 проверки соблюдения законодательства (8 плановых и 36 внеплановых), в 4-х из которых выявлены нарушения земельного законодательства.

Администрация города Владикавказ особое внимание уделяет благоустройству города.

В соответствии с обращениями физических и юридических лиц, поступившими в администрацию города, МКУ «Владикавказский городской лес – Экология» даны заключения о состоянии зеленых насаждений, согласно постановлению АМС г. Владикавказ от 15.08.2016 за №1198 «Об управлении зеленым фондом города Владикавказ и контроле за воспроизводством зеленых насаждений». Согласно запросам МВД РСО-Алания, данным предприятием была предоставлена информация о размере

причиненного материального ущерба зеленому фонду г. Владикавказ в случаях незаконной вырубki деревьев.

Кроме того, в рамках «Соглашения о предоставлении в 2018 году субсидии из республиканского бюджета бюджету муниципального образования город Владикавказ на реализацию муниципальной программы формирования современной городской среды» от 31.03.2018 за №1 проведены работы по благоустройству набережной р. Терек; работы по благоустройству 57 ед. дворовых территорий г. Владикавказ, в рамках которых по мере необходимости проведен ремонт дорожного полотна и тротуаров, установлены скамейки, урны, освещены дворовые территории, заменены поребрики и бордюры, а также установлены детские площадки в количестве 12 ед.

Для надлежащего содержания, строительства, ремонта объектов дорожной инфраструктуры в целях доведения их транспортно-эксплуатационных характеристик до нормативных требований и развития современной транспортной инфраструктуры ВМКУ «Дорожный фонд» проводится ряд работ.

В целях обеспечения безопасности дорожного движения посредством установки, технического обслуживания и содержания технических средств организации дорожного движения ВМБУ «Владикавказские дороги» были выполнены также соответствующие работы.

В целях реализации политики в области осуществления бесперебойных перевозок продолжает свою работу муниципальное унитарное предприятие «ВладТрамвай». Количество подвижного состава, пребывающего в хозяйстве – 31 ед., выпуск вагонов на линию составил 22 ед. За 2017 год предприятием перевезено 4 627,1 тыс. пассажиров, доходы от которых составили 48 350,9 тыс. руб. (в 2016 году 29 902,2 тыс. руб.)

В 2018 году продолжалась планомерная работа АМС г. Владикавказ в сфере архитектуры и градостроительства.

Муниципальной программой «Городская инвестиционная программа за 2018 год» выполнено работ на сумму 520 969,959 тыс. руб.

Объем выполненных работ в сфере жилищного строительства составил 314 050,00 тыс. руб.

По программе повышения устойчивости жилых домов, минимизации потерь от землетрясений в регионах с высоким уровнем сейсмических рисков, переселения граждан из сейсмоопасных жилых домов в новые сейсмостойкие жилые дома управлением завершено строительство пяти-девятиэтажных 79 квартирных жилых домов во Владикавказе, что составило 395 квартир.

Объем исполненных работ по коммунальному строительству составил 3 802,092 тыс. руб. Выполнены работы по строительству инженерных сетей и по капитальному ремонту моста через реку Терек по ул. Чапаева.

Огромная работа была проведена по ремонту образовательных учреждений г. Владикавказ, объем которых составил 144 665,846 тыс. руб. По объектам школьных и дошкольных образовательных учреждений заключено 53 муниципальных контракта на выполнение разного вида работ.

Жилищно-коммунальное хозяйство является отраслью, которая оказывает самое большое влияние на комфортное проживание населения, но и сама отрасль является проблемной в части создания условий для нормального её функционирования.

В рамках реализации подпрограммы «Капитальный ремонт многоквартирных домов в г. Владикавказ» за рассматриваемый период была произведена замена 21 лифта в многоквартирных жилых домах, приобретены материалы для пострадавших кровель в период шквалистого ветра.

В рамках подпрограммы «Снос аварийного жилья города Владикавказ» был произведен снос 8 аварийных жилых домов в рамках реализации соответствующего этапа программы по переселению граждан из аварийного жилищного фонда.

В рамках подпрограммы «Техническое оснащение коммунальной инфраструктуры г. Владикавказ» были приобретены коммунальные машины.

За 2018 год подведомственными организациями были проделаны следующие виды работ:

- заменено и отремонтировано 8,5 км трубопроводов;
- заменено: 57 секций водоподогревателей; 17 котлов; капитально отремонтированы 3 котла; 35 насосов; заизолировано 3,5 км теплотрасс [2].

Формирование муниципальной собственности зависит от развития местного самоуправления. Без совершенного местного самоуправления эффективное управление власти в общем – невозможно. Именно на местном уровне есть серьезный резерв общественного контроля над властью. На местное самоуправление возлагается огромная ответственность. Но главным субъектом владения, распоряжения и пользования муниципальной собственностью является население муниципального образования. Органы местного самоуправления являются второстепенными субъектами права муниципальной собственности, поскольку лишь управляют муниципальной собственностью.

Правовое регулирование муниципальной собственности и местного самоуправления не идеально, но сегодня к нему обращено внимание, что позволяет говорить об определенном прогрессе. Основными нормативно-правовыми актами, контролирующими местное самоуправление и муниципальную собственность, являются – Конституция РФ, Гражданский

кодекс, Федеральные законы, нормативно-правовые акты субъектов и муниципальных образований РФ.

Муниципальная собственность практически равнозначна государственной собственности. Здесь имеется близкая основа первичного собственника: население соответствующей территории; аналогия характера объектов государственной и муниципальной собственности: здесь следует отметить в первую очередь, основные функции данных объектов, как сбалансированная и гарантирующая социально-экономическое благополучие населения. В обоих случаях – государственной и муниципальной собственности, в определении их специфики выступают общественный характер собственности и наличие органов-посредников, которые создаются для управления имуществом. Местное самоуправление в городе Владикавказ состоит из мэра, городского совета, исполнительного комитета, контрольно-счётной палаты. Установление порядка управления и распоряжения собственностью, находящимся в городском ведении, относится к прерогативной компетенции городского совета. Полномочия исполнительного комитета включают управление и распоряжение имуществом, подконтрольного муниципальной собственности городского округа в соответствии с действующим законодательством и порядком, определенным городским советом. Контрольно-счетная палата в решении задач, установленных бюджетным законодательством Российской Федерации, осуществляет контрольно-ревизионную, экспертно-аналитическую и информационную деятельность.

Развитие местного самоуправления и муниципальной собственности является важной частью жизни населения. Усовершенствование местного самоуправления и муниципальной собственности будет вестись, поскольку это является решением многих социальных проблем (вплоть до развития среднего и малого бизнеса) в Российской Федерации, при том, что во всём

мире наблюдается тенденция осуществления местным самоуправлением государственных полномочий.

-
1. Романова Е.В. Муниципальное право. М.: Изд-во «Аллель-2000», 2005.
  2. Официальный сайт АМС г. Владикавказ <http://vladikavkaz-osetia.ru/ams/struktura.php/>

Б.Б.-А.Абдулвахабова,
 кин, доцент ЧГУ;
Эскиев М.М.,
 студент ЧГУ
 (г. Грозный)

ТЕАТР ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНЦЕ XX –НАЧАЛЕ XXI ВВ.

В статье рассматривается, театральное искусство в Чеченской Республике в период драматических событий в конце XX – начале XXI вв. Лихие 90-е годы и годы двух чеченских войн нанесли невосполнимый урон во всех сферах жизнедеятельности чеченского народа. Актуальность изучения театрального искусства чеченского народа обусловлена тем, что театры реализуют миссию гуманизации общества, способствуют сохранению национальной самобытности культуры, что очень важно в многонациональном северокавказском регионе.

Ключевые слова: Россия, Чечня, война, культура, театр, национальная интеллигенция, духовные традиции.

The article discusses the Chechen theater, theatrical art in the Chechen Republic during the dramatic events in Chechnya in the late XX – early XXI centuries. The freewheeling 1990s and years of the two Chechen wars caused irreparable damage in all spheres of the life of the Chechen people. The relevance of studying the theatrical art of the Chechen people is due to the fact that the theaters fulfill the mission of humanizing society, preserving the national identity of the national culture, which is very important in the multiethnic North Caucasus region.

Keywords: Russia, Chechnya, war, culture, theater, national intelligentsia, spiritual lineage.

Рубеж двух веков – конец XX – начало XXI – в истории чеченского народа оказался самым трагическим после депортации чеченцев в 1944 году. Лихие 90-е годы XX века и годы двух «чеченских» войн нанесли невосполнимый урон во всех сферах жизнедеятельности чеченского народа. Мы попытаемся рассмотреть это на примере состояния театра Чеченской Республики в указанный период.

Театральное искусство зародилось в Чечне еще на заре двадцатого столетия. В развитии культурной жизни любого народа важное место занимает национальный театр. Таковым являлся театр имени Ханпаши Нурадилова. С момента возникновения чеченского театра в его деятельности отражались духовные традиции чеченского народа. Театр сближал народы Чечни, в нем отражалась история и огромные достижения многонациональной Чеченской Республики.

Усиливающийся общественно-политический кризис 90-х годов вынудил театр имени Х. Нурадилова покинуть республику. Из-за невозможности работать в Грозном, труппу театра вывезли из республики в Назрань. Позже артисты, приглашенные на гастроли в Германию, показали лучшие спектакли.

Во время боевых действий 1994 – 1996 годов были уничтожены Чеченский драматический театр им. Х. Нурадилова, Русский драматический театр им. М.Ю. Лермонтова, республиканский театр кукол с их архивными документами, сценическим реквизитом, а также другие культурные учреждения. Даже в ходе активных военных действий чеченский народ надежду на восстановление всех сфер, в том числе его культуры и национального самосознания, не терял.

После первой и особенно второй «чеченской» войны национальная интеллигенция осознала, что самый верный путь к сохранению и оздоровлению народа – это возвращение его в российское и мировое

сообщество посредством просвещения и подъема национального самосознания.

Правительство Чеченской Республики поставило задачу – в течение десятилетия построить учреждения культуры и искусства всех современных видов и жанров без всяких скидок на бедность и послевоенные трудности.

Руководство Республики в лице А.-Х. Кадырова прекрасно понимало, что одна из первоочередных задач – это возрождение национальной культуры, на что он никогда не терял надежды: «Без культуры нет нации», – кредо Первого Президента Чеченской Республики. И поэтому, наряду с подъемом экономики и социальной сферы, началось восстановление и строительство объектов культуры и искусства. Восстановление объектов культуры, даже самого маленького: будь это сельский Дом культуры или же сельская библиотека – являлось большим культурным событием в республике.

В целях восстановления разрушенной войной сферы культуры в августе 2000 г. было воссоздано Министерство культуры республики.

В августе 2000 г. Главой Чеченской Республики А.А. Кадыровым совместно с министром культуры РФ М. Швыдким и министерством культуры ЧР был определен комплекс первоочередных мер по восстановлению сферы культуры и искусства Чеченской Республики [1, 377]. Безусловно, возрождение чеченского театра им. Х. Нурадилова невозможно было бы без поддержки Министерства культуры Российской Федерации и соседних северокавказских республик.

Была разработана специальная программа для восполнения театральной труппы с профессиональными актерами были выделены места для чеченской молодежи в студию культуры и искусств ГИТИСа.

В 2001 г. труппа театра, учитывая трудности восстановления разрушенных объектов культуры, временно располагалась в Анапе и юбилей – 70-летие театра – отметила в городе Краснодар.

Несмотря на все трудности, проживание во временных пунктах, бытовые неудобства, маленькая заработная плата актеры начинают активную театральную творческую деятельность.

Чеченский театр им. Х.Нурадилова был удостоен специального диплома г.Владикавказ за великолепно поставленный спектакль А.Хамидова «Бож-Али» в, на втором фестивале национальных театров Северного Кавказа, который проходил под девизом «Сцена без границ» в декабре 2002 года.

Позже возобновил свою работу и Республиканский театр кукол. За творческую деятельность в 2002-2003 гг. многие актеры Чеченского драматического театра были удостоены почетных званий: «Заслуженный артист Чеченской Республики», «Народный артист Чеченской республики» и т.д. Восемь работников искусства получили в дар от главы Республики заслуженные награды, в их числе – народный артист ЧР Валид Дагаев, заслуженный артист РФ Дагун Омаев, заслуженный художник РФ Шамиль Шамурзаев и другие. Были награждены грамотами министерства культуры ЧР 12 коллективов и 20 работников, объявлена благодарность 12 работникам [2, 382].

В конце июня 2004 г. правительством ЧР был принят документ, предусматривающий 25-процентную надбавку к должностным окладам работников культуры и искусств городов республики. Также были определены доплаты работникам, имеющим почетные звания, и всем работникам за непрерывный стаж по специальности. Для реализации программы с 1 января 2004 г. были выделены большие денежные вложения из бюджета Чеченской Республики.

Огромную помощь Чеченскому театру и другим культурным учреждениям республики оказывали соседние северокавказские Республики. К примеру, в 2001 г. в Краснодаре, в Государственном университете культуры и искусств, обучалось более 25 юношей и девушек (музыканты, актеры, певцы и т.д.), в последующие годы эта цифра увеличивалась.

Были выделены целевые места для чеченской молодежи и в Кабардино-Балкарии.

Был решен в вопрос о размещении коллективов Государственного танца «Вайнах» и Чеченского государственного театра им. Х. Нурадилова на временных репетиционных базах в Краснодаре, Нальчике. Труппа чеченского театра, благодаря этому смогла принять участие в фестивале национальных театров Северного Кавказа «Сцена без границ»; труппа начала приобщать детей к искусству, в которой работали 26 человек Чеченского кукольного театра [3, 385].

В 2008 году, 26 июня, в Грозном открывается восстановленное здание для Чеченского национального театра им. Х.Нурадилова. Это стало большим культурным событием в жизни возрождающейся республики: театр начал свою деятельность на родной земле с постановок спектаклей «Бож-Али», «Совдат и Дауд», «Бессмертные» на основе произведений классика чеченской драматургии А. Хамидова [4]. Репертуар театра постепенно расширяется: криминальная драма, комедии, которые раскрывали нравственный потенциал народа, ставшие любимыми и востребованными у любителей театрального искусства.

Большим событием в культурной жизни Чеченской Республики стало возрождение Русского драматического театра имени М.Ю. Лермонтова. Он восстанавливал репертуарное предложение и работал над формированием новой театральной труппы, так как многие актеры вынуждены были покинуть республику в военные годы.

5 июня 2005 г. в рамках Дней культуры Чеченской Республики в Москве в Центральном Доме актера состоялся вечер «Был такой театр», посвященный театру М.Ю. Лермонтова. На этом вечере бывшие и действующие работники театра получили почетные звания и благодарственные письма от руководства Чеченской Республики. Театру также была присуждена медаль Лермонтова. Вечер завершился уже под другим названием: «Был такой театр. Есть такой театр».

В июне 2006 г. главным режиссером театра стал Мималт Солцаев, который оставался на этой должности до своей смерти (2013 г.).

В 2007 г. русский драматический театр им. М.Ю. Лермонтова в городе Новочеркасск за участие во Втором международном фестивале «Комплимент» был отмечен различными наградами – дипломами в разных номинациях [5].

Пока не построили новое здание, театр им. Лермонтова работал во временном помещении – в доме культуры «Оргтехника». Именно здесь, 23 мая 2008 года, состоялась премьера спектакля «Рыцари кавказских гор». Автором и постановщиком спектакля был народный артист РФ, профессор Мималт Солцаев, спектакль сыграли чеченские актеры Русского Государственного драматического театра им. М.Ю. Лермонтова. Постановка раскрыла драматичную тему войны и мира XIX-XXI веков, показав сценические образы исторических личностей: Бейбулата Таймиева, М.Ю. Лермонтова, генерала Воронцова.

В 2008 г. началось строительство нового здания театра им. М.Ю. Лермонтова. Из федеральных средств на строительство театра выделено 800 млн. рублей. Зрительный зал театра, построенный в форме сферы, вмещал 500 зрителей. Были также предусмотрены зал для репетиций, современные

примерные, различные мастерские, оборудование для сцены и т.д. В сквере театра установлен бронзовый памятник М. Лермонтову [6].

В июне 2012 г. состоялось торжественное открытие нового здания театра. В церемонии открытия участвовали председатель правительства РФ Дмитрий Медведев, Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, Председатель Правительства ЧР Абубакар Эдельгериев, и др. официальные лица. Были приглашены также в качестве почетных гостей ведущие актеры театра и кино страны (Э. Виторган, Г. Хазанов, Л. Чурсина, Л. Федосеева-Шукшина и многие другие) [7].

В репертуаре Государственного русского драматического театра им. М.Ю. Лермонтова появились спектакли классиков русской литературы и местных авторов, в которых были заняты в основном чеченские актеры, но не теряется надежда, что вернуться русские актеры.

Важное значение в развитии театрального дела сыграло принятие в 2009 г. правительством Чеченской Республики концепции долгосрочного развития театрального дела [8].

Концепция уделяет серьезное внимание материально-технической базе театральной деятельности, развитию творческой составляющей и стимулированию интереса зрителей, а в долгосрочной перспективе – динамичному развитию театрального дела. Акцент делается на новые театральные постановки, работу с современными авторами и критиками посредством СМИ, широко освещая их творчество. Выбор репертуара, репетиции являются основными составляющими творческого процесса. Через совокупный репертуар театры реализуют миссию гуманизации общества, сохранения национальной самобытности национальной культуры.

Одновременно с этими позитивными процессами в Республике возрождается Театр юного зрителя, в составе которого работает труппа кукольного театра.

В спектакле «Лисенок-плут» в постановке русской труппы театра впервые использовались ростовые куклы. Почти все спектакли ТЮЗа поставил приглашенный ярославский режиссер В. Домбровский. Большим успехом у юного зрителя пользуется шоу-спектакль «Гарри Поттер и его друзья» [9].

Молодежный театр «Серло», открытый 24 июня 2009 года, отыграл более 20 спектаклей, некоторые из которых вошли в сокровищницу театрального искусства чеченского народа. В репертуаре «Серло» – драмы, комедии, трагикомедии, мюзиклы. Театр «Серло» осуществил проект «Когда поют актеры», весной 2010 г. принял участие в Северо-Кавказском фестивале артистов комедийного жанра имени народного артиста РФ Али Тухужева в Нальчике. Профессионализм театра «Серло» неоднократно отмечался на региональных театральных форумах [10].

Все более насыщенной стала гастрольная и фестивальная жизнь театров Республики [11].

Министерством культуры ЧР прилагаются усилия по интеграции Чеченской Республики в общероссийский и мировой культурный контекст, укреплению позитивного образа чеченского народа.

На рубеже XX-XXI вв. театр претерпел существенные изменения, которые коснулись всех сторон его деятельности, связанных с применением информационных технологий. Новые виртуальные технологии позволяют зрителю стать участником действия, повлиять на развитие и модификацию произведений театрального искусства. Интерактивность как форма сотворчества постановщика и зрителя способствует модификации театрального искусства, многообразию творчества.

-
1. Эльбуздукаева Т.У. Культура Чечни: XX век. Грозный, 2012.
  2. Эльбуздукаева Т.У. Культура Чечни: XX век.

3. Там же.
4. Басханова Х.И. Современный чеченский театр и формирование этнокультурной идентичности//<http://docplayer.ru/42909669-Sovremennyy-chechenskiy-teatr-i-formirovanie-etnokulturnoy-identichnosti-modern-chechen-theatre-and-the-formation-of-ethno-cultural-identity.html> (дата обращения 30 января 2020 г.).
5. Малика Абалаева. Вехи становления Лермонтовского театра//<http://www.mngz.ru/russia-world-sensation/1088202-vehi-stanovleniya-lermontovskogo-teatra.html> (дата обращения 23 апреля 2018 г.).
6. Русский драматический театр в Грозном//<http://www.politforums.net/internal/1340113700.htm> (дата обращения 27 января 2020 г.).
7. Пресс-служба Главы и Правительства Чеченской Республики <http://vesti95.ru/news/culture/9806750.html> (дата обращения 30 января 2020 г.).
8. Концепция долгосрочного развития театрального дела в Чеченской Республике на период до 2020 года //<http://www.memo.ru/d/135245.html> (дата обращения 20 января 2020 г.);
9. Информационный портал президента и правительства Чеченской Республики// <http://chechnya.gov.ru/print.php?r=126&id=8461>(дата обращения 30 января 2020 г.);
10. Чеченский государственный молодежный театр «Серло»// <http://mtserlo.ru/>(дата обращения 30 января 2020 г.);
11. Информационное агентство "Грозный-Информ"// www.grozny-inform.ru (дата обращения 30 января 2020 г.).

*****

СТУПЕНЬ В НАУКУ

*А.В. Николова,
ученица 11 класса
МБОУ гимназия №4
(г. Владикавказ)*

ОСЕТИНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Не секрет, что Северный Кавказ принадлежит к числу регионов, в которых не исчерпаны конфликтогенные ресурсы межнационального и, отчасти, межконфессионального характера. Более того, отчетливо наметившаяся в последнее время тенденция к их просачиванию за пределы региона, может стать фактором более широкой межкультурной дестабилизации, что крайне нежелательно для нашего многонационального федеративного государства.

В этих обстоятельствах вполне уместным представляется обращение к культурному наследию Российского Кавказа. Устоявшиеся в традициях представления о правилах и условиях многонационального согласия, способах невоенного разрешения конфликтов, урегулирования и споров, и столкновений любого уровня, безусловно, стоят внимания [1].

Ярко выраженная мозаичность Российского государства, обусловленная сосуществованием в единых территориальных границах самых разнообразных моделей социально-политической организации общественных систем, требует гибкого и одновременно эффективного подхода к решению главной государственной задачи – сохранения единства и целостности страны. В разных частях империи, в каждом конкретном случае эта задача решалась по-разному, однако едва ли не важнейшей доминантой объединительной политики Петербурга была ориентация на интеграцию

разнородного населения в общеимперском пространстве – территориально-административном, социально-политическом и в определенной мере хозяйственно-экономическом, наиболее отчетливо выраженной во второй половине XIX в. [2]. Изучение исторического опыта актуализирована современными процессами формирования общероссийской идентичности и укрепления российской государственности.

Посольство отправилось в Петербург, как известно, осенью 1749 г. и работало там до начала 1752 г., обсуждая с правительством Российской империи концепцию русско-осетинского союза и условия будущего присоединения.

Состав и полномочия Осетинского посольства были предметом многократного и тщательного изучения в Петербурге. Международные интриги и закулисная борьба вокруг русско-осетинских переговоров середины XVIII в. заставили российское правительство вести сложную следственную работу, сопровождавшую выработку политических решений. Используя отсутствие в Осетии государственных институтов и центральной власти, грузинские противники русско-осетинского союза пытались дискредитировать послов, приписывая им незнатное происхождение. Следственная эпопея, завершившаяся постановлением Сената о ложности всех доносов, породила ценнейшие документы с дополнительными и уточняющими сведениями о составе Осетинского посольства.

Первый сюжет, требующий особой точности, – «проектный» состав Осетинского посольства в пять человек, что соответствовало численной норме сенатского указа. Уменьшение «проектного» числа осетинских представителей до троих реальных послов состоялось летом 1749 г. В донесении, написанном в июне 1749 г., названы имена тех двоих, что отказались ехать: «Из назначенных 5 старшин Дугарской Созорука, Тугаецкой Девлет из уездов ехать с архимандритом Пахомием ко двору Ея

Императорского Величества намерение свое отменили по угрожением же кабардинцов, которые оным старшинам внушали, если они с архимандритом поедут, то будут задержаны в России в аманатах, а они, кабардинцы, будут им неприятели и разорять станут их дома» [3].

Осетинское посольство прибыло в Москву 7 декабря 1749 г., а 8 декабря архимандрит Пахомий, выполняя приказание Синода, представил первоначальные сведения о послах. Их было трое:

- а) Зураб Егоров сын Азовов, он же и Елиханов.
- б) Елисей Лукин сын Хетагов или Эба Генцаулов.
- в) Батирмиза Давидов сын Куртаулов, в крещении нареченный Георгием.

По указу Сената каждого из трех старшин сопровождал помощник-служитель:

- а) Зураба Елиханова сопровождал сын Канагат, в крещении Дмитрий.
- б) Помощником Елисея Хетагова назван Василей, именуемый также: Дживий, Жиб, Едживи Абакшилиев, Див Абашеле.
- в) Служителем Батырмирзы Куртаулова был Сергей Соломонов, сын Алгузов.

Зураб Елиханов был центральной фигурой осетинского политического проекта, связывавшего государственные перспективы страны с установлением русско-осетинских отношений. Зураб происходил из семьи владетелей Зарамагского замка, остатки которого и сегодня высются на утесе в высокогорном селении Даллаг-Зарамаг. Принадлежность Зураба к фамилии *Магкатае* (в русской записи – Магкаевы) была определена Г.А. Кокиевым, а затем проверена и подтверждена М. М. Блиевым на основе сопоставления документов с фольклорным материалом.

Елисей Хетагов происходил из общины Зака, строения его замка сохранились в селении Даллаг-Зака, а фамилия «Генцауров» не потребовала

дешифровки – это *Хъесатæ* (в русской записи – Кесаевы). Г. А. Кокиев сообщает, что предания называют этого посла Эба Кесаевым, а Хетаговых и Кесаевых считают «фамилиями одного рода». «На родине, в селении Зака, – пишет М. М. Блиев, – его знали как Кесаева Эба, сына Кесаева Еса».

Батырмирза Куртаулов дольше других послов хранил тайну своего происхождения. В его фамилии, используемой в документах, видели указание на место жительства. Батырмирза-Георгий действительно происходил из Куртатинского общества, давшего имя занимаемому им ущелью реки Фиагдон. Но такая «фамилия» имеет не географическое, а обычное для осетин генеалогическое происхождение. Она указывает на то, что ее обладатель возводил свое происхождение к Курта, легендарному предку Куртатинской гражданской общины.

Несомненно, у Батырмирзы была и фамилия, образованная от имени реального предка-эпонима и указывающая на принадлежность к определенной родственной группе. От Батырмирзы, как сообщает документ 1751 г., «получено известие», что живет он «в волосте Хутат, в местечке Чюарыкавы» – то есть в горном селении Дзуарикау Куртатинской гражданской общины. Годом раньше Кайхосро Махатели, хорошо знавший Куртатинское общество, доносил Синоду, что Батырмирза происходит «из деревни Чопонат». Очевидно, что «Чопонат» – не что иное, как осетинское *Цопанатæ* – фамилии, именем которой в Дзуарикау называлась принадлежащая ей часть селения с земельными угодьями. *Цопанатæ* (в русской записи Цопановы) принадлежали к колену *Уæлæсых* и входили в число самых влиятельных и знатных фамилий Куртатинской общины.

Канамат-Дмитрий сопровождал своего отца в качестве служителя. Докладывая об осетинских послых в Синодальной канцелярии 8 декабря 1749г., на следующий день по прибытии посольства в Москву, архимандрит Пахомий рассказал: «Оной де Зураб сюда приехал с сыном своим родным

Канаматом, которой же им, архимандритом, в Осетии крещен в 1746-м году и наречен Дмитрием».

Дживи-Василий должен быть зачислен в разряд «историографических неудачников». Исследователи путают его с другими лицами.

Под именем «Василей» помощник посла включен в «Реестр едущим из Санкт-Петербурга чрез Астрахань в Осетию», который приложен к указу об отправлении Осетинского посольства на родину в 1752 г. Впервые некто по имени Жиб упоминается в февральском 1750 г. доносе игумена Николая Махатели, который считает его не служителем, а полномочным представителем – одним из четырех осетинских старшин, привезенных Пахомием. Замечательно, что автор доноса не видит разницы в происхождении между Эба и Жибом, которого он называет третьим из четырех осетинских представителей. В ноябрьском 1750 г. доносе Кайхосро Махатели упоминается «Дживий ... из деревни Шпа». В совместном февральском 1751 г. доносе братьев Махатели назван «Едживи Абакшилиев ... деревни Шпол». Наконец, в других бумагах 1751 г. он фигурирует как «осетинец же Див Абашеле», «осетатский житель Обашвих».

«Осетинец», нареченный в крещении Василием, надо полагать, носил имя *Джуиуи*. Фамилия, к которой он принадлежал, надежно устанавливается на основе двух грузинских (одна из них русифицирована) форм ее написания и точной географической привязки. «Абакшилиев», «Абашеле» и «Обашвих», то есть Абашвили в деревне Шпа – это, конечно, *Абайтæ* (в русском написании – Абаевы) из селения Сба, главной резиденции этой знатной фамилии.

Сергей Соломонов записан под этим именем в «Реестр едущим из Санкт-Петербурга чрез Астрахань в Осетию». Он числился помощником Батырмирзы Цопанова. Отсутствие в документах осетинских имен Сергея и его отца Соломона весьма затрудняет идентификацию, к тому же в качестве

фамильного имени использовано название одного из древних колен этногонической легенды – *Æгъуызатæ*. И все же имеющаяся информация достаточна для некоторых наблюдений.

По документам, в которых упоминается Сергей Алгузов, можно составить набор признаков родственной группы, из которой он мог бы происходить: а) принадлежность к колену *Æгъуызатæ*; б) не вызывающая сомнения знатность, которая в силу широкой известности в Грузии неоспорима даже для грузинских клеветников; в) возможные контакты с грузинами, живущими во владениях князей Эристави Арагвских (оттуда происходили братья Махатели); г) место проживания, позволяющее объединяться (в том числе в сознании сторонних наблюдателей) равно с куртатинцами (Батырмирза) и с закинцами (Елисей). Ответ, который напрашивается сам собой, как раз и послужит предположением о фамильной принадлежности Сергея Алгузова. Единственная фамилия, отвечающая всем приведенным признакам, – *Томайтаæ* (Томаевы). Одна из знатнейших фамилий колена *Æгъуызатæ*, признанная в дворянстве всеми царскими дворами раздробленной Грузии, Томаевы имели три вотчины: две основные – в Руке (верховья Большой Лиахвы) и Кора (Куртатинское ущелье), а также «промежуточную» – в Зака (на полпути между Руком и Корой).

Дугарской Созорука и Тугаецкой Девлет вышли из состава Осетинского посольства, в которое по первоначальному плану должно было войти пять человек. Кого же представляли несостоявшиеся послы? Названия их «уездов» в документе предшествует личным именам совсем не случайно, а в полном соответствии с обсуждавшейся темой представительских полномочий. «Дугарский» и «Тугаецкий» «уезды» – это Дигорское и Тагаурское общества, которые занимали особое место в жизни Осетии XVIII в., отличаясь высоким уровнем социального и хозяйственного развития,

жесткой сословной системой и господством замкнутых корпораций наследственной знати.

И дигорцы, и тагаурцы участвовали в формировании посольства, выдвинув в его состав по одному старшине. Предварительно определить их патронимическую (в современном смысле фамильную) принадлежность удастся на основе сопоставления документов XVIII в. и родословных росписей, составленных в середине XIX в. – это Созуруко Абисалов и Долат Кануков [4].

Принципы формирования Осетинского посольства не могли, естественно, найти прямого отражения в документах. Российской стороной был задан лишь общий формат приема: по статусу – «из старшин, знатным», по числу – «не более, как 5 человеком и при них служителям их». С другой стороны, особенности традиционного осетинского самоуправления, чуждого всякой бюрократии и не имевшего делопроизводства, лишают нас надежды на существование документов, отразивших процесс или описывающих принципы формирования посольства.

В то же время в Осетии XVIII в. было невозможно получить общественные полномочия вне публичных представительских институтов. Поэтому сам состав формируемого посольства следует считать наиболее объективным выражением формулы, которая легла в основу подготовки представительства, направляемого в Россию. Заданный уровень полномочий (*«из Осетии», «означенного осетинского народа»*) и формат приема (не более пяти знатных старшин со служителями) превращают список послов в самый надежный источник реконструкции принципов формирования посольства.

С выходом из первоначального состава посольства тех двоих послов, что происходили из Тагаурского и Дигорского обществ, выезд отложился всего на два месяца. Этого времени было достаточно лишь для местной

замены кандидата, выбывшего по субъективным причинам, или для попытки уговорить тагаурцев и дигорцев изменить решение об отказе, если оно было консолидированным. Судя по отсутствию дублеров, состоявшееся решение оказалось, как минимум, корпоративным – на уровне дигорской и тагаурской аристократии. Ясно и то, что двух месяцев никак не могло хватить на новый выбор всего посольства или даже серьезные перемены в его составе. Вспомним, что процесс подготовки занял несколько лет: решение Сената состоялось еще в августе 1746 г. Никаких признаков изменения «основного состава» нет в документах.

Такая неизменность означает, что реализованный в 1749г. тройственный формат вполне соответствовал принципам общенародного представительства. Другой важнейший вывод, который с необходимостью следует из неизменности «основного состава» посольства: оно не формировалось на принципах паритетного представительства от осетинских обществ. Наличие или отсутствие в составе посольства посланцев из конкретных обществ не повлияло на его статус. Иначе говоря, формула составления посольства «из Осетии», «означенного осетинского народа» предполагала не механическое сложение посланцев, выдвинутых отдельными обществами, и не объединение их в некоторую сумму, величина которой соответствовала бы числу представленных обществ. В подобном случае предложенный Сенатом формат «пяти старшин» был бы вообще неприменим – в него невозможно втиснуть паритетное представительство одиннадцати осетинских обществ. Неопровержимым свидетельством того, что речь вообще не шла о выдвижении представителей отдельных обществ, является присутствие в «основном составе» посольства двоих туальцев – Зураба Магкаева и Эба Кесаева. В многочисленных документах, отразивших историю посольства и ход его переговоров с российским правительством, нет и намека на отдельные интересы Туальского (как, впрочем, и какого-то

иною) общества или какой-либо группы обществ Осетии. Везде и всегда только «Осетия», «Осетинская земля», «осетинский народ».

Базовое значение тройственного формата посольства подтверждено самим фактом его успешной реализации. Несомненно, и усилия, вложенные в несостоявшуюся поездку «дополнительной пары» послов, имели ясный для современников смысл, увязанный с формулой «основного состава». Какова же была эта формула?

Осетины XVIII в. твердо держались традиционной системы представительства. Документы второй трети XIX в. надежно свидетельствуют, что и по прошествии столетия все происходило по тем же неизменным правилам.

В экстремальных условиях безгосударственного существования, с рубежа XIV-XV вв. до второй половины XVIII в., основой социальной и политической организации горной Алании-Осетии оставалась особая скифо-аланская модель общественного устройства. Ее неотъемлемой чертой была открытая Ж. Дюмезилем концепция идеального индоевропейского общества, организованного в соответствии с тремя социальными функциями. Актуальная идеология общенародного единства строилась на этногоническом предании об общем предке народа и трёх его сыновьях. Три базовых (общенародных) колена возводили свое происхождение к прародителю Ос-Багатару и назывались по именам его сыновей. Потомкам Кусагона традиция отводила роль жрецов и судей, колону Царазона (вариант: Агуза) приписывала особую воинскую доблесть, а наследников Сидамона связывала с производительным трудом и богатством.

Политическим объединением жителей определенной территории была гражданская община – самоуправляющийся общественный организм, коллектив граждан, обладающий суверенными правами. Устройство всех общин было одинаковым: территория делилась на три округа, население – на

три колена. Общинный парламент состоял из трех фракций, посреднический суд – из трех групп судей, войско – из трех полков. Вступая в территориальные союзы, гражданские общины образовали одиннадцать земель-областей, за которыми в русской номенклатуре закрепилось название «обществ». Каждое общество, сохраняя суверенитет, по мере необходимости объединялось с остальными в военной и внешнеполитической деятельности. Иными словами, Осетия эпохи горных обществ – это конфедерация самоуправляющихся земель-областей, живших в едином социокультурном пространстве традиционной социально-политической модели.

Случайно ли послов, представляющих, как постоянно напоминают документы, «Осетию», «Осетинскую землю», «осетинский народ», – трое?

Базовая коленная идентификация двоих послов не составляет труда. Фактически глава посольства Зураб Магкаев-Елиханов принадлежал к одной из знатнейших фамилий древнего колена *Цæразонтæ*. Магкаевы претендовали на особую знатность и в числе немногих связывали свое происхождение с царским домом средневековой Алании.

Батырмирза Цопанов происходил из высшего сословия Куртатинской гражданской общины, которая возводила свое происхождение к Сидамону, старшему сыну Ос-Багатара, и целиком принадлежала к общенародному колену *Сидæмонтæ*.

Несколько сложнее определить коленную принадлежность Кесаевых – источники не содержат на сей счет прямых указаний. Тем не менее, существуют как надежные источники, так и объективный способ определения коленной принадлежности Кесаевых. Для этого достаточно установить их место в троичной структуре Закинской гражданской общины. Документы, которые позволяют это сделать, разделены почти вековым хронологическим расстоянием. В них приведен полный состав традиционного закинского представительства, избранного по важным

случаям. В 1766 г. письмо об оставлении игумена Григория во главе Осетинской духовной комиссии подписали от «Захинского уезда» четверо старшин: Василий Абаев, Егор Битариев, Димитрий Генцауров, Феодор Томаев. В 1859 г. депутатами «Закского общества» в сословную комиссию были выбраны Гисо Битаров, Тека Кесаев, Берт Абаев.

Идентификация Абаевых (*Абайтæ*) и Томаевых (*Томайтæ*) многократно зафиксирована документами и отражена в литературе: эти фамилии принадлежат к колену *Æгъуызатæ*. Представленные в обоих случаях Битаровы (*Битартæ*) относятся к колену *Сидæмонтæ*. Поэтому место Кесаевых в традиционной общественно-политической системе не вызывает сомнения – они принадлежат к колену *Къусæгонтæ*.

Словом, трое послов «основного состава» – пример неизменного следования традиции, образец идеального представительства, воспроизводящего архетипическую формулу социальной гармонии, правовой завершенности и политической легитимности в масштабах всей страны.

Более того, абсолютное соответствие традиции находим и в происхождении знатных служителей-помощников, рыцарей сопровождения – все трое принадлежали к носителям воинской функции в троичной арийской системе. В позднесредневековой Осетии воинскую функцию вариативно представляли два колена – *Цæразонтæ*, к которым принадлежал Канамат, сын Зураба, и *Æгъуызатæ*, из которых происходили Дживи Абаев и Сергей Соломонов. На самом деле *Цæразонтæ* и *Æгъуызатæ* – это две ветви одного колена, сформировавшегося из потомков средневековой военной аристократии, в том числе и царской династии, как свидетельствует устное осетинское предание и грузинская придворная практика. Имена, как давно показал В. И. Абаев, происходят от римско-византийских титулов «Цезарь» и «Август» – в русском переводе «цесаревичи» и «августейшие». Не забудем к кому они едут, чтобы вполне оценить соответствие такого подбора

значимости миссии и высоте принимающей стороны. Последнее, на что необходимо указать для понимания соотношения имен *Цæразонтæ* и *Æгъуызатæ* в осетинской жизни – это регионализм их распространения. *Цæразонтæ* представлены преимущественно на севере, где расположен их домен (регион Мизура – Зарамага), *Æгъуызатæ* связаны преимущественно с югом – их изначальная родовая территория расположена в пределах нынешнего Дзауского района Республики Южная Осетия (регион Рук – Сба – Уанел).

Формат традиционной легитимности общеосетинского представительства не был единственным, которому должно было отвечать Осетинское посольство. Его идеолог и фактический глава Зураб Елиханов имел слишком значительный политический опыт (в том числе российский), чтобы не учесть очевидных для середины XVIII в. обстоятельств.

Установлению русско-осетинских отношений предшествовало изучение Коллегией иностранных дел географического и политического положения Осетии, но российский вывод о независимости небольшой кавказской страны вовсе не отменял северной (малокабардинской) и южной (карталино-имеретинской) экспансии. В виртуальном смысле внешних притязаний Осетия середины XVIII в. делится на две зоны влияния, ясно очерчиваемых направлением завоевательных набегов соседей, наличием у них даннических и вассальных связей в пограничных осетинских обществах и агентурной сети в остальных. Обратим внимание: двое из троих послов представляли южную половину Осетии – зону притязаний и влияния соседних грузинских владений Ирана и Османской империи [5].

Не только южные, но и центральные общества Осетии грузинские вассалы персов и турок «осваивали», раздавая дворянские грамоты, княжеские титулы, почетные пенсии и торговые льготы осетинской знати – впрочем, без особого разбора и без всякой ответственности. Когда в XIX в.

гордые обладатели грузинского «дворянства» попытались использовать свои документы, то на поверку оказалось, что это макулатура. Но еще в XVIII в. бедного и наивного горца из благородной фамилии пытались сделать «агентом влияния» за ничтожную ежегодную пенсию и ничего не значащий громкий титул.

То же самое происходило и в противоположном направлении – из Кабарды. Князя северного соседа также представляли себя сюзеренами осетинского дворянства, привязывая его узами аталычества и дарений, покровительствуя бракам осетин с кабардинской элитой. В начале XVIII в. сформировался уже и слой их действительных осетинских вассалов – в большинстве из дигорской (западноосетинской) знати, основавшей равнинные селения в поместьях, полученных от малокабардинских князей.

Стратегический союз с Российской империей становился избавлением и от этой ползучей опасности. Не случайно переговоры с российским правительством возглавил человек, досконально знавший грузинскую политическую конъюнктуру, воспитанник и казначей царя Картли. Подобно Зурабу Магкаеву, и другой посол – Елисей Кесаев – принадлежал к семье, имевшей коллекцию бумажных грузинских привилегий. Батырмирза Цопанов – третий член осетинского посольства – происходил из северного Куртатинского общества, переживавшего в XVIII в. сложный период тесных связей и жесткого противостояния с Кабардой. Двое послов-отказников – яркое воплощение борьбы, шедшей в Дигорском и Тагаурском обществах, где кабардинские князья уже имели вассальные группировки знати.

Проектный состав посольства, включавший представителей двух сильнейших в Осетии аристократических корпораций – тагаурской и дигорской – одновременно выглядит осетинской попыткой преодоления нейтрального статуса Кабарды, превращенной Белградским договором 1739г. в барьер между Кавказом и Россией.

И, наконец, еще один формат реального посольства, подчеркивающий ответственность и согласованность политического выбора, сделанного конфедерацией осетинских обществ. Если быть совершенно точным, территорию Осетии XVIII в. нужно делить на три зоны влияния – со стороны Малой Кабарды, иранской Картли и турецкой Имерети. Достаточно вспомнить, как в первой половине XIX в., после присоединения Россией грузинских земель, частями отнятых у Ирана и Турции, и подчинения Кабарды Осетия подверглась территориально-административному разделению, при котором ее юго-западные окраины попали в состав Кутаисской губернии, центральные и южные общества вошли в Тифлисскую губернию, а крупнейшее на севере Дигорское общество было объединено с Кабардой в управлении Центра Кавказской Линии. Нетрудно видеть, что прежнее «наступление» продолжается как с южного, так и с северного фланга. Не только Картли и Имерети, но и Малой Кабарде (традиционно более лояльной к России, нежели Кабарда Большая) в первой половине XIX в. еще достаёт влияния на власть и хватает вассальных осетинских связей, чтобы сохранять инерцию прежнего, с приходом России угасающего, экспансионизма. Самое трогательное: уступая последней волне экспансии, пришлось делить Туальское общество, его основная часть стала Нарским участком Осетинского округа Тифлисской губернии, а Мамисонское ущелье передали в Кударо-Мамисонский участок Рачинского уезда Кутаисской губернии, еще раз подтвердив: три осетинских посла на переговорах в Петербурге представляли три разные зоны внешнеполитического влияния и давления на Осетию.

9 февраля 1750 года Осетинское посольство прибыло в Санкт-Петербург, где их тепло встретили и поселили в «Соловьевском белокаменном доме на Васильевском острове». Уже через несколько дней Сенат рассмотрел основные вопросы, которые ставили осетинские послы: о

желании осетинского народа принять российское подданство и переселении на предкавказскую равнину. Однако принять немедленно положительное решение по таким стратегическим вопросам российское правительство оказалось не готово в условиях политической неопределенности в отношении Турции и Персии. Отказать же осетинским послам, прибывшим по собственному указу императрицы и в соответствии с интересами самой Российской империи, тоже не представлялось возможным.

Обладая соответствующими полномочиями, посольство Осетии выполняло функции постоянно действующего дипломатического представительства в России. Под покровительством князя Трубецкого осетинские послы знакомились с Петербургом, с русской культурой, побывали на Сестрорецких оружейных заводах, где им в дар были преподнесены украшенные золотом ружья, изготовленные русскими мастерами.

(Картина А. Джанаева Осетинское посольство в Петербурге 1749-1752 гг.)

5 июля 1750 года осетинское посольство Зураба Магкати было приглашено на собрание Сената, где оно вновь продемонстрировало готовность к переговорам. Выступление послов, достоинство, с которым они держались при общении с высшими чиновниками Петербурга, их образованность и природный аристократизм не оставляли сомнений относительно их знатного происхождения.

16 июля 1750 года осетинское посольство вновь пригласили на собрание Сената. И эту дату можно считать уже началом официальных русско-осетинских переговоров. Сенаторы выслушали речь Зураба Магкати, в которой он отметил три ключевых вопроса, составлявших цель осетинского посольства в переговорах, – вхождение Осетии в состав России, так как «весь осетинский народ желает быть в подданстве Е.И.В.», обеспечение внешней безопасности Осетии и переселение осетин на предгорные равнины [6].

Понимая, что осуществление столь серьезной осетинской программы должно быть оправдано адекватным политическим интересом со стороны России, Магкати заявил Сенату, что Осетия способна выставить 30-тысячную армию. Предложение о военном сотрудничестве было достаточно веским аргументом в пользу принятия осетинской программы на детальное рассмотрение.

Однако российское правительство все больше интересовал вопрос о рудных месторождениях Осетии, о которых сообщалось в осетинских прошениях еще до отъезда посольства в Петербург («о всяких секретах осетинской земли»). Зурабу Магкати пришлось придержать этот козырь на тот случай, если Сенат примет на рассмотрение изложенные в программе посольства вопросы. Он лишь высказал просьбу представить посольство императрице «для земного поклонения», втайне надеясь, что вмешательство Елизаветы ускорит достижение положительного результата переговоров.

Сенат предложил послам не спешить на родину и продолжать выполнять представительские функции, а также свои услуги в налаживании дипломатической почты в Осетию для доставки их писем родным и близким, за которых они так сильно беспокоились.

Следует отметить, что весь ход русско-осетинских переговоров укладывался в рамки дипломатического протокола высокого уровня.

Как и полагается главе дипломатической миссии, Зураб Магкати всегда выступал в Сенате на осетинском языке, несмотря на то, что прекрасно владел русским. Этим же объясняется тот факт, что перед отправкой посольства он настоял на включении в состав делегации официального переводчика, хотя вполне сам бы справился с этой задачей, – он не мог допустить, чтобы глава посольства выступал одновременно и в роли переводчика на переговорах.

Пока в Сенате ждали смены политического климата на международной арене, шло время, которое максимально использовали для создания новых препятствий русско-осетинским отношениям засланные с этой целью эмиссары грузинских вассалов Османской империи и Персии. К антиосетинской кампании примкнули также протурецконастроенные представители грузинского царского двора в Петербурге.

Надеясь, что без переводчика русско-осетинские переговоры зайдут в тупик, в марте 1751 года грузинско-турецкие «лоббисты» наняли двух солдат и вместе с ними совершили нападение на осетинское посольство. Они смогли прорваться в здание, схватить переводчика Вениамина Ахшарумова и жестоко избить его. Однако увезти его с собой им не удалось, так как к тому времени подоспела охрана посольства.

После этого инцидента Зураб Магкати попросил аудиенции у князя Трубецкого. Во время встречи он настоятельно просил генерал-прокурора об усилении охраны посольства, отметив при этом, что русское правительство

потратило слишком много времени, реагируя на провокации грузинских эмиссаров, посланных специально для срыва переговоров. Трубецкому и самому стало ясно, что отчасти им это удалось, – все последнее время в Сенате вместо переговоров занимались выяснением происхождения осетинских послов и их правомочности. В затянувшемся на много лет следствии по бесконечным грузинским доносам была поставлена точка.

Переговоры возобновились. Сенат пригласил осетинское посольство на собрание. Теперь Зураб Магкати уже в полной мере использовал все свои возможности, чтобы вернуть переговоры с русским правительством в русло обсуждения именно тех вопросов, ради которых посольство находилось в Петербурге.

Сенат объявил, что послы в ближайшее время будут приняты императрицей Елизаветой Петровной. Коллегии иностранных дел были даны соответствующие поручения.

29 октября 1751 года осетинских послов принял статс-секретарь, советник Коллегии иностранных дел В.М. Бакунин, считавшийся специалистом по Северному Кавказу. Стороны обсудили весь комплекс вопросов, связанных с предстоящей встречей на высшем уровне, коснувшись и кавказской проблематики.

Об отношениях с Кабардой послы отзывались сдержанно. Они отметили, что с кабардинцами у осетин дружественные отношения, хотя часть кабардинских правителей проявляет непонимание по вопросу принятия осетинами христианства.

На этом этапе переговоров послы постарались не поднимать вопроса о российском подданстве, они лишь заверили статс-секретаря В.М. Бакунина, что хотели бы только встретиться с императрицей Елизаветой Петровной «для поклона и благодарения» [6].

Таким образом, политические условия и дипломатические задачи эпохи установления русско-осетинских отношений, диктовавших необходимость представлять единый народ независимой страны, находят воплощение не только в деятельности Осетинского посольства. Сам его состав хорошо иллюстрирует твердость выбора, сделанного Осетией не в политической теории – на исторической практике, в эмпирической перспективе выживания. Вполне очевидно и важнейшее значение принципов формирования посольства для оценки политического состояния Осетии, а в конечном счете – для точного определения форм ее политического устройства и политической жизни в середине XVIII в.[4].

Россия и Осетия убедились в закономерности стремления навстречу друг другу и в исторической неизбежности этого процесса. Осетия получала благодаря России жизненное пространство, в ее лице – страну-защитницу, а Россия в лице Осетии – единоверного и надежного союзника в стратегически важном для себя регионе. Нужен был новый расклад международных сил, чтобы приступить к осуществлению этих планов.

Переселение осетин на объявленные вольными и свободными земли вдоль рек Фиагдон и Ардон – исторические земли древней Алании – было поддержано российским правительством, однако до строительства в этих местах русских военных крепостей безопасность переселенцев не была гарантирована. Этот вопрос также оставался нерешенным, но уже прочно находился в поле зрения русского правительства как один из наиболее перспективных в кавказской политике России.

Важным итогом переговоров можно считать также и успех в экономической дипломатии осетинских послов – соглашение по беспошлинной торговле, которую осетины теперь могли вести с Россией, привозя свои товары в Кизляр и Астрахань.

Таким образом, первые русско-осетинские переговоры положили начало новому этапу в истории как Осетии, так и России, коренным образом повлияв на судьбы всех народов Кавказа.

Первое осетинское посольство 1749-1751 годов, возглавляемое Зурабом Магкати, сумело в непростых политических условиях показать России взаимную важность и необходимость государственного союза с Осетией. Эту политическую победу осетинской дипломатии с высоты сегодняшнего дня по праву следует считать подвигом во имя будущего своего народа [6].

Список использованной литературы:

1. Хадикова А.Х. Народная дипломатия горцев Северного Кавказа / Россия и Осетия-Алания в истории дипломатии и международных отношений: Сборник статей. Вып.2. Владикавказ, 2011. С. 15-30.
2. Кобахидзе Е.И. Административные аспекты интеграции Осетии в российскую государственность. / Россия и Осетия-Алания в истории дипломатии и международных отношений: Сборник статей. Вып.3. Владикавказ, 2012. С. 27-39.
3. ЦГАДА, ф. 259, оп. 22, д. 1575, .и. 188 об. – 189 об.
4. Бзаров Р.С. О принципах формирования осетинского посольства 1749-1752гг. / Россия и Осетия-Алания в истории дипломатии и международных отношений: Сборник статей. Вып.1. Владикавказ, 2010. С.36-51.
5. Блиев М. М., Тургиев Т. Б. История Северной Осетии. Часть 1. Учебное пособие для 8-9 кл.
6. Изд. 4-е. Владикавказ: Ир, 1994. С. 33 - 37.
7. Медоев Д.Н. На пути к признанию. Москва: Менеджер, 2011. 221 с.

*Елена Джанаева,
ученица ЧОУ
«Православная гимназия имени Аксо Колиева»
(г. Владикавказ)*

О ГЕРОЯХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН...

Прошло уже семьдесят пять лет со дня Великой Победы, но боль и воспоминания о той страшной и кровопролитной войне живут в памяти потомков до сих пор и, надеемся, не исчезнут никогда, потому что народ жив, пока помнит свою историю, пока жива память о своей семье и своей Родине.

Отголоски той страшной войны живы до сегодняшнего дня во многих уголках нашей необъятной Родины – России. Уходят из жизни последние ветераны, но мы должны помнить их имена, фамилии, места сражений, партизан, тыловиков, знать славную историю городов-героев и городов воинской славы.

В 2007 году г. Владикавказ было присвоено звание «Город воинской славы».

Гитлеровское командование придавало особое значение захвату столицы Северной Осетии – г. Орджоникидзе, чтобы прорваться к нефтеносным источникам Грозного и Баку.

В последних числах июля фашистская армия вышла на Северный Кавказ и приступила к осуществлению военной операции по овладению им. План захвата Кавказа назывался «Эдельвейс», по названию красивого горного цветка.

25 июля 1942 года началась битва за Кавказ. Фашистское командование нисколько не сомневалось в скором и успешном её завершении, так как уже

до начала боевых действий оно сумело создать значительное превосходство своих войск над советскими: в танках – более чем в 9 раз, в авиации – в 8 раз.

В августе 1945 года, немецкой армии удалось, ценой огромных потерь, захватить города Краснодар, Майкоп, Минеральные Воды, Пятигорск, Прохладный. 25 августа, после ожесточённых боёв, немцами был захвачен г. Моздок. Первым населённым пунктом, который был захвачен немцами на территории Северной Осетии, стало с. Эльхотово. Бои здесь завязались 19 сентября 1942 года. Наши войска приняли и выдержали главный удар противника, рвущегося к Эльхотовским воротам. 27 сентября после ожесточённых боёв, нашим войскам пришлось оставить селение и укрепиться у Эльхотовских ворот.

Далее немцы планировали наступление на Орджоникидзе. Путь к захвату столицы лежал через Эльхотовские ворота – узкий проход между невысокими горными хребтами, ограждающими с севера дорогу на столицу республики. Днём и ночью шли здесь ожесточённые бои. Наши войска стояли насмерть, защищая путь на столицу: отражали сотни вражеских атак и удары вражеской авиации, устояли даже тогда, когда фашисты подожгли леса вокруг Эльхотова. С сентября по декабрь 1942 года продолжались здесь непрерывные сражения. Враг не прошёл! Фашисты не смогли продвинуться ни на метр по пути, ведущему к столице Осетии. Сотни бойцов сложили свои головы, защищая Эльхотовские ворота: русские, осетины, украинцы, грузины, армяне и представители других национальностей нашей страны.

Подвиг защитников Эльхотовских ворот запечатлён в величественном памятнике недалеко от села – каменная стелла, четыре фигуры воинов, перед ними – боевая пушка. Рядом – военно-мемориальное кладбище, на котором покоятся останки бойцов – защитников Эльхотовских ворот.

После войны в этих местах работали и до сих пор работают поисковые отряды со всей страны, ежегодно находят останки воинов, отдавших свои жизни за спасение любимой Родины!

Несмотря на огромные потери, гитлеровское командование решило любой ценой захватить столицу Северной Осетии. Была произведена перегруппировка танковых дивизий, и 31 октября гитлеровцами в районе с. Чикола был нанесён удар, были постепенно захвачены г. Дигора, с. Чикола, с. Дур-Дур, г. Ардон, 1 ноября был захвачен г. Алагир.

Стремясь во что бы то ни стало захватить Орджоникидзе, немцы произвели перегруппировку своих войск, вплотную подошли к с. Ногир, к Лысой горе. В этот же день фашистами был прорван внешний оборонительный обвод Орджоникидзеского оборонительного района между селениями Рассвет и Дзуарикау. Они заняли с. Саниба и Гизель, создав тем самым непосредственную угрозу городу Орджоникидзе.

3 ноября гитлеровские войска занимают подступы к городу, идут ожесточённые бои. Орджоникидзе объявлен на осадном положении. 4 ноября фашисты пытаются прорваться к столице, одновременно продолжают атаковать в направлении ст. Архонской и с. Ногир. В южном направлении – из с. Майрамадаг пытаются через Суарское ущелье выйти к Военно-Грузинской дороге.

5 ноября – знаменательная дата – на всех участках фронта вокруг Орджоникидзе было остановлено наступление немецких войск.

6 ноября – начало наступления советских войск; 6-10 ноября – непрерывные атаки врага советскими войсками; 10 ноября – советские войска начали теснить немецкие войска в сторону Гизели; 11 ноября – освобождение с. Гизель и Н. Саниба; 11-12 ноября – советские войска вышли на рубеж Майрамадаг-Фиэгдон, в 23 км от республики; 15 ноября – снято осадное положение г.Орджоникидзе; 19 ноября – многодневные

оборонительные, а затем наступательные бои на подступах к Орджоникидзе, закончились поражением гитлеровских войск. Противник перешёл к оборонительным боям, но обстрелы и авиационные налёты на город не прекращались. Значительная часть Северной Осетии была всё ещё оккупирована. 23 декабря – освобождение селений Рассвет, Кодахджин, Дзуарикау. 24, 25, 26 декабря – освобождение городов Алагир, Ардон, Дигора, близлежащих сёл. Особо ожесточённые бои шли за селение Сурх-Дигора, которое за несколько дней 11 раз переходило из рук в руки: 1 января – освобождение с. Чиколы; 3 января – освобождён г. Моздок. В первых числах января 1943 года Северная Осетия была освобождена от немецко-фашистских оккупантов, и стала вновь налаживаться мирная военная жизнь.

В летопись битвы за Кавказ славную страницу вписали защитники Суарского ущелья. Потерпев поражение под Орджоникидзе, немцы решили выйти в тыл советским войскам через Суарское ущелье на Военно-Грузинскую дорогу. 4 ноября немецкие и румынские части, при поддержке значительного количества танков, начали наступление на Майрамадаг. Войска противника имели десяти кратное превосходство в живой силе и технике, но, несмотря на это, фашисты не смогли прорвать оборону защитников ущелья.

Защитники Суарского ущелья – морские пехотинцы – проявили беспримерный героизм и великие стойкость и мужество. Как нам рассказали в музее защитников Суарского ущелья, обороняли Майрамадаг курсанты военно-морских училищ, которым было лишь по 17-18 лет. Жестокие бои развернулись с 3 по 11 ноября 1942 года. Множество атак было предпринято немцами, но курсанты, ценой собственных молодых жизней, отбивали их.

Бои продолжались 19 суток. Мерзли бойцы на ледяном ноябрьском ветру, боеприпасы и еду им доставляли с перебоями. Со слов директора музея Фатимы Джериевой, местные жители всеми силами старались

поддерживать бойцов, приносили еду, тёплые вещи, одному из старейшин села, Т. Базрову, в это время уже исполнилось 100 лет. Невзирая на возраст, он тоже помогал курсантам. Приносил им фасоль. Благодаря совместным действиям наших бойцов и местного населения, наступление фашистских войск было остановлено. Враг не смог захватить Суарское ущелье и прорваться к Военно-Грузинской дороге.

В память о тех героических сражениях в Майрамадаге созданы музей и мемориал погибшим морским пехотинцам. Музей защитников Суарского ущелья был открыт 9 мая 1975 года, расположен он именно на том месте, где в ноябре 1942 года морские пехотинцы держали оборону Суарского ущелья. На территории музея – некрополь-мемориальный комплекс со 199 надгробиями и братские могилы. По просьбе ветеранов-участников боёв в музее открыта Аллея послевоенных захоронений.

На протяжении многих лет в День Военно-Морского флота участники боёв и родственники погибших съезжаются в Майрамадаг.

Нам рассказали в музее, что 6 декабря 2019 года ушел из жизни последний защитник Суарского ущелья, Герой Советского Союза С.Н. Решетов. Он регулярно приезжал из Москвы в Майрамадаг почтить память павших товарищей.

На месте бывших боёв, в память о воинах, посажен сад с редко растущими на Кавказе деревьями: тюльпановое дерево, китайские сирени, гинго-билоба и другие. Большинство саженцев было привезено и посажено родственниками погибших воинов-защитников Суарского ущелья.

Родная земля, родной народ всегда будут помнить своих славных сынов и дочерей, проявивших мужество, отвагу и героизм на полях сражений Великой Отечественной войны. На фронтах священной войны сражался каждый пятый житель республики, из них каждый второй – погиб. Около 90

тысяч человек было отправлено на фронт с 1941 по 1945г., более 45 тысяч не вернулись.

В память о наших прадедах, подаривших нам мирное небо над головой, мы решили составить перечень славных представителей фамилий Калоевых и Джанаевых – участников Великой Отечественной войны. Пусть этот не большой, но очень важный для нас труд послужит данью памяти защитникам Родины и покажет, что жертва павших была не напрасной, что они не забыты.

Калоев Георгий Александрович. Герой Советского Союза.

«Человек – подвиг», «Мастер ночных атак», «Командир крылатой гвардии» - таковы названия книг, повествующих о славном представителе фамилии Калоевых.

Георгий Александрович Калоев родился в 1916 году на хуторе Веселый (ныне село Веселое) Моздокского района Северной Осетии. Учился в педагогическом институте. Окончил Орджоникидзевское военное пехотное училище в 1940 году, затем проходил службу в Буйнакском пехотном училище, где стал начальником учебной части курсантского батальона.

Когда началась Великая Отечественная война, Георгий с первых же дней рвался на фронт, но все его рапорты отклонялись – нужно было учить новых курсантов. Только в декабре 1942 года, в дни битвы за Кавказ, старший лейтенант Калоев был назначен командиром диверсионно-разведывательной группы, целью которой было блокирование вывоза зерна из Моздока. Группа под его руководством в первом же задании уничтожила 15 фашистов, 4 полицая, взорвала 5 мостов и, самое главное, не позволила гитлеровцам вывезти из Моздока в Германию зерно. За успешное выполнение этого задания Калоев был награжден первым орденом – Красной Звезды. Затем Георгий был назначен командиром воздушно-десантной роты

особого назначения, был командиром стрелкового батальона. Воевал на Закавказском, Северо-Кавказском, Карельском, 3-м Украинском фронтах.

Участвовал в десантной операции в районе Новороссийска, Малой земли. В ожесточенных боях десантники Калоева демонстрировали чудеса отваги, мужества и героизма. Именно на Малой земле Георгий Калоев стал известным командиром, любимцем солдат.

В тяжелых боях за «Малую землю» исключительно храбро дрались воины роты, которой командовал Г.А. Калоев. Сам командир роты был ранен, но поля боя не покинул. Ему предлагали эвакуироваться в тыл, но он категорически отказался. «Товарищ командир, Вы потеряли много крови, Вам бы в госпиталь», – уговаривал его санинструктор. – «Ничего, ничего», – отвечал командир роты. – «Перевяжите потуже». Десантники отбивали одну контратаку за другой. Почти все солдаты, сержанты и офицеры роты были ранены, но никто не покидал поле боя, пока не подошло подкрепление. 9 дней удерживали десантники плацдарм, обеспечивая высадку главных сил морского десанта и частей 18 армии.

О мужестве и отваге, проявленных Г.А. Калоевым в боях за «Малую землю», рассказала газета 18-й армии в статье «Сражайтесь, как капитан Калоев!». В его боевой характеристике от 24 мая 1943 года, подписанной командиром 1-го батальона 31-й ПДП майором Гавриловым, говорится, что «в бою проявил себя смелым и решительным командиром, умело руководил боем, несколько танковых контратак противника были отражены под непосредственным руководством тов. Калоева Г.А. Своим личным примером воодушевлял личный состав на подвиги...».

За умелое руководство боевыми действиями своих бойцов в боях по расширению и удержанию плацдарма и проявленные при этом личные храбрость и отвагу Георгий Александрович был награжден орденом

Отечественной войны II степени, и ему досрочно было присвоено воинское звание «капитан».

В 1945 году Г.А. Калоев участвовал в освобождении Венгрии, Австрии, Чехословакии. Трижды был тяжело ранен.

В апреле 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм гвардии капитану Калоеву Г.А. было присвоено звание Героя Советского Союза.

Смелый, решительный командир за боевые заслуги перед Отечеством был награжден орденами Ленина, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, «Знак почета», медалью «За оборону Кавказа», другими медалями.

После Великой Отечественной войны продолжал службу в воздушно-десантных войсках командиром полка, заместителем командира дивизии.

Работал в Северо-Осетинском государственном университете им. К.Л. Хетагурова заведующим отделом кадров, с 1981 года – председателем Совета ветеранов Северной Осетии.

Георгий Александрович Калоев скончался в 1987 году. Похоронен на Алее Славы в городе Владикавказ.

Как нам стало известно из беседы с Зоей и Харитоном Калоевыми, лично знавшими Георгия Александровича, именно Георгий Калоев добился того, чтобы в Орджоникидзе была заложена Аллея Славы.

Именем Героя названа улица в селении Веселое Моздокского района РСО-Алании. Одна из школ села также носит его имя. Во дворе школы установлен бюст Георгия Александровича Калоева.

В городе Раменское, где происходило формирование 100-й гвардейской воздушно-десантной дивизии под командованием Героя Советского Союза

Г.А. Калоева, в честь героев-десантников названа улица и установлена мемориальная доска. Имя Георгия Калоева – первое в списке героев.

О Герое Советского Союза Георгие Александровиче Калоеве написано множество очерков и статей, изданы книги, сложена героическая песня: музыка В. Туаева, слова Я. Козаева.

У бабушки в альбоме со старыми фотографиями мы нашли снимок, подаренный нашему дедушке, Калоеву Эльбрусу Гавриловичу, лично Георгием Александровичем.

«Теперь уже, после его смерти, думая о нем, я все больше убеждаюсь в том, что именно такие люди, как Георгий Александрович, всегда составляли силу, славу и бессмертие нашего народа», заключил профессор М.И. Гиоев, и с ним нельзя не согласиться.

Калоев Александр Александрович. Герой Советского Союза.

Александр Калоев родился в 1918 году в с. Георгиевско-Осетинское. Его отец, бедный горец из селения Заки, переселился с другими выходцами из Осетии в Ставропольский край. Было образовано осетинское село. Ныне это с. Коста-Хетагурово в Карачаево-Черкесии.

Как мы узнали из газетных публикаций прошлых лет, хранящихся в научном архиве СОИГСИ, Саша в школе учился очень хорошо. Уже в 5 классе он начал писать стихотворения на русском языке. Окончив школу, очень хотел учиться дальше, но из-за бедствующего положения семьи не смог этого сделать. Пошел работать на шахту. О трудолюбивом молодом Саше Калоеве и его производственных успехах не раз писали местные газеты.

Началась Великая Отечественная война. В 1942 году Александр ушел на фронт. Присылал домой короткие бодрые письма. В своем последнем письме он писал, что скоро погонят фашистов и обещал письмо из Берлина.

Осенью 1943 года советские войска вели ожесточенные бои за освобождение Крыма. 3 ноября 1943 года автоматчик 32-го гвардейского казачьего кавалерийского полка гвардии рядовой Александр Калоев в бою в районе села Перекоп Красноперекопского района Крымской области в составе группы бойцов под плотным вражеским огнем добрался до гребня Перекопского вала и вступил в открытый бой с фашистами, засевшими в укрытиях – дотах. Метнул связку гранат и подорвал вражеский пулемет. Но взрыв только на короткое время прервал стрекот пулеметов, затем они вновь ожили с удвоенной силой. И тут, с возгласом: «Вперед, за Родину!», Саша поднялся и бросился вперед, но попал под огонь ожившего пулемета. Тело его обмякло, но Саша с трудом нашел в себе силы, кинулся вперед и закрыл своим телом амбразуру дота.

Похоронен Александр Александрович Калоев в городе Армянск Республики Крым, в братской могиле.

За героический поступок командование полка представило Александра Калоева к званию Героя Советского Союза, но в связи с тем, что в целом дивизия не смогла выполнить приказ, командир дивизии написал на представлении, что Калоев награжден орденом Отечественной войны I степени.

Не забыли однополчане подвиг Александра Калоева. Рассказали корреспондентам фронтовых газет, и появились статьи в газетах с описанием героического подвига, совершенного А. Калоевым.

Нет, не был забыт подвиг Саши, но впереди было еще почти 2 года войны, и просто не было времени у его боевых товарищей воздать должное памяти друга. Однополчане, односельчане А. Калоева и многие, многие неравнодушные люди доказали всем, что никто не забыт, и ничто не забыто. В течение долгих 46 лет они по крупинкам собирали информацию, воспоминания, сведения об А.А. Калоеве, писали статьи в средства массовой

информации, изучали собранные материалы. Делалось это для того, чтобы историческая справедливость восторжествовала, и все узнали о солдате Отчизны, Александре Александровиче Калоеве.

В научном архиве СОИГСИ мы видели документы по присвоению звания Героя Советского Союза Калоеву Александру Александровичу. Их очень много. Это архивные копии, описание подвига, совершенного казаком Калоевым, написанное командиром полка, копия наградного листа и множество, множество других документов, в которых обосновывается необходимость присвоения Калоеву А.А. звания Героя Советского Союза.

Во всех документах присутствует фраза: «Автоматчик 4 эскадрона гвардии казак Калоев Александр Александрович в бою 3 ноября 1943 года за овладение Турецким валом на Перекопе проявил образец подлинного героизма и беззаветной преданности советской Родине».

Рассматривая полуистлевшие, рассыпающиеся от времени документы, датированные годами Великой Отечественной войны, невольно переносишься в те страшные годы и испытываешь чувство глубокой любви, огромной признательности и уважения ко всем тем, кто отдал за нас свои жизни.

Спустя 48 лет, 5 мая 1991 года – гвардии казаку Калоеву Александру Александровичу было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. В архиве мы видели копию указа, подписанного Президентом СССР М.С. Горбачевым. Звание присвоено Калоеву Александру Александровичу за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Награда была вручена 8 мая 1991 года сестре Героя Калоевой – Хаджимба Зарете Александровне в Москве.

В архиве СОИСИ хранится уникальная фотография, запечатлевшая это событие. Рядом с сестрой А. Калоева – его однополчане, боевые товарищи,

не забывшие о своем друге Саше Калоеве – ветераны 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса.

В архивных документах хранится также газета «Знамя» (№76, от 13 мая 1991 года). На первой полосе газеты напечатан Указ Президента СССР о присвоении звания Героя Советского Союза (посмертно) рядовому Калоеву Александру Александровичу. На этой же полосе – статья, в которой жители села Коста-Хетагурово искренне благодарят за упорный, многолетний труд, увенчавшийся прекрасным результатом – присвоением звания Героя Советского Союза гвардии казаку Калоеву Александру Александровичу – всех тех, кто, начиная с 1943 года, в течение многих лет старались сделать все возможное и невозможное по восстановлению исторической справедливости. Гвардии казак Александр Александрович Калоев – Герой Советского Союза (посмертно), награжден Орденами Ленина и Отечественной войны I степени.

Именем Александра Калоева были названы: улица в селе Суворово на севере Крыма, школа-гимназия №3 г. Армянск Республики Крым, школа №18 г. Симферополь.

От благодарных потомков, жителей с. Коста-Хетагурово Карачаево-Черкесской Республики, возведен мемориал в г. Армянск.

Калоев Александр Владимирович.

А.В. Калоев родился в 1904 году на хуторе Веселый Моздокского района Северной Осетии в семье бедного крестьянина. Как ни тяжела была жизнь, Саше удалось все-таки: к 12 годам окончить сельскую 4-классную школу. Затем пришлось работать в течение долгих 12 лет. Работал с большим усердием, но в душе всегда мечтал о продолжении учебы. Мечта постепенно становится явью: после учебы в Ростове – в Москве, с 1932 года он слушатель специальной Военной академии. Заканчивает ее с отличием, по специальности «военный инженер». Александр Владимирович был

направлен в Ленинград на опытный завод и сравнительно быстро прошел путь от рядового конструктора завода до руководителя исследовательской группы, где, в полной мере раскрылись его способности ученого-исследователя. Исследовательская группа, возглавляемая А. Калоевым, внесла значительный вклад в развитие бронетанковой техники страны. В результате проведенной большой экспериментальной работы были даны важные рекомендации по усовершенствованию танков; доказана необходимость создать всего 3 типа вместо 26 типов и марок танков: легкий, средний и тяжелый. Немедленному внедрению всех рекомендаций исследовательской группы Калоева помешало начало Великой Отечественной войны. Часть рекомендаций внедрялась уже в ходе войны, а часть – в послевоенные годы.

Во многих городах и на различных ответственных должностях А. Калоев служил Родине во время войны. Города – Павловск, блокадный Ленинград, Армавир, Сталинград, Николаев, Одесса, Тирасполь. Должности – заместитель начальника штаба учебно-танкового батальона, начальник подвижных ремонтных мастерских, главный инженер бронетанкового ремонтного завода.

Находясь в Сталинграде, Калоев занимал должность старшего помощника начальника отдела по ремонту, эксплуатации и эвакуации танков и другой техники армии. В то время ремонт танков в полевых условиях был запрещен. Ремонтировать их надо было в глубоком тылу в специальных мастерских и на заводах. По этой причине в ходе Сталинградской битвы на полях сражений оставались сотни танков, которые были подорваны фашистами и нуждались в ремонте. Александр Владимирович Калоев решил нарушить это правило и организовать ремонт таких машин силами войсковой подвижной мастерской. За эту «вольность» Калоев сначала получил выговор в приказе по фронту, когда командование узнало об этом, а затем – за эту же

«вольность» был награжден орденом. Удостоен он был награды за то, что во время боевых операций обеспечил работу по ремонту танков, выпустив из ремонта 120 танков и свыше 800 машин в течение 3 месяцев.

В послевоенные годы Калоев возглавлял отдел в научно-танковом комитете Главного бронетанкового управления Вооруженных сил, трудился над вариантом новых марок танков, ему удалось внести определенный вклад в развитие бронетанковой техники Советской армии. Он – один из ведущих конструкторов знаменитого танка «Т-34».

Инженер-полковник отдал около 30 лет защите Отечества в рядах Вооруженных сил Советского Союза. Вернулся к семье в родную Осетию. Более четверти века проработал заведующим кафедрой в Горском сельскохозяйственном институте. Здесь стал доктором технических наук, профессором.

Ветеран двух войн и труда А.В. Калоев за боевые подвиги и трудовые успехи был награжден более 100 благодарностями, в том числе и от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина; почетными грамотами, ценными подарками и свыше 25 орденами и медалями, в том числе двумя орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Дружбы народов и тремя орденами Красной Звезды.

Инженер-полковник А.В. Калоев умер в 1997 г. Похоронен в г. Владикавказ.

Калоев Хазби Александрович.

15 августа 1920 года в семье Александра и Аминат Калоевых родился третий сын – Хазби. В то время семья проживала в селении Байком Закинского ущелья. Через три года они переехали в селение Коста, где Хазби окончил семилетнюю школу. Уже в детстве у мальчика проявился незаурядный талант поэта. Хазби писал на осетинском и на русском языках. Его стихотворения публиковались в различных газетах и журналах Осетии.

Все просто и искренно в его произведениях: описания природы, любовь к девушке, любовь к родной земле.

В 1934 году Хазби Калоев поступил в Осетинский педагогический техникум, но заболел и окончить его не смог. По словам его младшего брата Харитона, Хазби, помогая свои старшим братьям-пастухам, нес им обед на пастбище и упал со скалы. Его долго выхаживал односельчанин, которого впоследствии Хазби называл своим доктором, а тот его в ответ – пациентом.

Проработав один год секретарем суда Орджоникидзевского района, Хазби поступил в Тбилисский государственный университет на филологический факультет. Через год, в 1939 году, Хазби Калоев перевелся на второй курс литературного факультета Северо-Осетинского педагогического института. Здесь и застало его начало Великой Отечественной войны. С последнего курса, в августе 1941года, Хазби был призван в ряды Красной Армии. Он мог остаться в институте, чтобы доучиться, но решение было принято – единственное! Только фронт, только передовая! В самый первый день войны, потрясенный наглостью и вероломностью врага, исполненный патриотических чувств и любви к своей Родине, молодой поэт написал свое первое стихотворение на военную тему «Обрести бесконечную отвагу». Никаких шансов на победу не оставляет он врагу. Беспощаден Хазби к фашистам в поэзии и, еще более, беспощаден на полях сражений.

С августа 1941 по сентябрь 1942 года Хазби Калоев учится в Камышинском танковом училище, по окончании которого был назначен командиром танка и в звании лейтенанта отправлен в действующую армию.

С фронта домой летят письма, в которых поэт безоговорочно, страстно, с любовью и отвагой пишет о защите Родины от фашистских захватчиков. Бесстрашие и жажда подвига в каждой строчке письма, в каждом новом произведении. Хазби горит ненавистью к врагам и каждое мгновение жизни

готов пожертвовать собой ради любви к своим близким, к своей родной земле.

«...Это битва за жизнь, за справедливость...Враг не пройдет! Своими костями мы загородим ему путь, если не станет боевой техники, мы утопим его в нашей крови... Многие сложат свои головы на полях сражений, многие отдадут свою жизнь за свободу будущих поколений...это – самая святая задача!.. Одна задача: погибнуть или победить...»

В ночь перед битвой, 7-го июля 1943 года, Хазби писал домой последнее письмо: «Ночь...Блиндаж... Коптилка... Бодрствую лишь я один. Вот пишу. На грязном листе бумаги излагаю свои печальные думы... Завтра бой. Каким он будет? Очень верю в свой экипаж. Ребята настроены только на победу. Скорее бы все решилось!» Хазби верил в победу. Он, командир танка, очень гордился своим экипажем.

8 июля 1943 года на Курской дуге под Белгородом Хазби Калоев погиб. Его танк был расстрелян почти в упор, вспыхнул, заживо сгорел весь экипаж. В том числе и Хазби – командир экипажа «Т-34».

В 1979 году по инициативе Тамары Николаевны Калоевой, заместителя директора по воспитательной работе Костаевской средней школы, центральная (Октябрьская) улица селения была переименована в улицу имени Хазби Калоева. На доме № 84 по улице Сталина, в котором с 1927 по 1940 год жил Хазби, установлена мемориальная доска в память о поэте-воине.

Изданы два сборника произведений Хазби Калоева. Свои последние стихотворения он писал прямо в танке. Дойдут – не дойдут... Выживут – не выживут. Этого он не мог знать. Хотя, конечно же, очень хотел, чтобы их прочитали, перевели с родного осетинского на русский язык – пусть бы дошли до всех...

Моя старшая сестра перевела на русский язык прощальное письмо, написанное Хазби, когда он уходил на фронт. В нем поэт обращается к родной Осетии, благословляет свой народ, свою землю. Еще одно стихотворение Хазби Калоева, посвященное родной земле – «День еще не показался в утренней росе...» – переведено на русский язык учителем нашей гимназии Яной Владимировной Лущик.

В начале села воздвигнут памятник жителям с. Коста, которые ушли защищать свою Родину во время Великой Отечественной войны и не вернулись.

Калоев Борис Александрович.

Родился в 1916г. в с. Байком Северной Осетии. В 1940г. окончил исторический факультет СОГПИ. В том же году был призван в ряды Красной Армии – рядовой 250 горно-вьючного артиллерийского полка. С февраля 1941г. – курсант Закавказского Военно-политического училища (г. Кусары Аз.ССР). Боевой путь прошел от Закавказья (Ирана) до Обояни (Курская дуга). В июле 1943г. был ранен и направлен на лечение в Москву. Дальнейшая служба проходила в Москве, работал в политотделе гвардейских минометных частей КА и одновременно был членом комиссии Главного политуправления КА по отбору кадров в гвардейские минометные части.

Капитан Борис Александрович Калоев – участник Парада Победы 24 июня 1945г. в Москве. Награжден двумя орденами Отечественной войны I и II степени, 15 боевыми медалями. В 1948г. поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР. После защиты диссертации был оставлен в том же институте. Автор классических трудов по истории и культуре осетин, историко-этнографических исследований народов Северного Кавказа, истории отечественного Кавказоведения, участвовал в обобщающей коллективной работе «Народы Кавказа» (серия «Народы мира») и составлении историко-этнографических атласов Кавказа.

Ученый-кавказовед, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСО-А Борис Александрович Калоев умер в 2006г., похоронен в г. Москва.

Калоев Солтанбек Александрович.

Родился в 1917 году в с. Байком Северной Осетии. Первый среди осетин генерал-майор медицинской службы. В 1941 году окончил военный факультет Московского государственного медицинского института № 2 и стал военным врачом. Всю Великую Отечественную войну Солтанбек помогал раненым, был главным терапевтом 5-й Воздушной армии. После войны С. А. Калоев преподавал в медицинских учреждениях, возглавлял медицинские службы. В Ленинградской военно-медицинской академии им. С.М. Кирова написал диссертацию на необычную тему, связанную с вопросом организации строительства подземных госпиталей, медицинских пунктов обеспечения и других медицинских учреждений. По окончании академии командование Советской армией в 1956 году поручило С.А. Калоеву возглавить самую большую в стране медицинскую службу воздушной обороны Бакинского военного округа. Здесь он и построил подземный госпиталь, претворяя в жизнь идеи своей диссертации. Солтанбеку Калоеву присвоили ученую степень кандидата медицинских наук. Солтан Александрович издал десятки научных и методических работ. В 1970 году ему было присвоено очередное воинское звание «Генерал-майор медицинской службы». С.А. Калоев был награжден двадцатью государственными наградами, в том числе и медалью «Во Славу Осетии».

Солтан Александрович Калоев умер в 1997 году. Похоронен в г. Москва.

Джанаев Аким Казбекович.

Родился в 1909г. в ауле Синдзисар Северной Осетии. С 1941г. участвовал в боях Западного фронта в качестве парторга, командира

топографического взвода, начальника штаба артдивизиона. 4 апреля 1942г. в одном из боев был тяжело ранен. В конце года старший лейтенант Джанаев Аким был демобилизован по инвалидности. Вернувшись в Орджоникидзе, работал заместителем начальника управления по делам искусства при Совнаркомом СО АССР. В январе 1945г. защищает кандидатскую диссертацию и возвращается на кафедру истории СССР СОГПИ, заведует кафедрой, потом переводят в СОНИИ на должность заместителя директора по научной работе. Им написано более 80 научных трудов, монографий, рецензий и статей, он был членом авторского коллектива Большой Советской Энциклопедии. За боевые заслуги и доблестный труд Аким Казбекович Джанаев был награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, 11 медалями, в том числе «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», две – «За доблестный труд». Он – «Отличник народного просвещения». Аким Казбекович Джанаев умер в 1990г., похоронен в г. Владикавказ.

Джанаев Георгий Алексеевич.

Родился в 1910 году в г. Владикавказ. В 1932-1934гг. прошел действительную службу в Красной Армии. Служил в национальном кавалерийском полку. На фронт ушел с первых дней Великой Отечественной войны. Под г. Белая Церковь получил тяжелое ранение, после лечения в госпитале был направлен в войска генерала И. Плиева, на должность командира эскадрона, где воевал до окончания войны. Был награжден орденами Александра Невского, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды и 12 медалями, в том числе «За отвагу», «За боевые заслуги», имел благодарности от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. После демобилизации из Вооруженных сил Георгий Алексеевич работал в органах МВД. Майор в отставке, Георгий Алексеевич Джанаев умер в 1991 г., похоронен в г. Владикавказ.

Джанаев Иван Алексеевич.

Родился в 1913 году в г. Владикавказ. Поступил в Ленинградскую художественную академию имени Репина. Не приступая к учебе, уехал и поступил в Гомельское военно-техническое авиационное училище. Во время Великой Отечественной войны сражался с фашистами в небе, защищая Родину. Был командиром штурмовика ИЛ-2. За множество успешных вылетов имел несколько орденов: орден Отечественной войны I степени, орден Отечественной войны II степени, орден Красной Звезды. В марте 1945 года в боях за Будапешт его штурмовик был подбит. Раненый старший лейтенант И.А. Джанаев приказал стрелку покинуть загоревшуюся машину, а сам направил падающий самолет в скопление танков противника, повторив бессмертный подвиг Героя Советского Союза, летчика Николая Гастелло. Был представлен к званию Героя Советского Союза (посмертно) командиром авиационного полка 17 воздушной армии.

О подвиге, совершенном героем-летчиком Иваном Джанаевым, писали газеты «Красная Звезда», «Комсомольская правда» и другие.

Джанаев Азанбек Васильевич.

Родился в 1919 году в г. Владикавказ. Народный художник РСФСР, заслуженный деятель искусств СОАССР, лауреат государственной премии имени К.Л. Хетагурова. Участник Великой Отечественной войны с 1941г. по 1943г. Сценарист, режиссер, художник, актер первого художественного (любительского) фильма, пользовавшегося огромным успехом (1966г.). Основные темы в творчестве художника – историческое прошлое Осетии, национальные традиции осетинского народа, «Нартовский эпос». Азанбек Джанаев – прекрасный анималист, скульптор, портретист. Художник создал серию портретов известных личностей Осетии: К. Хетагурова, В. Тхапсаева, Х. Мильдзихова, И. Плиева и других. Портрет талантливого полководца, дважды Героя Советского Союза генерала армии Исса Плиева был одним из

центральных экспонатов выставки в музее Великой Отечественной войны в Москве. Выставка была посвящена присвоению городу Владикавказ звания «Владикавказ – город воинской Славы» в 2011 году, в год 66-летия Победы. Азанбеком Джанаевым была создана серия картин, посвященная Великой Отечественной войне: «Бой под селением Гизель», «Героический подвиг Х.З. Мильдзихова», «Подвиг Ботоева».

Скончался А.В. Джанаев в 1989 году. Похоронен на аллее Славы г. Владикавказ.

Джанаев Георгий Георгиевич.

Родился в декабре 1921 года в г. Моздок. В 1940 году стал курсантом Грозненской авиашколы, а затем окончил Бакинское зенитно-артиллерийское училище. С 1943 по 1945 годы служил в линейных частях Советской Армии в качестве командира батареи 1937-го зенитно-артиллерийского полка 4-го Украинского фронта. За два месяца до окончания войны был ранен на территории Чехословакии и госпитализирован в г. Баку, демобилизован в звании старшего лейтенанта.

В 1951 году окончил агрономический факультет Северо-Осетинского сельскохозяйственного института, являясь Сталинским стипендиатом. В 1954 году - кандидат с\х наук, с 1970 года – доктор с\х наук.

С 1962 по 1982 гг. Георгий Георгиевич работал ректором Горского СХИ, внёс весомый вклад в его становление и развитие. За 20 лет институт превратился в лидера отечественного аграрного образования. Имя Георгия Георгиевича известно в стране как вдохновителя и организатора агрохимических и биологических исследований в Северо-Кавказском регионе. На его счету ряд фундаментальных монографий по вопросам плодородия почв и эффективности удобрений. С 1987 года и до конца жизни – профессор кафедры земледелия ГГАУ. Его деятельность не ограничивалась преподавательской и научной работой. Он был видным государственным и

общественным деятелем – Председателем Верховного Совета СО АССР 9-го созыва, председателем Совета Ректоров вузов г. Владикавказ, председателем общества Советско-Болгарской дружбы, постоянным членом Народного контроля при Совете Министров и общества «Знание», членом Обкома КПСС и его ревизионной комиссии, первым и бессменным председателем «Совета старейшин» республики (Хистæрты Ныхас, с 1990г.).

За ратные и трудовые подвиги Георгий Георгиевич награжден орденами: Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак почета» и многими медалями.

Джанаев Георгий Георгиевич - заслуженный деятель науки РФ, СО АССР, ЧИ АССР, награжден многими почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР, СО АССР, ЧИ АССР, КБ АССР.

Джанаев Хетаг Темболатович.

Родился в 1921г. в с. Елгона Северной Осетии. Окончил педагогическое училище, работал учителем в с. Црау. Его фронтовой путь начался в 1941г., закончился в Берлине в мае 1945г. Участник Курской битвы, Висло-Одерской операции, освобождения Варшавы, штурма Берлина. Участвовал во взятии рейхстага, на стене которого оставил свой автограф:

*«...И вот я стою на вершине Рейхстага,
Из многих бойцов – осетин,
И чувствую гордость победного флага, –
Внизу покоренный Берлин!»*

Младший лейтенант Джанаев демобилизовался в 1945г., работал учителем в родном селе. Закончил СОГПИ и более 40 лет отдал воспитанию подрастающего поколения. «Отличник народного просвещения», был награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне

1941-1945гг.», семью благодарностями от Верховного Главнокомандующего, многими юбилейными медалями, грамотами, поощрениями за профессиональный труд. Хетаг Темболатович умер в 1993г., похоронен в с. Коста.

Джанаев Павел Сергеевич.

Родной дядя моего дедушки Джанаева Казбека Бимбулатовича. Дедушки уже нет в живых, поэтому у нас очень мало информации о его дяде. Знали только то, что во время Великой Отечественной войны служил в авиационных войсках, а после демобилизации жил и работал в Москве. На сайте «Подвиг народа» мы нашли наградной лист Джанаева Павла Сергеевича. Инженер-капитан 747 авиационного полка дальнего действия, родился в 1913г. в Кобинском ущелье. На фронте с 1 сентября 1941г. в качестве инженера эскадрильи. За самоотверженную работу по обеспечиванию боевых вылетов эскадрильи инженера-капитана Джанаева П.С. представили к правительственной награде: ордену «Красная Звезда» (наградной лист от 9 февраля 1943г.). Также нами была найдена информация о том, что он был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу». Джанаева Павел Сергеевич скончался в 2005г., похоронен в г. Москва.

*****

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

12 февраля 2020 г. в зале Ученого совета СОГУ состоялась Международная школа – конференция «Кавказ в его прошлом и настоящем: история, археология, культура». Организаторами форума выступили СОИГСИ им. В.И. Абаева и СОГУ им. К.Л. Хетагурова

В работе школы-конференции приняли участие представители научного сообщества регионов СКФО, Украины и Южной Осетии.

«За более чем десятилетнюю историю школа-конференция стала узнаваемой и авторитетной площадкой для непрерывной коммуникации молодых ученых Северного Кавказа. Совместный проект создает благоприятные условия для актуальных научных исследований», – отметила директор СОИГСИ Залина Канукова.

Важную роль исторического факультета в становлении университета подчеркнул ректор СОГУ **Алан Огоев**.

«В 2020 году мы отмечаем юбилей Университета. В первые сто лет мы вступаем, наполненные созидательной энергией, уникальными идеями и перспективными планами. Исторический факультет стал одним из первых отделений Терского института народного образования. На факультете за все годы его существования трудились много талантливых ученых и не менее талантливых педагогов, которые заложили основы исторического образования на Северном Кавказе», – отметил он.

На площадках конференции обсудили этногенетические и этнокультурные процессы на территории Северного Кавказа в эпоху древности и средневековья; научное наследие выдающихся исследователей Кавказа; современные политические, общественные и культурные процессы в северо – кавказском регионе.

Материалы конференции, прошедшие экспертизу, будут опубликованы в научном журнале «Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых».